

Александр Осипов

Этничность и равенство в России:
особенности восприятия

**Москва
2012**

Настоящий материал (информация)
произведен и (или) распространен
иностранным агентом
РОО Центр «Сова»
либо касается деятельности
иностранного агента
РОО Центр «Сова».

18+

УДК 316.347+94(470)
ББК 60.545.1+63.3(2)64-38

Содержание

О 73 **Осипов Александр. Этничность и равенство в России: особенности восприятия.** — М.: Центр «Сова», 2012. — 200 с. (Научное издание).

ISBN 978-5-98418-025-2

Книга посвящена описанию и анализу того, кто, в каких ситуациях и каким образом в России замечает и рассматривает в качестве проблемы неравенство по этническому признаку. В книге показаны основные наиболее распространенные в мире способы описания этнических и расовых неравенств, в первую очередь дискриминация и защита меньшинств; кратко рассматриваются их эволюция и их место в современной политике управления расовым и этнокультурным многообразием.

Автор уделяет особое внимание тому, как эти подходы и связанные с ними категории интерпретируются в России научным сообществом, управленцами, средствами массовой информации и общественными активистами, а также рассматривает роль и значение советского наследия в понимании равенства по этническому признаку.

В книге показаны причины, по которым проявления ненасильственной дискриминации остаются невидимыми для публики и специалистов, а общественное внимание — переключенным на иные темы, такие как ксенофобия, конфликты и поддержка культурного разнообразия. Автор рассматривает возможные социальные риски, связанные как с широким, так и узким истолкованием дискриминации или нарушения равенства, а также предлагает способы их минимизации.

Рукопись подготовлена по результатам научно-исследовательского проекта № 08-03-00300а, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.
Книга издана при поддержке National Endowment for Democracy.

Веб-сайт Центра «СОВА», включающий публикации и новости, —
<http://sova-center.ru>

Редактура и корректура — В. Ахметьева
Дизайн — Н. Винник

Верстка, рисунок на обложке — М. Конькова

Подписано в печать 20 июня 2012 г. Формат 60x84/16 Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 11,6. Тираж — 500 экз. Заказ № .....

РОО Центр «Сова». Адрес для писем: 103982, Москва, Лучников пер., д. 4, под. 3, к. 2.

Телефон/факс: (495) 517-92-30. E-mail: mail@sova-center.ru. Веб-сайт: <http://sova-center.ru>

Типография Россельхозакадемии. 115598, Москва, ул. Ягодная, 12.

Введение	4
Глава 1. Социальное равенство и этнические различия	8
Глава 2. Дискриминация и расизм.....	21
Глава 3. Другие подходы к этническому неравенству	46
Защита меньшинств.....	46
Многосоставное общество	50
Мультикультурализм.....	53
Толерантность	57
Глава 4. Нарушения равенства как эмпирическая реальность	62
Глава 5. Противодействие дискриминации.....	102
Глава 6. Ксенофобия и агрессия	114
Глава 7. Многонациональность и многокультурность.....	130
Глава 8. Структурные неравенства.....	150
Заключение	166
Литература	178

ISBN 978-5-98418-025-2

9 785984 180252 >

© Осипов А.Г., 2012 — текст
© Винник Н.В., 2012 — оформление

Введение

Прошрое, двадцатое, столетие без преувеличения можно назвать веком геноцидов, этнических чисток, апартеида и этнической дискриминации. Фобии, предрассудки, нарушения прав, преследования на этнической или расовой почве встречаются едва ли ни в любой отрезок времени почти в любых географических рамках. И одновременно — парадокс — никогда еще столько людей и солидных учреждений не были озабочены проблемой равенства и равноправия людей, независимо от того, к каким расам, национальностям и этническим группам они относятся. Тема равенства по этническому и расовому признаку возникла, разумеется, задолго до наступления XX века, но именно на его протяжении стала без преувеличения глобальной повесткой, занимающей самые разные политические силы, профессиональные группы и течения общественной мысли. Слово «озабочены» будет здесь не самым точным и удачным: интеллектуальные элиты — в первую очередь наука, правительства, международные организации, корпорации и гражданские активисты разного толка — не только формулируют и обсуждают проблему, но и реально делают многое, чтобы принять и провести в жизнь правовые нормы равенства, создать соответствующие институциональные гарантии и соответствующим образом сформировать общественное мнение.

В начале XXI века ситуация принципиально не изменилась. Все, что было признано неприемлемым, таковым и остается, принимаются новые международные инструменты и национальные законы о противодействии дискриминации, и число людей, вовлеченных в исследования, дебаты и практическую деятельность, по меньшей мере, не снижается.

Положение дел можно описать и несколько иным образом. Во всех странах со сколько-нибудь сложной и не загнанной в подполье общественной и интеллектуальной жизнью активно обсуждаются две большие, сложные, не вчера возникшие и обреченные на долгую жизнь темы: во-первых, так называемые этнические или расовые (в зависимости от контекста конкретной страны) отношения, во-вторых, то, как понимать социальные неравенства и социальную справедливость. Там, где эти области пересекаются, происходит отнюдь не механическое сложение на первый взгляд близких сюжетов, но формирование новых и сложных вызовов, повесток и задач.

Неоднородность общества по критериям происхождения, языка, культуры и так далее определяется в разных странах по-разному, с использованием самых разных понятий. Социальное неравенство имеет множество измерений и нюансов, определяемых общественным

устройством и состоянием общественного сознания. Равенство или неравенство по этническому или другому сходному признаку рассматриваются и осмысляются тоже разными способами, посредством разных понятий и категорий. При всем разнообразии сценариев обсуждений и практических действий общими для разных стран остаются, во-первых, признание важности самой темы, во-вторых, основные направления и компоненты дискуссий и практических действий. В мире идут сложные и динамичные процессы, которые связаны с проблемами расового и этнического равенства и которые затрагивают разные стороны общественной и интеллектуальной жизни.

Уместно задаться вопросом: какое место в этих процессах занимает Россия или, шире, страны бывшего Советского Союза? Включено ли это пространство в общие процессы и если да, то в какой степени? Признаются и принимаются ли те идеи и представления, которые возникают в других частях мира? Если они отторгаются или игнорируются, то в чем причины этого и что появляется в качестве их замены? Какие вообще реакции и с каких сторон вызывает общая постановка вопросов о равенстве в российском (или бывшем советском) обществе?

Я исхожу из двух допущений. Во-первых, что Россия не является пустым в интеллектуальном отношении местом и здесь так или иначе обсуждаются вопросы этнического равенства, и во-вторых, что связи с мировыми процессами сложны и не всегда очевидны. Далее я попробую если не ответить на поставленные абзацем выше вопросы (едва ли это возможно по причине обширности и сложности темы), то хотя бы показать основные черты и особенности российских подходов и восприятий.

Россия не отделена от остального мира «железным занавесом», и местная просвещенная публика без особого труда может узнать, как проблемы равенства и дискриминации обсуждаются за пределами страны. Тема социального, в том числе этнического, равенства стала значимой и востребованной в России более ста лет назад благодаря левым и либеральным движениям. Социальное равенство было идолом Советской власти, и риторика равноправия была широко представлена во всевозможных партийных и правительственных текстах, включая советское законодательство. Собственно, лозунг национального равенства был условием, без которого в принципе сложно было мыслить такое сложное по составу и структуре государство, как СССР. Идеал равноправия провозглашается и во многих современных официальных текстах. Запрет нарушения равных прав декларирован в российской Конституции и ряде законов, Россия несет международные обязательства, касающиеся недискриминации, и международное право все еще имеет значение для небольшой части чинов-

ников и даже населения. Таким образом, нет причин, по которым вопросы равенства людей независимо от их этнической принадлежности не могут присутствовать в российских публичных дискурсах. А вот в каких формах и с какими последствиями проявляется это присутствие — отдельный и крайне интересный вопрос.

Почему вообще следует считать важным вопрос о том, как воспринимается расовое и этническое равенство в конкретной стране, в данном случае России?

Требуется оговорка: тема обширна, при обращении к ней хотелось бы избежать написания справочника по этническим проблемам или трактата на морально-философские темы. Эта книга посвящена скорее технической стороне вопроса, тому, что можно назвать «политикой равенства» (в значении и politics, и policies), и тому, как эту политику воспринимает и как на нее реагирует общество.

С учетом сделанной оговорки надо заметить, во-первых, что «политика равенства», особенно в отношении равенства расового и этнического, не в последнюю очередь влияет на перспективы политической системы и государства в целом. Здесь нет утверждения, что равенство или неравенство по этническому признаку в принципе менее значимо из общих моральных или философских соображений, чем равенство людей по любому другому признаку — полу, возрасту, месту жительства и иным критериям. Однако (и к этому ниже придется возвращаться) этническая или расовая принадлежность имеют одну важную особенность. В разных обществах и в мире в целом в тех или иных видах постоянно воспроизводятся представления о самодостаточности этнических, национальных или расовых категорий и о возможности рассматривать их в качестве самостоятельных политических единиц и даже основы государственности (что отражается, в частности, в идее «самоопределения»). Отсюда, кстати — жестокость и бескомпромиссность конфликтов на этнической или расовой почве и их тесная связь с формированием наций и государств.

Во-вторых, отношение к равенству по этническому или расовому признаку очень много говорит о состоянии общества (в том числе зрелости интеллектуальных и политических элит) и тенденциях его эволюции. Вопросы, связанные с равенством или неравенством, оказываются точкой встречи целого ряда болезненных и сложных проблем, связанных с осмыслением этнического разнообразия и с попытками им управлять. Нет нужды подробно объяснять важность того, как общество описывает и структурирует себя в национальных, этнических или расовых терминах.

В-третьих, то, как в конкретной стране реагируют на задачу обеспечения этнического равенства и как ее решают, позволяет под новым

углом взглянуть на сами правовые и политические рецепты обеспечения равенства и, возможно, лучше увидеть границы их практического применения, сильные и слабые стороны. Выработанные к настоящему времени теоретические и практические подходы во многом противоречивы и во многих случаях дискуссии позволяют в лучшем случае формулировать предмет дискуссии. Многие проблемы не имеют устраивающего всех логического решения, и получаемый результат является продуктом политики, то есть определяется соотношением сил внутри данного общества.

Очерки, составляющие эту книгу, далеки от детального описания всех ситуаций и вопросов, связанных с этническими неравенствами в современной России, и попыток их преодолеть или ослабить. Скорее это попытка привести в систему многолетние наблюдения за общественными дискуссиями и практическими усилиями самых разных людей, сделанные глазами исследователя и сотрудника правозащитных организаций.

Глава 1. Социальное равенство и этнические различия

Вопросы равенства по этническому или расовому признаку попадают одновременно в два рамки: социального равенства вообще и так называемых этнических или расовых отношений. Вместо подробного, структурированного и аргументированного введения в обе тематические области из-за ограниченности задачи и объема данной книги приходится ограничиться тезисами буквально в телеграфном стиле. Но начать необходимо с нескольких уточняющих замечаний и оговорок.

Здесь и далее речь идет не о равенстве вообще, а о нарушении равенства и о том, где и когда определенная ситуация осознается как отклонение от нормы, замечается как социально значимое явление и воспринимается как проблема. Никакая социальная проблема не существует как объективная данность; проблемы социально конструируются, то есть определенные отношения в обществе становятся распознаваемыми и воспринимаются в качестве вызова, требующего реагирования¹. Соответственно, одни и те же отношения могут описываться и проблематизироваться различными способами, и эти способы могут сочетаться или конкурировать. В интересующей нас области нарушения этнического или расового равенства могут объясняться как дискриминация, как проблемы защиты меньшинств или же как этнические и прочие конфликты.

Есть разница между, с одной стороны, общими вопросами равенства или неравенства как социальной стратификации и классового деления и, с другой стороны, равенством между категориями, выделяемыми на основании приписываемых людям (иначе говоря, аскриптивных) признаков, таких как раса, пол, этничность, происхождение и т.п. Проблемы в этих двух областях формулируются по-разному и имеют во многом разный пафос и разную предысторию. Это особенно заметно, когда неравенство рассматривают с помощью категории дискриминации, то есть неправомерно или необоснованно разного обращения с людьми, отличающимися приписываемым им общим групповым признаком.

Следует отметить, что тема социальной стратификации в России относительно подробно освещена в академической и публицистической

литературе². В работах, написанных из перспективы экономической науки, социологии и политических наук, приоритетное внимание уделяется описанию различий в доступе к материальным ресурсам и в социальном статусе³. Встречаются также публикации о различиях в качестве жизни и в доступе к таким благам, как образование и здравоохранение⁴. Реже изучают механизмы производства и институционализации классовых и статусных неравенств⁵, а также пространственных диспропорций⁶. Можно упомянуть многочисленные труды, написанные с позиций социальной философии и теории права, об абстрактном понимании категорий равенства и равноправия⁷.

Что же касается неравенств между аскриптивными категориями, нарушений равенства и, в частности, дискриминации, то в России обнаруживается явный дефицит внимания (исключая тему гендерного равенства, поднимаемую в последние годы). Любой, следящий за различными

² Бондарь Н.С., Капанова Ю.В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов: РГУ, 2002; Гофман А.Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 23–26; Поленина С.В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Государство и право. 2005. № 5. С. 66–77; Тихонова Н. Модель социальной стратификации российского общества: эвристические возможности различных теоретических подходов // Россия реформирующаяся. Вып. 6. М.: ИС РАН, 2007.

³ Социальное неравенство и публичная политика. М.: Культурная революция, 2007; Социальные неравенства и социальная политика в современной России = Social inequalities and social policy in modern Russia. М.: ИС РАН, 2007; Тарусин М. Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества. М.: Ин-т общественного проектирования, 2006.

⁴ Добрынина Е.П. Свобода. Неравенство. Братство: социологический портрет современной России. М.: Российская газета, 2007.

⁵ Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России // Мир России. 2008. № 3. С. 37–66; № 4. С. 3–35; Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М.: Референдум, 2003; Шкаратан О.И., Иняевский С.А., Красилова А.Н., Крельберг Ю.М., Смыслов Д.А., Ястребов Г.А. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2009.

⁶ Бобков В.Н. Каким быть региональному неравенству качества и уровня жизни? // Мир России. 2009. № 3. С. 61–84; Зубаревич Н.В. Мифы и реальности пространственного неравенства // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 38–53.

⁷ Крылов Б.С. Проблемы равноправия и равенства в российском конституционном праве // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 13–24; Комкова Г.Н. Запрет дискриминации в российском и международном праве. Саратов: Поволж. акад. гос. службы, 2003; она же. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002; Ларинбаева И.И. Диалектика равноправия и дискриминации: теоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2006. № 1. С. 10–18.

¹ Spector M., Kitsuse J. Constructing Social Problems. Menlo Park, CA: Cummings, 1977; Kornblum W., Joseph J., Smith C. Social Problems. 12th ed. Upper Saddle River, N.J.: Pearson Prentice Hall, 2007; Loseke D.R. Thinking about Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives. 2nd ed. N.Y.: Aldine de Gruyter, 2003.

антидискриминационными инициативами и научными дискуссиями о противодействии дискриминации в Северной Америке и странах Европейского Союза, не может не обратить внимания на колоссальную разницу в частоте и характере использования термина по сравнению со странами бывшего СССР. Особый, промежуточный, случай представляют собой страны Балтии и другие бывшие социалистические страны, ставшие членами ЕС.

***

Равенство — очень широкое и по-разному определяемое понятие. Все люди так или иначе отличаются друг от друга по многим показателям: темпераменту, здоровью, интеллекту, внешности, месту жительства, роду занятий, уровню доходов, имущественному положению и т.п. Важны не различия сами по себе, а то, как они оцениваются в обществе и влияют на поведение людей. Социальное значение различий не есть что-то данное, оно постоянно меняется и переопределяется, в том числе получает разное теоретическое истолкование.

Но хотя в современном мире риторика равенства в той части, которая касается права и политики, на первый взгляд, сложна и неоднородна по направленности и аргументации, она базируется на нескольких основных мыслительных схемах. И здесь уместно назвать некоторые ключевые черты основных современных, западных по происхождению, подходов к пониманию равенства и способам оправдания требований равенства. Оговорюсь, я не собираюсь затрагивать философские и этические корни представлений о равенстве как ценности и разбирать исторические причины того, что требования обеспечения и защиты равенства получили (главным образом в западных странах) институциональные гарантии. Это требует отдельного обсуждения.

Равенство может пониматься двояко: как нормативное требование, то есть как принцип отношения к людям, или эмпирически, как фактическое сходство социальных позиций. Эти два понимания — равенство как этическое требование и равенство как равное положение по отношению к тем или иным общественным институтам, например, сообществу граждан, светскому правительству или духовной власти — развивались в человеческой истории долго, постепенно и разными путями.

Следует уточнить, что равенство как нормативное требование, действующее внутри категории «своих» (воинов, граждан, мужчин, собственников, аристократов, представителей очередной «высшей расы» и т.п.), и как идея равного достоинства и потому равенства людей вообще — разные вещи, хотя второе эволюционно возникло из первого.

Отправной точкой можно считать Античность и возникшую в греческих полисах идею равенства свободных людей. Мировые религии сформировали представление о равенстве их адептов перед богом. Европейское Просвещение XVII–XVIII веков с его идеями гуманизма подошло к представлению о принципиальном равенстве людей вообще. Идеалы свободы и равенства были начертаны на знаменах великих буржуазных революций — американской и французской.

Моральные требования равенства подкреплялись нуждами нового социального порядка, основанного на идеях нации как сообщества граждан, на частной собственности, рынке и, соответственно, свободе договора формально равных контрагентов. Отсюда логично вытекают требования всеобщности действия закона и равенства граждан перед законом и судом. Реальность несколько расходилась с идеалом: равными друг другу считались свободные и полностью дееспособные люди, а их круг был первоначально узок и расширялся постепенно. Даже в самых развитых по меркам, например, позапрошлого века буржуазных странах в этот круг не входили женщины, рабы, индейцы и коренные жители колоний, бездомные, неимущие и т.п. — в зависимости от конкретного периода и конкретной страны.

В XIX и в первой половине XX века происходит постепенная эмансипация все новых и новых социальных категорий и слоев. Расширяется избирательное право, полноправными гражданами становятся женщины, законодательно отменяется рабство в европейских колониях и в Северо-Американских Соединенных Штатах, устраняются имущественные и прочие цензы, наконец, происходит ликвидация колониальной системы и трансформируется созданное в ее рамках по сути сословное общество.

Во второй половине XX века равенство как нормативное требование, распространяющееся на всех людей, все шире, полнее и детальнее закрепляется в праве — в международных соглашениях, а также национальных законодательствах и в судебной практике развитых капиталистических стран. Идеалы равенства провозглашают и по-своему проводят в жизнь страны «реального социализма», а новые независимые государства, освободившись от колониализма, во многом копируют законы западных стран, в том числе законодательные положения о равенстве.

Равноправие не только декларируется, но и получает новые институциональные основы. Развитые страны проводят все более активную социальную политику (что идеологически отражается в доктринах «государства всеобщего благоденствия», Welfare State), предполагающую дополнительные законодательные гарантии и разного рода поддержку уязвимым группам. Специальное законодательство детализирует запрет дискриминации, а для его обеспечения создаются особые институты (см.

ниже). Политика развития и сближения разных социальных групп и слоев провозглашается и (с оговорками ввиду специфических черт системы) проводится в жизнь в СССР и других социалистических странах.

В 1970-е годы входят в моду политика мультикультурализма, предполагающая отказ от идеала культурно однородного общества и создание более комфортных условий для иммигрантов, этнических и расовых меньшинств. Вопросы социального равенства из умозрительных превращаются в практически значимые и дают самой разной публике — от филологов до гражданских активистов — обильную пищу для обсуждений.

***

Примем как данность, что в современном мире понятия «равенство» и «справедливость» стали во многом взаимозаменяемыми. Посредством слов «равенство» или «равноправие» обычно стараются обозначить нормативное приемлемое или социально признанное, то есть справедливое, но совсем не обязательно одинаковое отношение к людям или группам⁸.

Вопрос о приемлемости или неприемлемости различного обращения в общем плане решается в соответствии с известными формулами Аристотеля из «Никомаховой этики»: «равным — равное, неравным — неравное» и «для неравных равное стало бы неравным»⁹. К людям, находящимся в сопоставимом положении, необходимо подходить с одной меркой, то есть с одинаковыми требованиями; напротив, требуется учитывать существенные для определенной ситуации различия между людьми, что предполагает неравное обращение. В переводе на современный правовой язык требование равенства означает обеспечение для людей равной степени свободы и достоинства. В конкретных ситуациях это может означать требование как равного, так и неравного обращения, причем последнее порой рассматривается как средство компенсации за неблагоприятные условия, в которых оказываются определенные люди или категории людей.

Подобная формула, ясная и понятная в самом общем виде, на практике, в конкретных обстоятельствах, создает немало трудностей. Всегда возникают вопросы: как измерить и по каким критериям вычислить равную степень свободы и достоинства, как определить, насколько и по

⁸ См.: Гусейнов А.А. Справедливость // Новая философская энциклопедия. Т. III. С. 622–624; Зайков Д.Е. Равенство: новое содержание и значение для современного общества и государства // Государство и право. 2011. № 2. С. 101–106.

⁹ Aristotle. Nicomachean Ethics, book 5 // The Internet Classics Archive (<http://classics.mit.edu/Aristotle/nicomachaen.5.v.html>). P. 3.

каким показателям те или иных ситуации сопоставимы и какое именно обращение является равным или неравным.

В современном мире основной рамкой для понимания справедливости стала так называемая распределительная парадигма, основанная на представлении о том, что ключом к решению всех социальных проблем является распределение материальных и нематериальных благ, в том числе таких, как владение имуществом и доход, отношение к средствам производства, характер занятости и доступ к профессии, условия жизни, участие во власти, признание и престиж, то есть социальный статус. Справедливость на основе распределительной парадигмы все чаще понимается прямолинейно — как достижение приблизительного равенства в удовлетворении человеческих потребностей¹⁰. Соответственно, такое толкование оттесняет на второй план меритократическое понимание справедливости, то есть как воздаяния по заслугам, в зависимости от того, в какой степени человек своей деятельностью приближается к некоему абстрактному идеалу. И фактически маргинальными оказываются либертарианские интерпретации равенства как свободы, прежде всего свободы вступать или не вступать в социальные интеракции и систему социальных обменов.

Разные теоретические подходы по-разному проводят различие между формальным и содержательным равенством. Формальное равенство может пониматься двояко. Во-первых, это выражение может использоваться в буквальном значении — как требование, закрепленное формально, в первую очередь в законодательстве. В этом значении нормативный порядок, существующий умозрительно, противопоставляется фактическому порядку, то есть тем реалиям, которые сложились в жизни, и эта разница порой может быть очень значительной.

Другое понимание формального равенства — это одинаковое отношение к людям, или равенство в обращении. В таком употреблении формальное равенство имеет несколько негативное звучание, поскольку подразумевает, что существенные различия между людьми могут игнорироваться. Формальное равенство во втором значении содержательно не совпадает с первым толкованием. Дело в том, что провозглашение равенства на бумаге, в правовой норме, автоматически не означает равенства в обращении и совершенно единообразного применения этой нормы. Обычно любое предписание закона оставляет некоторую свободу усмотрения, и разное обращение с людьми может и не выглядеть как нарушение писаной нормы.

¹⁰ Подробнее см.: Прокофьев А.В. Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия // ИФ РАН (<http://iph.ras.ru/page53519131.htm>).

Формальному равенству противопоставляется равенство содержательное, или сущностное. И здесь приходится ставить большой знак вопроса. Любая попытка сформулировать требования равенства сталкивается с тем обстоятельством, что все люди фактически не равны по множеству врожденных или приобретенных характеристик. Неодинаковое отношение, например, к мужчинам и женщинам или приверженцам разных религий может рассматриваться как несправедливость; напротив, одинаковые требования к людям, находящимся в неравном положении, также могут считаться несправедливыми. Можно представить себе, например, гипотетическое соревнование по бегу при честном соблюдении единых для всех правил между профессиональным легкоатлетом и одноногим инвалидом или поединок на ринге между чемпионом мира по боксу и любителем-подростком. Полностью равное отношение к людям, игнорирующее любые различия, неосуществимо в принципе, иначе было бы невозможным правовое и вообще любое социальное регулирование.

Чаще всего содержательное равенство понимается как равенство в доступе к тем или иным благам. Первым уровнем в достижении содержательного равенства можно считать равенство стартовых условий, что означает такое состояние, при котором устранены последствия прошлых несправедливостей, ставящих часть людей в заведомо проигрышное положение. Например, недостаточно просто объявить о признании равных прав людей, которые подверглись незаконным репрессиям и были лишены гражданства и имущества; как минимум, необходимо восстановить то состояние, которое было до момента репрессий. Нет также особого практического смысла говорить о равноправии этнического меньшинства, если оно подвергалось открытой дискриминации, не имело доступа к качественному образованию, рынку труда и было вынуждено жить изолированно в трущобах. Требуется хотя бы устранение наиболее явных последствий такой политики, чтобы люди имели отличные от нуля шансы на рынке труда и жилья.

В практической политике и законотворческой деятельности модель равных стартовых условий остается наиболее востребованной. Она заложена, например, в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; ее применяют суды США в делах, касающихся так называемых позитивных мер, для определения критериев приемлемости таких мер.

Следующая стадия — это равенство возможностей. Это понятие сложно формализовать, и в любом контексте оно допускает различные толкования. В целом оно означает нечто большее, чем временные по меры по устранению явных перекосов, и предполагает специальные

механизмы учета существенных различий между людьми (точнее, между их категориями) для обеспечения равных условий вхождения на рынок труда, получения образования и т.д. Риторика равенства возможностей используется очень широко, в том числе в законодательстве, и на ее основе принимаются конкретные институциональные решения; говорить же о существовании до конца продуманных и работающих схем пока не приходится — идея слишком сложна в детализации и в исполнении.

Равенство результатов — последняя ступень содержательного равенства — означает равное социальное положение людей или их равенство в реальном обладании благами. В целостном и законченном виде такая идея выдвигается крайне редко, и на нее чаще всего ссылаются как на негативный образец. Впрочем, иногда идеи такого рода выдвигаются и проводятся в жизнь, особенно в странах с административно управляемой экономикой. Кроме того, нередко требования активистов тех или иных меньшинств по сути строятся на том, что равенство результатов должно рассматриваться как эталон: считается, что «нормальным» было бы равное обладание людьми, относящимися к разным полам или этническим группам, теми или иными ресурсами, имеющиеся же различия объясняются одной причиной — дискриминацией. Далее следует вывод о необходимости делиться ресурсами с «ущемленными» группами.

***

Какие дополнительные компоненты привносятся в последние годы в эти схемы? Понимание содержательного равенства расширяется и включает в себя такие измерения, как социальное признание групп и коллективов¹¹ и человеческое достоинство, нарушение которого одновременно воспринимается как нарушение равенства¹². Распределительная парадигма справедливости подвергаются критике на том основании, что в основе неравенств лежит не само по себе распределение благ, но отношения подчинения и доминирования, включенные в социальные структуры, такие как власть, разделение труда и культурные различия¹³.

¹¹ Fraser N. Rethinking Recognition // *New Left Review*. 2000. No. 3. May/June. P. 107–120.

¹² Hepple B. Work, Empowerment and Equality // *International Institute for Labour Studies*. 2000. November (<http://ilo-mirror.library.cornell.edu/public/english/bureau/inst/papers/publcs/hepple/index.htm>).

¹³ Young I. Justice and the Politics of Difference. Princeton Univ. Press, 1990; McCrudden C. The new concept of equality // *ERA-Forum*. Vol. 4. 2003. No. 3. P. 9–29; De Schutter O. Three models of equality and European anti-discrimination law, *Northern Ireland Legal Quarterly*. Vol. 57. 2006. No.1. P. 1–56.

При этом отношения доминирования обсуждаются чаще всего с той точки зрения, какие позиции занимают и какому отношению подвергаются именно группы, а не отдельно взятые индивиды.

Все это дает основание писать о существовании двух моделей справедливости — индивидуальной и групповой. Первая основана на требовании равенства между индивидами вообще; вторая исходит из того, что люди являются членами тех или иных социальных групп — гендерных, этнических, религиозных — и что эта принадлежность определяет их потребности и идентичность, а потому реальное равенство предполагает справедливое распределение ресурсов (в том числе символических) между группами как базовыми структурными единицами общества. Групповая модель имеет и более прагматическое обоснование: причиной неравенства между людьми является структурное неравенство между группами, и преодолеть первое можно, только устранив второе. Здесь мы видим очень распространенную логику рассуждений, с которой будем постоянно сталкиваться. Роджерс Брубейкер не совсем изящно называет ее «группизмом», имея в виду устойчивую и не всегда осознаваемую людьми привычку воспринимать социальные группы (этнические чаще всего) в качестве самоочевидных структурных единиц общества со своей внутренней организацией, к тому же ведущих себя как своего рода коллективные личности¹⁴.

Рассмотрение группового измерения влечет за собой и признание таких составляющих равенства, как идентичность и культура. Коль скоро широко распространена вера в то, что определенный набор культурных черт или идентичность является атрибутом группы (чаще всего это относится к этническим или религиозным общностям, реже — к гендеру или сексуальной ориентации), то равенство групп требует признания равной ценности групповых идентичностей или даже охраны и развития такой идентичности. В практическом плане это находит отражение в идеях мультикультурализма или в том, что «позитивные меры» по поддержке тех или иных групп обосновываются необходимостью развития «разнообразия», о чем подробнее будет сказано ниже.

Наконец, есть еще один аспект неравенства и соответственно еще одно направление дискуссий — это так называемая компенсационная справедливость, или преодоление последствий прошлых нарушений прав или репрессий в отношении групп, что идет гораздо дальше идеи равенства стартовых условий.

¹⁴ Brubaker R. Ethnicity without Groups // Archive Europeenne de Sociologie. Vol. XLIII. 2002. No. 2. P. 163–164.

***

Равенство — одна из нескольких ценностей, определяющих направленность и содержание дискуссий о так называемых расовых или этнических отношениях; она сосуществует и конкурирует с требованиями стабильности, безопасности и защиты групповой отличительности (последнюю еще часто обозначают как идентичность).

Как можно понимать этническую, расовую и тому подобную принадлежность людей, точнее, признаки, по которым людей приписывают к тем или иным категориям? В праве и во всех других контекстах, где обсуждается равенство и равноправие, используются такие термины, как раса, цвет кожи, этническое происхождение, этнические различия, принадлежность к национальному меньшинству, национальное происхождение, причем под последним понимается бывшее гражданство лица или его предков.

Различия между людьми могут определяться по разным параметрам: физического облика, страны происхождения, принадлежностью к культурно-отличительной группе и т.п. При этом ни одна из перечисленных характеристик — раса, этничность, национальное происхождение — не имеет единого и устоявшегося, в том числе правового, определения. На практике использование конкретной терминологии и ее наполнение зависят от ситуации, сложившейся в отдельно взятых странах или международных организациях.

Сведение воедино, в один перечень, столь разных признаков, тем не менее, представляется исторически объяснимым и оправданным. Термины «раса», «этничность», «национальность» в значении этнической принадлежности означают в совокупности сходные по значению и последствиям виды категоризации, возникавшие в разных обществах и системах власти в целях управления социальным многообразием.

Вообще различия социально конструируемы не в том смысле, что они выдуманы элитой и фиктивны, а в том, что они возникают, воспроизводятся и наделяются смыслами в отношениях между людьми, а не существуют сами по себе. Это же можно сказать об этничности, расе, национальности и целом ряде похожих категорий.

Понятие «раса», изначально порожденное европейской работорговлей, системой рабовладения в Новом Свете и колониализмом, использовалось в целях субординации разных групп по признаку происхождения и контроля над ними. Архаичные представления о «расах» как естественных биологических категориях давно утратили научное значение. Все человечество относится к одному биологическому виду; разные популяции имеют некоторые биологические особенности, но последние не образуют устойчивых сочетаний, позволяющих делить людей

на определенные группы с четкими границами. Важнее здесь отсутствие какой-либо связи между биологическими признаками, с одной стороны, и социальными и культурными характеристиками людей — с другой. Тем не менее, представления о существовании «рас» как структурных единиц человечества и о социальной значимости расовой категоризации остаются распространенными в массовом сознании, в частности, в бывшем СССР.

В политических и правовом языке англоязычных стран слово «раса» используется в широком значении для описания деления по разным признакам, связанным с происхождением и этническими особенностями. Соответственно, производный термин «расизм» обозначает идеи и практики дискриминации, вытекающие из признания социальной значимости не только биологических, но также культурных, языковых, религиозных и прочих черт. Из-за особого значения английского языка термин «раса» также преобладает и в практике международных организаций, хотя в континентальной Европе он не слишком популярен из-за неприятных ассоциаций с расовыми теориями национал-социализма.

Термин «национальность» в значении происхождения или культурных особенностей используется преимущественно в Восточной и Центральной Европе и является продуктом языково-культурных интерпретаций понятия «нация» в качестве основы государственности. Но стоит отметить, что в XIX веке «национальность» в Северной Америке обозначала примерно то же самое, что в свое время в СССР, — этническое происхождение, а не гражданство. В XX веке в США его заменило близкое по смыслу выражение «национальное происхождение» (national origin), которое нашло применение в законодательстве.

Терминами «этничность» и «этнические различия» обозначается широкий спектр категоризаций, основанных на признаках языка, культуры, страны происхождения и т.п. Вообще сама терминология этнического стала широко использоваться относительно недавно, в 1960-е годы, параллельно и совершенно независимо на Западе и в СССР; в первом случае — чтобы уйти от расовой терминологии, во втором — чтобы дополнить официальную теорию «национального вопроса» и прикрыть ее наиболее явные противоречия. Позднее понятие «этничность» и его производные проникли в правовой и политический язык, в первую очередь в Европе. В настоящее время в социальных науках нет единого подхода к тому, какие феномены можно относить к проявлениям этничности и как понимать их природу. Наиболее удачными являются подходы, описывающие этничность как производное от социальных отношений (в том числе деятельности государства и элит, культурных и политических) и представлений людей об этих отношениях, а не как некое «объективное» свойство культурной или биологической природы.

Таким образом, отчасти пересекающиеся, но разные признаки (раса, цвет кожи, происхождение, этничность) используются во множестве самых разных ситуаций, когда между людьми проводятся (точнее, признаются социально значимыми) различия, связанные с происхождением и культурными особенностями. Бессмысленно рассуждать о том, что такое «на самом деле» этничность, национальность, раса, национальное происхождение или принадлежность к культурно отличительной группе. Такие признаки в разных обществах определяются разными способами, с использованием разной терминологии, которая в разных местах несет неодинаковые смыслы, и значение таких различий зависит от контекста конкретной страны и конкретного общества. Необходимо видеть различия между тем, как понятия используются на разных уровнях (официальном, научном и бытовом в первую очередь), и отдавать себе отчет, что невозможно управлять значениями практических, реально используемых в жизни терминов. В каких-то случаях «раса» будет пониматься как цвет кожи, в каких-то — как происхождение; где-то «религия» — как личная вера, где-то — опять же, как признак социального происхождения (например, в Северной Ирландии или Ираке). Аналогично, «языковая принадлежность» может выступать заменой этничности или происхождения (например, в отношении основных языковых групп в Бельгии или Канаде). Наконец, иногда наблюдается ксенофобия (и даже дискриминация) в отношении людей, относящихся к тому же «этносу» (если пользоваться советской терминологией), но кажущихся кому-то не совсем «чистыми», или следующих «не той» культурной традиции, или происходящих «не из той» страны. В качестве примеров можно привести проблемы, с которыми столкнулись в 1990-е годы армяне — выходцы из Азербайджана в Республике Армения, или казахи — репатрианты из Китая, Монголии и других стран — в Казахстане¹⁵, или месхетинцы, объявившие себя грузинами и официально рассматриваемые как грузины — в Грузии.

Подход к этническим и расовым категоризациям в современной России эклектичен. В законах, прочих официальных текстах, научных публикациях, прессе и других источниках сосуществуют самые разные термины и самые разные деления — этнические, расовые, национальные, культурные, даже «цивилизационные» — наделяемые к тому же разными смыслами. Россия здесь не уникальна: разноразличными в используемых системах можно увидеть и в США, Канаде, Британии, в государствах континентальной Европы, не го-

¹⁵ Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 2. С. 76–77.

воря про прочие страны мира. Такое положение дел следует считать вполне нормальным, и нужно только уточнять в конкретном случае, что именно имеется в виду при использовании того или иного понятия.

Обсуждение нарушений равенства, как говорилось выше — это самостоятельная специфическая область дискуссий, которые опираются на разные подходы. Равенство по этническому, расовому или сходному признаку или нарушение такого равенства может описываться с помощью категорий «дискриминации», «меньшинства», «мультикультурализм» и т.д. Отчасти эти подходы совпадают и демонстрируют похожие структуры мышления и аргументации, отчасти различаются; некоторые позволяют полностью описывать весь спектр проблем и задач, связанных с равенством, некоторые отражают только отдельные частные вопросы. По значению и частоте употребления в современном мире вне конкуренции оказывается та система аргументации, которая опирается на понятие «дискриминации» и содержательно связанные с ним категории. Для удобства все основные и неосновные подходы к этническому и расовому равенству можно поделить на те, что связаны с дискриминацией, и на все остальные.

Глава 2. Дискриминация и расизм

Термин «дискриминация» при обсуждении расовых и этнических неравенств по масштабу и частоте употребления в современном мире остается вне конкуренции. Понятие находит применение в разных областях деятельности: как аналитический термин — в социальной философии, социологии (главным образом в исследовании гендерных и расовых отношений) и правоведении; как категория практики — в законодательстве, правоприменении, формулировании политических требований, гражданском активизме и газетной публицистике.

Первая оговорка: здесь и далее обсуждение не касается отношений между организациями в таких областях, как коммерческое и морское право, а также право дипломатических отношений, где понятие дискриминации также используется. Равенство прав и достоинства людей — один из основных принципов современного понимания прав человека, и социальное равенство по большей части осмысливается в контексте прав человека.

В общем плане дискриминация означает неправомерное или необоснованное проведение различий между людьми, как правило, в зависимости от какого-то признака — пола, возраста, расы и т.д. Когда нарушения равенства обсуждают в терминах дискриминации, то такой подход изначально несет в себе несколько скрытых смыслов, что отличает его от других способов оценки и описания неравенств. Во-первых, подразумевается, что объект обсуждения динамичен, а не статичен, и что оценивается не состояние, но процесс установления и воспроизводства неравенств. Во-вторых, имеется активный субъект или субъекты, чьими действиями или бездействием воспроизводятся неравенства. В-третьих, понятия типа «посягательства» и «нарушение» включают в себя, помимо описательного, нормативный и оценочный компоненты. В-четвертых, изначально и потенциально проблематика дискриминации касается всех, а не только каких-либо специально отобранных групп или категорий людей.

В формальном отношении отправная точка для утверждения и защиты равенства — это основные положения международных инструментов в сфере защиты прав человека, национальных конституций и законов о равенстве людей перед законом и судом, то есть о равенстве людей с точки зрения закона и о необходимости равного применения закона. Соответственно, законодательные нормы и судебная практика разными путями и с помощью разной терминологии определяют, что такое равная защита закона и что означает нарушение равенства.

При этом понимание того, что такое дискриминация, меняется, а дискрессия и практика выходят за первоначальные узкие рамки. Поэтому разумнее говорить не о дискриминации в узком смысле, а использовать этот термин для обозначения обширной тематической области с подвижными границами.

Другой распространенный и тесно связанный с дискриминацией термин, касающийся проблем неравенства на расовой и этнической почве — «расизм». Расизм, как правило, обозначает совокупность идей и вообще ментальных состояний (взглядов, оценок, настроений), высказываний и действий, предполагающих разделение людей на категории в силу их цвета кожи, происхождения, культуры и приписывание людям определенных социальных характеристик из-за их принадлежности к этим категориям. Таким образом, понятие объединяет в одной категории качественно разные явления — идеи, субъективные восприятия, акты речи и практической деятельности. В реальности, как будет показано ниже, под «расизмом» могут пониматься также статистически неравные характеристики разных расовых или этнических групп и все процессы, ведущие к такому неравенству или его закрепляющие. Похожее смешение разных феноменов, добавим, происходит и в связи с пониманием дискриминации.

Как говорилось выше, не всякое неравенство несправедливо и морально неприемлемо; в свою очередь, не всякое нарушение равенства можно назвать дискриминацией. Никому не приходит в голову говорить о дискриминации рабочих капиталистами или крестьян феодалами. Расслоение населения по уровню доходов и качества жизни в России и во множестве других стран может называться как угодно, но не дискриминацией. Слово имеет свои, не очень ясные, не оговоренные, не всегда соблюдаемые, но все-таки реальные границы применения. Основное понимание дискриминации в современном мире — это несправедливое отношение к человеку или людям, выделяемым на основе приписываемых признаков, задающих принадлежность лица или лиц к той или иной социальной категории, такой как пол, возраст, этничность и так далее.

В качестве несправедливого, а значит, дискриминационного может оцениваться как неравное, так и равное обращение. Соответственно, возникают концепции, которые в законодательстве ряда европейских стран, а также в институтах Европейского Союза и Совета Европы получили название так называемой прямой и косвенной дискриминации¹⁶.

¹⁶ Non-Discrimination in International Law. A Handbook for Practitioners. L.: Interrights, 2011. P. 18–19; Race, Religion and Ethnicity Discrimination: Using International Human Rights Law. L.: Justice, 2003 P. 11–12.

«Прямая» дискриминация означает менее благоприятное обращение с людьми в силу их отличия по какому-либо классифицирующему признаку, если такое обращение носит произвольный и необоснованный характер. Разумеется, речь идет о проведении различий только между людьми и группами, находящимися в сопоставимом положении.

«Косвенная» дискриминация означает требования, правила или практики, которые внешне и формально не учитывают какой-либо классифицирующий признак, но при этом оказывают сравнительно неблагоприятное воздействие на членов группы, выделяемой на основании этого классифицирующего признака, при условии, что это требование, правило или практика являются лишенными разумного и объективного обоснования¹⁷. Например, внешне нейтральное условие о приеме на работу в полицию мужчин не ниже определенного роста исключает те этнические группы, среди которых преобладают низкорослые люди.

Дискриминация этих двух основных типов может проявляться в разных областях жизни. В разных международных документах и в национальных законах пределы запрета дискриминации определяются по-разному; общим является то, что запрет касается общественной жизни, то есть он не распространяется на сферу личной и семейной жизни. При этом основные инструменты, принятые в системе ООН, запрещают дискриминацию при осуществлении всех прав и свобод человека. Конвенции Совета Европы в основном касаются дискриминации в отношении осуществления защищаемых ими прав; кроме того, принятый в 2000 году и вступивший в силу в 2005 году Дополнительный протокол № 12 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (который Россия подписала, но не ратифицировала), вводит запрет дискриминации в отношении любых прав, защищаемых законом. основополагающие документы Европейского Союза и подавляющее большинство конституционных актов стран мира содержат положения об общем принципе равенства людей перед законом и судом или аналогичный принцип равной защиты закона. Но при этом специальные директивы Европейского Союза о равенстве и национальные антидискриминационные законы (не только европейские) устанавливают закрытые списки областей, где запрещается дискриминация; в ЕС и во всех развитых странах запрещается дискриминация в сфере труда и занятий, образовании,

¹⁷ Tobler C. Indirect Discrimination. A Case Study into the Development of the Legal Concept of Indirect Discrimination under EC Law. Antwerp, Oxford: Intersentia, 2005; Гвоздицких А.В. Что именно «скрывает» скрытая дискриминация в сфере труда? Сравнительно-правовой аспект косвенной дискриминации в праве Европейского Союза // Трудовое право. 2010. № 10. С. 75–85.

жилищных отношениях, в доступе к товарам и услугам, в деятельности правительственных учреждений и при осуществлении избирательных прав¹⁸.

Международные инструменты и национальные правовые системы выделяют и специально запрещают несколько форм прямой дискриминации — исключение, предпочтение, а также сегрегацию, инструкции или указания дискриминировать, притеснения (харассмент — создание враждебной обстановки для членов тех или иных групп), а также связанные с этим проявления, такие как виктимизация — месть жалующимся на дискриминацию. И существующие правовые нормы, и сложившая судебная практика также признают в качестве дискриминации проведение различий по ошибке, на основании ложно приписываемой людям принадлежности (если человека, ошибочно приняв за цыгана, не пустили в ресторан, то это также будет считаться расовой дискриминацией). Запрещена и дискриминация по ассоциации, иными словами, дискриминация лица по той причине, что это лицо как-то связано с дискриминируемой группой (например, является членом семьи), не относясь к этой группе непосредственно.

Необходимо специально подчеркнуть: дискриминация не равнозначна нарушению прав по какому-либо признаку; дискриминация предполагает неодинаковое обращение (или необоснованно одинаковое отношение к людям, находящимся в несопоставимом положении), которое не обязательно буквально нарушает определенное право, но может создавать разные условия реализации права или устанавливать разные обязанности или разные нормы ответственности.

И международное право, и национальные законы запрещают и устанавливают ответственность за общие уголовные преступления (в том числе насильственные действия) по расовым и тому подобным мотивам (так называемые преступления ненависти) и за публичные высказывания, выражающие ненависть или подстрекающие к дискриминации (так называемый язык вражды). Формально такие деяния можно относить к дискриминации, но на деле правоведы воздерживаются от определенных выводов, куда причислять преступления ненависти и язык вражды. Во всяком случае, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации требует сделать наказуемыми по закону и расовое насилие, и высказывания, возбуждающие ненависть. На помощь приходит категория «расизм», которая позволяет охватить самые разные проявления.

¹⁸ См.: Bell M. *Racism and Equality in the European Union*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009; Гулина О.Р. Дискриминация и право: практика международных организаций. Борьба с дискриминацией в рамках директив европейского сообщества // Правовое государство: теория и практика. 2008. № 1. С. 51–65.

Еще раз важно подчеркнуть, что не всякое проведение различий и не всякое предьявление одинаковых требований людям, находящимся в различном положении, есть дискриминация. Необходимо, чтобы проведение различий или, наоборот, игнорирование разницы между людьми носили произвольный и необоснованный характер. В юридической практике это означает, что либо деяние не имеет законной цели, либо применяемая мера несоразмерна цели. К примеру, запрет водить машину для слепых имеет обоснованную цель, такой же запрет для женщин — нет. Пресечение деятельности какой-либо преступной группировки, объединяющей лиц только одной национальности, является законной целью, а вот превентивный арест всех мужчин этой национальности (для вменяемых стран, разумеется) будет средством, явно несоразмерным цели.

Разумеется, необоснованность или неправомерность — категории конвенциональные, определяемые в конкретном обществе в зависимости от контекста (хотя международное право и деятельность международных организаций постепенно нивелируют различия между странами) и сложившейся практики. Особо следует отметить привходящие обстоятельства, такие как значимые общественные интересы, ссылки на которые часто оказываются важными при обосновании политических решений.

Мотивы и цели людей, осуществляющих дискриминацию, могут быть различны, и не они определяют правомерность или неправомерность различий. Дискриминация не обязательно вызвана ксенофобией или стремлением причинить вред каким-либо людям или какой-либо группе. Дискриминационное поведение может вызываться равнодушием, стремлением следовать общепринятым моделям поведения, желанием соответствовать запросам окружающих (к примеру, клиентов), собственным пониманием того, как лучше организовать жизнь людей вокруг или даже принести пользу той или иной группе. Например, отказ принимать на работу представителей меньшинств может быть вызван нежеланием создать у клиентов впечатление, что фирма экономит на оплате труда и не придает большого значения квалификации персонала. Сегрегация детей в школе по этническому признаку может быть вызвана желанием избежать конфликтов или помочь ученикам сохранять их «идентичность».

Как правило, в современном мире такого рода мотивы воспринимаются как необоснованные, не оправдывающие нарушения человеческого достоинства, каковыми обычно считаются исключения или предпочтения по этническому признаку. Как следствие, международные организации, многие национальные правовые системы и большинство специалистов перестали рассматривать цели, мотивы и формы вины тех или иных деяний как обстоятельства, имеющие значение для определения того, были

ли эти деяния дискриминацией (если речь не идет об уголовном преследовании и делах об административных правонарушениях). Неважно, чем руководствовались люди, которым предъявляются претензии, — важно то, что фактически имело место необоснованное проведение различий или что было принято правило или требование, фактически ставящее в неблагоприятное положение определенную группу.

***

Основных проблем, связанных с дискриминацией и расизмом, две. Во-первых, социальная мобильность и стратификация имеют в своей основе множество разных причин, в первую очередь неравное распределение социального капитала (социальных связей) и культурного капитала (знаний и навыков жизни в обществе). Неравенство в социальном статусе и доступе к благам необязательно являются следствием определенных действий определенных лиц или учреждений. Различия в социальных позициях могут быть вызваны разными причинами, располагающимися в пределах очень широкой шкалы. На ее одном краю окажется осознанная и целенаправленная политика, проводимая во вред той или иной группе, а на другом — объективные, спонтанные и растянутые во времени, даже на поколения, процессы. В промежутке могут располагаться такие обстоятельства, как неорганизованная или бытовая дискриминация, разное обращение с людьми, имеющее не дискриминационную, а иную мотивацию, нейтральные правила, требования или практики, создающие неравные эффекты, последствия прошлой дискриминации, воспроизводящиеся длительное время или несколько поколений. В любом обществе существует множество неравенств структурного характера, и то, что внешний наблюдатель оценивает как различия в положении тех или иных групп, может быть просто совпадением или корреляцией, связанной, например, с характером расселения, разными темпами урбанизации, неодинаковой возрастной структурой, историей иммиграции и так далее¹⁹.

Во-вторых, запрет дискриминации и задачи ее преодоления вступают в конфликт с таким основополагающим принципом общества, основанного на частной собственности, свободном рынке и индивидуальных свободах, как свобода выбора — правом распоряжаться своим имуществом, свободой договора и свободой выражения мнений. На совершенно законных основаниях одни лица могут делать выбор, с кем им иметь дело, а кем нет, — кому сдавать в аренду жилье, кого нанимать на работу, в какую школу записывать

детей и т.п. Современные антидискриминационные законы устанавливают, что отношения в сфере рыночных отношений относятся к публичной сфере, где свобода усмотрения лимитирована, и выбор контрагентов (клиентов, партнеров по бизнесу, учеников, жильцов) не может носить дискриминационного характера и потому не может быть абсолютно неограниченным. Тем не менее, невозможно контролировать и регулировать все контакты и все сделки, где у людей есть право делать выбор в отношении других людей. Более того, невозможно преодолеть социальное расслоение (которое может иметь и этнический или расовый профиль), не вводя всепроникающее бюрократическое регулирование и перераспределение ресурсов, то есть не уничтожив сам фундамент современных «открытых» обществ.

Разумеется, и в политике, и в праве решение конкретной задачи предполагает одновременный учет и совмещение разных, нередко противоречащих одна другой целей. В идеале в определенном месте в определенное время должен быть найден приемлемый баланс между конфликтующими принципами, между разными интересами и между предполагаемыми приобретениями и издержками. Если результатом компромисса является некое нормативное предписание, то оно не может быть детальной инструкцией на все случаи жизни; правовые и иные социальные нормы могут задать лишь общие рамки для дальнейших конкретных решений. Компромисс не является чем-то вечным — установленное равновесие подвижно; оно перманентно переосмысливается и переопределяется. И понятно, что вопрос о том, требуется ли в конкретной ситуации равное или неравное обращение, в зависимости от многих обстоятельств на деле может иметь разные ответы. История развития антидискриминационных механизмов — это история поиска таких компромиссов и баланса ценностей и интересов.

Если говорить точнее, то это есть еще и история определения и переопределения системы условностей — фикций и допущений — позволяющих в сложной и неопределенной социальной реальности проводить границу между нормой и отклонениями от нормы, а соответственно, выявлять и устранять последние.

***

Еще полвека назад прямая, организованная, открытая и санкционированная государством расовая дискриминация была глобальным феноменом, главным образом благодаря колониальной системе, в рамках которой жители колоний были сегрегированы относительно граждан метрополии, а разные группы колониального населения имели разный правовой статус. Колониализм, а еще ранее — система работорговли и

¹⁹ Sowell T. Equality, Inequality and Fate // Human Events. 2004. No. 10. 23 February.

рабства сыграли большую, если не решающую роль в складывании идеологии расизма как представления о существовании различных в биологическом отношении и наделенных в силу этого разными социальными качествами «рас»²⁰.

Все интересующие нас тенденции получили наиболее полное развитие в Соединенных Штатах Америки, а происходящее в остальном мире в той или иной степени воспроизводит американские достижения и заблуждения. Соединенные Штаты являются безусловным законодателем мод в дискуссиях о расизме и расовой дискриминации, в антидискриминационном законодательстве и в проведении общественных кампаний против дискриминации. Именно в Соединенных Штатах особенно наглядно проявляются все трудности и противоречия, связанные с преодолением дискриминации.

Американская демократия появилась на свет с родовой травмой — в стране существовало узаконенное рабовладение. После отмены рабства, закрепленной 13-й Поправкой к Конституции США (1865), система сегрегации и подавления афроамериканцев в южных — бывших рабовладельческих — штатах не исчезла. Ограничения, собирательно называемые «системой Джим Кроу» (Jim Crow)²¹, касались многих сторон жизни чернокожих, вплоть до требования отдельных школ, отдельного пользования общественным транспортом и запрета в ряде штатов до конца 1960-х смешанных браков с черными под страхом уголовного наказания. Некоторое время после Гражданской войны на Юге действовали даже так называемые черные кодексы, то есть своды законов, регламентирующие положение тех, кого в силу происхождения определяли как «черных». В северных штатах чернокожие (обозначаемые также как «негры», «черные» или «цветные») оказались внизу социальной лестницы и, образуя самую бедную прослойку населения, подвергались различным формам дискриминации²².

Недостатка в оправданиях такого положения вещей не было; многие были основаны на идеях превосходства белых и неполноценности других «рас», но официальная позиция, отраженная в частности, в решении Верховного суда США по делу *Fergusson v. Plessy* (1896) о сегрегации в поездах, сводилась к тому, что разделение «рас» проводится в интересах

²⁰ Banton M. *The Idea of Race*. L.: Tavistock Publications, 1977; Feagin J.R., Feagin C.B. *Racial and Ethnic Relations*. 7th ed. Upper Saddle River, N.J., 2003.

²¹ Jim и Crow — клички, использовавшиеся на американском Юге для обозначения чернокожих.

²² Подробнее см.: Mustard D. *Racial Justice in America: a Reference Handbook*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2003; Massey D., Denton N. *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1993.

их мирного и гармоничного сосуществования и должно основываться на принципе «разделенные, но равные» (*different but equal*)²³.

Дискриминация затрагивала не только афроамериканцев. До 1924 года индейцы не считались гражданами США и независимо от этого также сталкивались с множеством ограничений. Существовала официальная расовая классификация, и в соответствии с ней строилась иммиграционная политика до 1965 года; представители «небелых» рас долгое время были лишены права на натурализацию, их иммиграция ограничивалась, а получение права на въезд в США для представителей некоторых народов, например китайцев, облагалось (как и в Канаде) особым подушным налогом. Периодически, начиная с середины XIX века, возникали антииммиграционные кампании, направленные на разные национальные группы, первой из которых стали ирландцы. В 1920-е годы в ряде университетов вводились процентные квоты на прием евреев. Во время Второй мировой войны интернированию подверглись люди японского происхождения, вне зависимости от гражданства.

Дискриминация исходила от федеральных властей, властей штатов, местных властей, корпораций, профессиональных организаций, частных лиц; она проявлялась едва ли не во всех сферах жизни — при проведении выборов, на жилищном рынке, на рынке труда, в образовании, в доступе к товарам и услугам, в возможностях членства в профессиональных организациях. Дискриминация могла быть прямой и косвенной (в современном европейском понимании): наряду с прямыми запретами и ограничениями, введенными в отношении определенных групп, появлялись меры, преимущественно направленные против афроамериканцев или азиатов, но оформленные так, чтобы скрыть эту направленность. Известны такие приемы, как тесты на грамотность, ограничивавшие избирательные права или доступ к тем или иным профессиям, ограничительные условия аренды жилья, направленные против неполных семей, политика городского зонирования, направленная на сегрегацию наиболее бедных слоев населения, политика риэлторских агентств и страховых компаний, известная как *redlining* — установление особых, дискриминационных, условий для районов, населенных преимущественно «цветными», и др.²⁴ Таким образом, дискриминация была многообразной по формам, вездесущей, глубоко эшелонированной, поддержанной государством и судебной системой, воплощенной в рутинных

²³ Klarman M.J. *From Jim Crow to Civil Rights: the Supreme Court and the Struggle for Racial Equality*. Oxford; New York: Oxford Univer. Press, 2004; Thernstrom S., Thernstrom A. *America in Black and White: One Nation, Indivisible*. N.Y.: Simon & Schuster, 1997. P. 30–37.

²⁴ Feagin J.R., Feagin C.B. *Racial and Ethnic Relations*. 7th ed. Upper Saddle River, N.J., 2003.

общественных отношениях и идеологически обоснованной со стороны политиков и науки, а также здравого смысла обывателя.

Основным объектом дискриминации были афроамериканцы, соответственно, движение против дискриминации (известное как движение за гражданские права) выступало в основном в защиту чернокожих. В период своего наибольшего расцвета и наибольших успехов — в 1940-е — первой половине 1960-х годов — оно боролось именно за отмену всех и всяческих расовых ограничений и предпочтений и за равенство в обращении. Собственно, к этому же по большому счету стремились антиколониальные движения, многие новые независимые страны и международные организации. Разрабатывавшиеся тогда в системе ООН договоры по правам человека, в том числе Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, были недвусмысленно направлены против прямой дискриминации. Движение за гражданские права в США использовало разные тактические приемы, включая петиции, кампании гражданского неповиновения, судебные иски, совместные действия с белыми либералами. Движению способствовали социальные перемены: урбанизация, рост «среднего класса», повышения образовательных стандартов, расцвет общества потребления и заинтересованность бизнеса в прекращении всевозможных сегрегаций.

В 1940-е годы администрация США отменяет официальную дискриминацию в армии и других федеральных институтах; в 1950-х годах после рубежного решения Верховного суда по делу Брауна (1954)²⁵ начинается десегрегация школьного образования; наконец, в 1964 году принимается Акт о гражданских правах, а несколько позже — другие федеральные законы, запрещающие дискриминацию в избирательной системе (1965) и жилищных отношениях (1968)²⁶. Эти законы вместе с рядом судебных решений и мерами исполнительной власти в основном кладут конец прямой и явной дискриминации. Открытые запреты и ограничения уходят в прошлое; в частности, после решения Верховного суда по делу Лавинг (1967) снимаются запреты на смешанные браки²⁷.

В других странах ситуация не всегда была столь драматичной, но проблем хватало везде. Прежде всего, существовала колониальная система, и большинство жителей колониальных и зависимых территорий пользовались совершенно иным объемом прав, чем жители метрополии. В Канаде и Австралии долгое время — вплоть до 1960-х годов — права аборигенного населения были ограничены, и проводилась политика

²⁵ Brown v. Board of Education of Topeka, Kansas, 347 U.S. 483, 493 (1954).

²⁶ Klarman M. Op. cit.; Thernstrom S., Thernstrom A. Op. cit. P. 88–180.

²⁷ Loving v. Virginia, 388 U.S. 1 (1967).

сдерживания иммиграции из азиатских и прочих «небелых» стран. Соответственно, иммигранты оттуда подвергались разным формам дискриминации. Дискриминация в отношении «местных» меньшинств и выходцев из бывших европейских колоний в более или менее острых формах проявлялась на европейском континенте. Одна из причин относительного отставания Европы от Северной Америки в борьбе с расовой дискриминацией заключается в том, что в Европе неравенства в основном осмыслялись как различия в правах граждан и неграждан, в то время как в Северной Америке возможность пользования основными правами не была непосредственно связана с гражданством²⁸. Но и в Европе имелся большой опыт дискриминации этнических меньшинств, особенно в период подъема национализма и возникновения после Первой мировой войны множества новых государств на этнической почве, во исполнение пресловутого «права наций на самоопределение».

Так или иначе, в 1950–1970-е годы в системе ООН принимаются основные конвенции о правах человека, запрещающие дискриминацию. В 1960–1970-е годы антидискриминационные законы вступают в силу в Австралии, Канаде и Великобритании, позднее важные решения, определяющие, что такое недопустимые дискриминационные практики, выносит Суд справедливости Европейских сообществ (высшая судебная инстанция того, что превратилось потом в Европейский Союз). Затем, уже в 1990–2000-е годы принимаются основополагающие нормы против дискриминации в праве Европейского Союза. Страны Европы, под воздействием ЕС или независимо от него, принимают собственные антидискриминационные законы и формируют специальные органы по борьбе с дискриминацией.

***

В разном масштабе и с разной остротой, в международных организациях и в национальных правовых системах, но так или иначе везде проявились сходные проблемы и противоречия. Эти проблемы и противоречия возникают по объективным причинам, из-за сложности тех проблем, которые приходится решать, а не из-за злого умысла или злоупотреблений. Тем не менее, борьба с дискриминацией и за социальную справедливость порой превращается в свою противоположность. Рубеж, где происходит это превращение, зачастую незаметен.

²⁸ Joppke C. Minority Rights for Immigrants? Multiculturalism Versus Antidiscrimination // Israel Law Review. Vol. 43. No. 1. P. 57, 65.

Антидискриминационные законы и важнейшие судебные прецеденты определили в качестве основного механизма обеспечения запрета дискриминации ее оспаривание через индивидуальные жалобы, в основном судебные иски в порядке гражданского судопроизводства или обращения в специальные органы, рассматривающие по упрощенным процедурам споры о нарушениях равенства. Но рассмотрение индивидуальных обращений в принципе не может быть эффективным с точки зрения изменения всей системы сложившихся отношений. Жалобы приносятся постфактум, когда равенство уже нарушено; они касаются непосредственно людей, вовлеченных в спор; процесс может идти долго и потребовать много времени, усилий и средств; кроме того, даже положительное решение далеко не всегда может разрешить сложную коллизию и возместить вред. Вряд ли для кого-либо имеет практический смысл судиться месяцы и годы по поводу увольнения по дискриминационным мотивам, если даже удачный исход дела не возместит всех доставленных неприятностей, не вернет потерянного времени и уж в любом случае едва ли позволит дальше спокойно работать на том же месте. Дела обходятся несколько лучше в странах общего права, в первую очередь в США, где действует прецедентная система, где развита практика так называемых классовых исков в защиту неопределенного круга лиц и где полномочия суда очень широки. Но общей проблемы, связанной с неэффективностью индивидуальных жалоб, эти обстоятельства в целом не отменяют.

Одна из ключевых проблем в спорах о дискриминации — порядок и эффективность доказывания (неважно, через суд или специальные независимые органы), особенно в связи с тем, что после установления законодательных запретов дискриминация чаще всего носит латентный и неочевидный характер. Даже если исключения и предпочтения имеют расовую или этническую мотивацию, то последняя не демонстрируется открыто. Кроме того, в конкретной ситуации мотивация может иметь сложный характер, и обычно бывает нетрудно обосновать, что решение, неблагоприятное для того или иного лица, было вызвано законными и оправданными соображениями. Далее, отношения сторон, как правило, асимметричны: тот, кого обвиняют в дискриминации, обычно занимает более сильные социальные позиции и имеет больше возможностей для защиты своих интересов. Работодатель, владелец жилья, администрация, представители полиции могут скрывать неблагоприятную для себя информацию; напротив, предполагаемая жертва дискриминации лишена возможности самостоятельно найти и представить доказательства дискриминационного обращения, если таковое имело место.

В принципе, все это не является непреодолимой проблемой, если рассматривать доказанную дискриминацию не как реальное событие, а

как определенное правовое состояние. Такой подход совершенно нормален, поскольку право есть в конечном счете система условностей и фикций. Чтобы иметь возможность разрешать споры о дискриминации, необходима соответствующая этой задаче система договоренностей — признанных допущений и процессуальных приемов. Дискриминация проводится скрытно, собирать полную и исключающую всякие сомнения доказательную базу в большинстве случаев оказывается невозможно, поэтому выход — в установлении минимального набора признаков и критериев, при наличии которых можно считать дискриминацию доказанной.

Мировая тенденция такова, что законодатель идет на постепенное снижение стандартов доказывания. Скажем, в США применяются две основные схемы доказывания дискриминации — через свидетельство неравного обращения и неравного эффекта от каких-либо деяний. Обе строятся на допущениях, немыслимых с точки зрения социолога и даже здравого смысла. Например, свидетельство того, что ответчик выказывал когда-то предвзятое отношение к каким-то расовым или этническим группам, может рассматриваться в конкретном деле как презумпция (правда, опровержимая) того, что имела место реальная дискриминация, хотя из слов совсем не обязательно вытекает действие. Если представлены факты этнических или расовых диспропорций, например, в составе работников или учеников, то это может опять же рассматриваться как признак того, что в данном конкретном индивидуальном деле имела место дискриминация, хотя статистические неравенства могут быть объяснены различным образом и необязательно выводятся из определенных действий ответчика. Между тем доказывание дискриминации строится именно на постулировании таких сомнительных по сути причинно-следственных связей.

Как говорилось выше, многие правовые системы (в том числе американская) во многих ситуациях исключают из доказывания дискриминации необходимость учета ее субъективной стороны, то есть формы вины, мотива и цели²⁹. Появились также схемы, переносящие основное бремя доказывания на ответчика, на того, кого обвиняют в дискриминации. В принципе, с точки зрения общей правовой теории в таком подходе нет ничего необычного. В разных юридических системах в гражданском праве, в отличие от уголовного, действует презумпция вины причинителя вреда. Дискриминационное обращение рассматривается как причинение вреда. Истец демонстрирует суду, что он/она был(а) поставлена в особое положение и тем самым ему/ей был причинен вред. Далее ответчик вынужден доказывать, что его действия не носили дискриминационного характера.

²⁹ Non-Discrimination... P. 42, 63, 71–72, 82, 106.

Перенос бремени доказывания в делах о дискриминации на ответчика был в той или иной форме и в разной степени воспринят разными национальными правовыми системами и даже международными организациями. Этот принцип закреплен в директивах по вопросам равенства и недискриминации, принятых Советом Европейского Союза, в том числе в Директиве Совета Европейского Союза № 2000/43/ЕС от 29 июня 2000 г. «Об обеспечении выполнения принципа равенства людей независимо от расовой или этнической принадлежности». Соответственно, это требование нашло отражение в национальном антидискриминационном законодательстве стран — членов ЕС³⁰.

Из международных организаций наиболее осторожную и консервативную позицию относительно доказывания дискриминации традиционно занимал Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). В практике ЕСПЧ дискриминация рассматривается как проведение различия при отсутствии разумного и объективного обоснования, и основное бремя доказывания дискриминации возлагается на заявителя. Заявитель должен продемонстрировать, что имело место проведение различий в обращении и что ситуации, различие между которыми рассматривается, сопоставимы. В свою очередь, государство-ответчик должно продемонстрировать, что проведение различия имеет разумное и объективное обоснование³¹.

При рассмотрении дела «Начова и другие против Болгарии» в 2004 году³² ЕСПЧ решился на радикальный поворот. Дело касалось убийства двух молодых дезертиров при их задержании офицером военной полиции. Молодые люди были цыганами по происхождению, и заявители утверждали, что применение оружия на поражение могло быть мотивировано этнической неприязнью. Палата Европейского Суда 26 февраля 2004 г. в числе прочего постановила, что имело место нарушение ст. 14 Конвенции о правах человека и основных свободах (касающейся запрета дискриминации), взятой в сочетании со ст. 2 Конвенции (право на жизнь). Поскольку правительство Болгарии не представило доказательств того, что применение оружия представителем власти не было мотивировано расовой неприязнью, суд признал нарушение материальных, то есть содержательных, аспектов ст.

³⁰ The Development of Legal Instruments to Combat Racism in a Diverse Europe. Leiden; Boston: M. Nijhoff Publishers, 2004; Bell M. Op. cit.; Гулина О.В. Указ. соч.

³¹ Заковряшина Е. Принцип недискриминации в праве Совета Европы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2002. № 2. С. 116–118; Arnard ttir O.M. Equality and Non-discrimination under the European Convention on Human Rights. The Hague; L.; N.Y.: Martinus Nijhoff Publishers, 2003. P. 86–92.

³² Eur. Court H.R. Case of Nachova and Others v. Bulgaria. Chamber Judgment of 26 February 2004; Eur. Court H.R. Case of Nachova and Others v. Bulgaria. Grand Chamber Judgment of 6 July 2005.

14. Помимо этого, поскольку в ходе следствия исчерпывающим образом не были исследованы расовые мотивы деяния, суд счел бездействие и неучет специфики ситуации со стороны следствия нарушением ст. 14 в процессуальном смысле. При дальнейшем рассмотрении высшая инстанция Европейского Суда — Большая Палата — пришла к менее радикальным выводам и указала на нарушение только процессуальных аспектов ст. 14 в сочетании со ст. 2 Европейской конвенции. Дело «Начова и другие против Болгарии» указывает, таким образом, на то, что ЕСПЧ сделал первый шаг в русле общей тенденции, проявившейся в Европейском Союзе и многих национальных судах — презумпции дискриминационного обращения, если речь идет об этническом меньшинстве, и переноса бремени доказывания на ответчика.

Эту тенденцию продолжило дело «D.H. и другие против Чешской Республики»³³, которое касалось того обстоятельства, что официальные органы управления образованием непропорционально часто направляют детей цыган (рома) в специальные школы для умственно отсталых. Палата Европейского Суда не усмотрела в этих диспропорциях оснований для признания нарушения ст. 14 Конвенции. Иным было мнение Большой Палаты, которая указала, что доказанные статистические диспропорции, указывающие на неблагоприятное положение определенной этнической группы, составляют первоначальный (*prima facie*) признак дискриминации, что дает основание для переноса бремени доказывания на государство-ответчик. Неспособность показать, что действия, в силу которых возникают диспропорции, имеют разумное и объективное обоснование, служит основанием для признания этих действий дискриминационными³⁴. Но здесь следует отметить, что в последующих делах ЕСПЧ намечавшаяся было тенденция развития не получила — практика последних лет непоследовательна и противоречива, и дальнейшие эволюции пока предсказать сложно.

Следующая после доказывания проблема — определение, кого именно защищает запрет расовой дискриминации. На практике защита от дискриминации постепенно теряет всеобщий и универсальный характер, адресуется определенным группам и увязывается с представлениями о «реальной» принадлежности лица к определенному меньшинству. Точнее, на практике презумпция дискриминационного обращения распространяется не на всех, а на представителей определенных групп. Такой подход отчасти объясним: действительно, дискриминация распределяется стати-

³³ Eur. Court H.R. Case D.H. and Others v. the Czech Republic, Chamber Judgment of 7 February 2006.

³⁴ Eur. Court H.R. Case D.H. and Others v. the Czech Republic. Grand Chamber Judgment of 13 November 2007.

стически неравномерно — больше шансов подвергнуться дискриминации оказывается у представителей вполне определенных и распознаваемых в данном обществе групп. Ориентация только на понятные «модельные» ситуации позволяет игнорировать малосущественные и надуманные претензии относительно дискриминационного обращения.

Идея «реальной» группы внедряется и с помощью концепции «косвенной дискриминации». Эта концепция означает, что дискриминационными могут считаться нейтральные правила или процедуры, неодинаково воздействующие на разные группы. С этой идеей связан следующий применяемый во многих юрисдикциях подход — статистические диспропорции между группами могут рассматриваться как *prima facie* (первоначальный) признак дискриминации, то есть обстоятельство, переносимое на ответчика бремя доказывания того, что дискриминация не имела места. Но для оценки диспропорций необходимы данные об этническом или расовом составе населения в целом и тех или иных социальных групп — работников, учащихся, жильцов, государственных служащих и так далее — и соответствующий статистический учет. Кроме того, статистические данные об этнической принадлежности людей необходимы для проведения и оценки мер, направленных на исправление диспропорций между группами. Таким образом, требуются механизмы учета индивидуальной этнической принадлежности и определенная достаточно жесткая групповая классификация, признаваемая государством и судебной системой³⁵. Кроме того, идея противодействия косвенной дискриминации предполагает разделение групп на находящиеся в более и менее благоприятном положении, иными словами, нуждающиеся или не нуждающиеся в защите.

Пример США хорошо показывает, как в этом месте происходит важная подмена тезиса. В Акте о гражданских правах 1964 года речь идет о дискриминации по признакам расы, пола, религии и национального происхождения. Во всех других антидискриминационных законах также нет упоминания о каких-либо группах. Но на практике и исполнительная власть, и суды ввели в обращение понятие «защищенный класс»³⁶, а в

³⁵ Майкл Бэнтон отметил, что введение в закон категории «расовая группа» воспринималось в Британии как «плата за возможность запретить косвенную дискриминацию» (Banton M. *The International Politics of Race*. Cambridge, UK: Polity; Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2002. P. 201); см. также аргументы в защиту этнической и расовой статистики как инструмента борьбы с дискриминацией в: Голдстон Д. Данные о национальности и этнической принадлежности: Нужный ресурс для борьбы с дискриминацией // Государственное управление в переходных экономиках. 2002. Зима. С. 19–32.

³⁶ D'Souza D. *Op. cit.* P. 220–226.

делах о дискриминации истцу необходимо доказывать суду свою принадлежность к такой категории.

***

Гораздо важнее другая проблема. Равенство в обращении в США, а затем и других странах было достигнуто сравнительно быстро; точнее, быстро исчезли легко идентифицируемые и доказуемые проявления прямой дискриминации. Однако положение тех, кто страдал от дискриминации в наибольшей степени (в случае США — черных), изменилось несущественно: они остались внизу социальной пирамиды. Собственно, проблемы «цветных» в значительной степени остаются нерешенными до настоящего времени. Несмотря на рост афроамериканского «среднего класса», «черные» существенно отстают от других групп по уровню доходов, образованию, степени представленности в бизнесе и квалифицированных профессиях. Напротив, они составляют основное население городских гетто и непропорционально часто попадают в поле зрения правоохранительных органов как нарушители закона. Формальное равенство не решило проблемы социального лифта и, шире, интеграции, и о необходимости что-то с этим делать настоятельно напомнили бунты, прокатившиеся по ряду крупных городов Америки в середине 1960-х годов и сильно напугавшие правящую верхушку. Американские власти и в целом правящие элиты пошли по пути специальных, так называемых утвердительных, или аффирмативных (*affirmative*) мер для исправления дисбалансов между расовыми группами.

Но дело не в отдельно взятых беспорядках. Специалисты, политики и управленцы в разных странах раньше или позже приходят к пониманию, что маргинализацию каких-либо этнических групп невозможно преодолеть только запретом дискриминации и преследованием тех, кто в ней виновен. Невозможно также просто не обращать внимания на социальные и экономические диспропорции и на то, что большие этнические или расовые категории оказываются фактически исключенными из полноценной экономической и общественной жизни. Такие ситуации вызывают много неприятных последствий, самой простой из которых оказывается протестная активность. Возникает необходимость изменить всю систему сложившихся отношений, тем самым создать условия для большей социальной мобильности ущемленных групп и сократить неравенство.

Для обозначения политики подобного рода в мире применяется разная терминология. Конвенции, принятые в системе ООН (в том числе Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации), используют

выражение «специальные меры». В США и Канаде закрепилось понятие «аффирмативных действий» (affirmative action), в Европе (в том числе директивах о равенстве Совета ЕС) — «позитивных мер» (positive action). Кроме того, используются сходные и смежные концепции; в первую очередь, следует назвать mainstreaming — принятие во внимание задач обеспечения равных возможностей при планировании любых социальных и экономических мер — и «разумную адаптацию» (reasonable accommodation) — учет особых потребностей отдельных групп в работе организаций и учреждений, в той мере, в какой это не вредит их функционированию³⁷.

Основная цель «позитивных мер» — стимулирование более активного вхождения маргинализированных групп на рынок труда и образовательных услуг и о ликвидации всех формальных и неформальных социальных барьеров на пути их полноценного включения в жизнь общества. Понятие охватывает самые разные подходы и не сводится к пресловутым «квотам»³⁸. В основном упор делается не на перераспределение ресурсов, а на поощрение социальной мобильности и создание новых социальных лифтов. При этом установление особых прав и возможностей для людей из тех или иных групп является вспомогательным и относительно редко используемым инструментом.

Не вполне корректно расхожее выражение «обратная дискриминация»: во-первых, чаще всего речь идет не о раздаче привилегий, а во-вторых, «дискриминация» все-таки обозначает неправомерные и необоснованные деяния, а к таковым вряд ли уместно заранее относить любые меры по преодолению социальной несправедливости³⁹. Подход, который доминирует в разных юрисдикциях (в международных организациях, в органах Европейского Союза, в решениях судов США), сводится к тому, что «позитивные меры» должны иметь четко сформулированные узкие цели, должны быть этим целям соразмерны и должны носить временный характер, то есть должны быть прекращены по достижении искомого результата (выравнивания показателей в прошлом «слабой» и «сильной» группы). В большинстве

³⁷ Non-discrimination. P. 18–19.

³⁸ Greenawalt K. Discrimination and Reverse Discrimination. N.Y.: Knopf, 1983; Pincus F. Reverse Discrimination: Dismantling the Myth. Boulder, Colo., 2003; Sowell T. Affirmative Action around the World: an Empirical Study. New Haven, 2004; International Perspectives on Positive Action Measures. A comparative analysis in the European Union, Canada, the United States and South Africa. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 2009; De Vos M., Beyond Formal Equality. Positive Action under Directives 2000/43/EC and 2000/78/EC. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 2007.

³⁹ Dworkin R.M. A Matter of Principle. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1985. P. 293–331; The Affirmative Action Debate. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 2002.

случаев «позитивные меры» прямо не предписываются законодательством, а выводятся из-под действия запрета на дискриминацию, рекомендуются и стимулируются косвенно. Так называемые позитивные обязательства — действия, которые закон обязывает совершать работодателей и руководителей учреждений — обычно касаются устранения условий, ведущих к харассменту и дискриминации, но не установления разных правил для людей в зависимости от их расовой или этнической принадлежности.

В Соединенных Штатах «аффирмативные меры» в разных формах (начиная от активного распространения информации о вакансиях на рынке труда и от пересмотра политики найма) проводились в жизнь фактически с начала 1960-х годов и по настоящее время. Применялись и открытые квоты для расовых меньшинств, но с конца 1970-х годов, после решения Верховного суда по делу Бэкки (1978)⁴⁰, они в основном отошли в прошлое. Квоты и преимущества в найме и продвижении меньшинств могут устанавливаться по решению суда и только для преодоления имевшей место в прошлом доказанной дискриминации. На деле квоты иногда применяются скрыто. Установление преимуществ для расовых меньшинств обозначается с помощью таких формул, как «цели» (goals) — показатели расового или этнического состава работников или учащихся, которых работодатели или администрация учебных заведений стремятся достичь, и 1+ — отдание предпочтения представителю расового или этнического меньшинства из нескольких кандидатов при их прочих равных показателях⁴¹.

Отношение к позитивным мерам отличается от страны к стране, и в тех государствах, где они практикуются (как в США), отношение к ним меняется в разные периоды. В любом случае, эти меры вызывают ожесточенную критику и жаркие споры. Помимо общих соображений о том, что продвижение представителей расовых меньшинств обеспечивается за счет более квалифицированных и порой не менее нуждающихся представителей большинства, негативную реакцию вызывают и другие обстоятельства. Расовая или этническая принадлежность становится не личным делом (и не совсем делом личного выбора), а предметом публичного интереса, причем принадлежность к группе оказывается обстоятельством, которое может определять жизненные шансы человека. Некоторые меры могут граничить с вмешательством в частную жизнь. Так, со второй половины 1960-х годов во многих штатах проводилась активная десеграция школ. Поскольку «белое» население в основном пространственно отделено от «цветного» (первое по большей части сосредоточено в пригородах, последнее — во внутренних

⁴⁰ University of California Regents v. Bakke, 438 U.S. 265 (1978).

⁴¹ Pincus F. Op. cit. P. 26–29.

городских районах), проводится политика перемешивания учеников посредством ограничения права на выбор школы и организации системы автобусных перевозок учеников, что требует немалых сил и средств⁴².

Сторонники «аффирмативных мер» в общем справедливо отклоняют многие упреки своих оппонентов: традиционные, ничем не ограниченные отбор, наем и продвижение «достойных» не означают выбор лучших из возможных претендентов, но просто отражают привычки и стереотипы тех, кто делает выбор; с другой стороны, предпочтение, оказываемое расовым меньшинствам, не значит, что будут выбраны худшие кандидаты, просто такие предпочтения являются способом сломать прежнюю рутину, оставляющую меньшинства за бортом.

С бюрократической точки зрения, «позитивные меры» должны касаться строго определенных, четко идентифицируемых и поддающихся учету групп. По существу, эти меры оказываются направленными на расовые или этнические категории независимо от социального положения тех людей, кто к ним относится, и необязательно на тех, кто реально нуждается в помощи. Критика подобного распределения социальной помощи отклоняется доводами того же административного здравого смысла: учет обстоятельств и потребностей отдельно взятых людей технически очень сложен и влечет за собой немалые издержки, поэтому выгоднее оперировать большими и относительно просто определяемыми категориями⁴³.

На практике оказывается, что эффективность «позитивных мер» ограничена: они не могут быть радикальными, то есть не могут подрывать основы общественного устройства, основанного на частной собственности, свободе выбора и конкуренции, поэтому они слабее, чем хотелось бы, затрагивают сложившуюся рутину и все равно встречают сильное сопротивление. Но споры вокруг дискриминации и позитивных мер имеют одно важное следствие — они меняют само понимание равенства в обществе.

***

Вернемся к началу разговора: провести границу между намеренной прямой дискриминацией и спонтанными процессами, ведущими к этническим и расовым диспропорциям, очень непросто, если вообще возможно.

⁴² Reed D.S. On Equal Terms. The Constitutional Politics of Educational Opportunity. Oxford, Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 2001. P. 37–43; Thernstrom S., Thernstrom A. Op. cit. P. 315–385.

⁴³ Payson K.E. Check One Box. Reconsidering Directive No. 15 and the Classification of Mixed Race People // California Law Review. 1996. Vol. 84. No. 4. P. 1233–1291; Joppke C. Op. cit. P. 55–56.

Социальное расслоение и статистические различия между группами вызываются своего рода «невидимой рукой рынка» — недостатком социального капитала и символического капитала, сетевыми эффектами (то есть тем, что вертикальная мобильность определяется включенностью в социальные сети, к которым в силу разных причин не принадлежат меньшинства) и социальными границами⁴⁴. Среди причин диспропорций может быть осознанная дискриминация, но если кто-то принимает неблагоприятное решение в отношении представителя расового меньшинства (например, отказывает в приеме на работу), это не обязательно мотивируется расовыми предубеждениями и вообще осознается как выбор на основе расовых критериев. Как минимум, не менее вероятно, что неудачливый претендент не соответствует неким стереотипным представлениям принимающего решение, например, о «хорошем» работнике⁴⁵.

Иногда круг замыкается — человека дискриминирует по причине его расового или этнического происхождения не из-за враждебности к другой расе или этничности как таковой, а потому что видят в происхождении маркер или признак принадлежности к социально проблемной категории — например, считают его жителем городского гетто или выходцем из молодежной банды. Но в целом исключение расовых меньшинств вызывается не волевыми решениями и предубеждениями отдельных лиц; оно носит регулярный и институциональный характер, воплощаясь в постоянно воспроизводящихся рутинных практиках.

И здесь проходит черта, за которой борьба с дискриминацией начинает создавать неприятные побочные эффекты и даже трансформироваться в свою противоположность.

Наблюдения за тем, как происходит исключение расовых и этнических меньшинств, породили сначала в научной литературе, потом среди гражданских активистов такие термины, как «системная дискриминация», «институциональная дискриминация» и «институциональный расизм», которые охватывают вся совокупность практик расовой стратификации и исключения. Распространение таких подходов имело два основных следствия. Во-первых, и в публичной дискуссии о дискриминации, и

⁴⁴ Стукен Т.Ю. Дискриминация в социально-трудовых отношениях. Экономический аспект. М.: Информ-Знание, 2007; Loury G. The Anatomy of Racial Inequality. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2002; D'Souza D. Op. cit. P. 245–288.

⁴⁵ Jenkins R. Racism and Recruitment. Managers, Organisations and Equal Opportunity in the Labour Market. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986; Lawrence III Ch. The Id, the Ego, and Equal Protection: Reckoning with Unconscious Racism // Stanford Law Review. Vol. 39. 1987. No. 2. P. 322–344; Bonilla-Silva E. Racism without Racists. 2nd ed. N.Y., Toronto, Oxford, Rowman and Littlefield, 2006.

в юридической практике стерлись границы между противоправным и правомерным поведением, то есть к дискриминации стали относить любые деяния, предположительно ведущие к расовому неравенству независимо от мотивов и вины того, кто их совершает⁴⁶. Появился даже термин «структурная дискриминация», обозначающий спонтанные процессы, у которых просто не существует определенного «автора». Во-вторых, обсуждение перешло в плоскость межгрупповых отношений. То есть все те практики, процессы и состояния, на которые можно наклеить ярлыки «дискриминация» и «расизм», стали интерпретироваться и обозначаться как отношения «доминирования» и «подчинения» между группами — в данном случае между «цветными» и «белыми»⁴⁷.

Подобная риторика возникает при рассмотрении социальных проблем на макро- и на микроуровне. На макроуровне статистические диспропорции описываются как «структурное» неравенство между группами (то есть группы рассматриваются как структурные единицы общества) и оцениваются в качестве дискриминации⁴⁸. На микроуровне повседневные интеракции интерпретируются как отношения «подчинения» и «доминирования» независимо от реальных восприятий и мотивов тех, кто в этих интеракциях участвует⁴⁹; именно в таком контексте возникают разговоры о «неосознанном расизме».

Не вызывает сомнений, что в любом обществе есть механизмы конструирования, распознавания и интерпретации различий, есть системы маркеров и кодов, позволяющие оценивать социальные позиции и статус человека, а значит, устоявшиеся навыки и практики выстраивания повседневных взаимодействия на основе этого знания (включающего в себя и «расовое знание»). Однако происходит еще одна незаметная подмена тезиса — пред-

⁴⁶ Bernstein D.E. You Can't Say That! The Growing Threat to Civil Liberties from Antidiscrimination Laws. Washington, DC: Cato Institute, 2003. P. 160.

⁴⁷ Bell D. Race, Racism, and American Law. 4th ed. Gaithersburg, MD, 2000; Feagin J.R., Hernan V. White Racism: the Basics. N.Y.: Routledge, 1995; Marable M. Op. cit.

⁴⁸ Kallen E. Ethnicity and Human Rights in Canada: a Human Rights Perspective on Ethnicity, Racism and Systemic Inequality. 3rd ed. Don Mills, Ont.: Oxford Univ. Press, 2003; Pincus F. From Individual to Structural Discrimination // Race and Ethnic Conflict: Contending Views on Prejudice, Discrimination, and Ethnviolence. 2nd ed. Boulder, Colo.: Westview Press, 1999. P. 1–24.

⁴⁹ Van Dijk T. Communicating Racism. Ethnic Prejudice in Thought and Talk. L., Newbury Park, CA: Sage Publications, 1987; Essed P. Understanding Everyday Racism: an Interdisciplinary Theory. L., Newbury Park, CA: Sage Publications, 1991; Lopes T., Thomas B. Dancing on Live Embers: Challenging Racism in Organizations. Toronto: Between the Lines, 2006.

ставление наблюдателей о том, как и на основании каких мотивов действуют люди, «овеществляется» и преподносится как объективная реальность.

Соответственно, в обоснование требований кладется уже групповое, а не индивидуальное измерение справедливости⁵⁰. Риторика «институционального расизма», признание несущественными индивидуальных мотивов и индивидуальной вины, снижение стандартов доказывания дискриминации вкупе с презумпцией дискриминационного обращения и требования аффирмативных действий — все это в совокупности ведет к тому, что на общество в целом (точнее, на представителей «доминирующей» группы) и на людей, располагающих властью и ресурсами в широком смысле, возлагается обязанность обеспечить пропорциональное распределение благ между расовыми группами⁵¹. Неспособность или нежелание обеспечить эту пропорциональность, то есть стремление защищать свободу индивидуального выбора, свободу контракта и свободу предпринимательства, обозначается как «расизм».

В общественных дебатах выстраивается примерно такая логическая цепочка: «доминирующая группа» (в данном случае «белые») обеспечила свое господствующее положение и поставила «цветных» в подчиненное положение; такое неравенство продолжает воспроизводиться поколениями; «нейтральный» подход и формальное равенство закрепляют возможность «белых» пользоваться своими «привилегиями». Социальная справедливость представляется из этой перспективы как введение особых правил для «угнетенных» групп и передача этим группам дополнительных благ в качестве компенсации. Тот, кто активно не борется за радикальное перераспределение ресурсов и создание новых социальных лифтов на этой основе, фактически работает на воспроизводство существующей системы привилегий и неравенств. Поэтому «доминирующая» группа виновата целиком, а меры, которые могут ущемить отдельных ее членов, не должны считаться дискриминационными, поскольку они не меняют общую асимметрию отношений и не наносят ущерба доминирующей группе как таковой.

Положение усугубляет то, что в обсуждение привносится культурная тематика. Прежде всего, гражданские активисты, политики и эксперты распространяют требование равенства как равенства в пользовании правами и на возможность сохранять и развивать культурную или этническую идентичность человека — при том что в любом обществе разные языки и «культуры» исполняют разные социальные функции и находятся в заведомо неравном положении, признание равной ценности разных идентичностей влечет за

⁵⁰ Joppke C. Op. cit.

⁵¹ D'Souza D. Op. cit. P. 220–226, 245–336.

собой требование признания равной ценности разных групп и «культур» и, в идеале, создание для них, групп, равных условий. Кроме того, «обычные» социально-экономические неравенства с разных сторон и в разных целях начинают объяснять или оправдывать различиями культур, трудностями (невозможностью, нежелательностью или несправедливостью) адаптации одной «культуры» (угнетенного меньшинства) к другой (доминирующего большинства)⁵². С другой стороны, в условиях нелиберальной экономики появляются новые аргументы в пользу «позитивных мер», получившая название «управление многообразием» (diversity management)⁵³. Преимущественный наем и продвижение представителей расовых и этнических меньшинств рекламируется как политика, выгодная бизнесу, поскольку большее «разнообразие» персонала, то есть наличие людей, относящихся к разным «культурам», может повысить производительность и способность коллектива творчески решать проблемы. Сомнительное место такого подхода — неявное отождествление приписываемого человеку социального происхождения с «культурой» и «жизненным опытом».

Следующий вполне логичный шаг — это проецирование межгрупповых отношений в прошлое и требования компенсации для «угнетенных» групп за прошлые страдания. Кампания по подготовке и вчинению такого рода исков от имени потоков рабов ведется в США уже много лет⁵⁴. Тема глобальных компенсаций со стороны западного мира в целом Африке и африканцам по происхождению за работорговлю и колониализм стала едва ли не основным (наряду с осуждением Израиля и сионизма) пунктом повестки дня Всемирной конференции против расизма, которая прошла в Дурбане в августе–сентябре 2001 г.⁵⁵ Здесь интересно не столько выдвижение таких требований, сколько принципиальная готовность западных стран обсуждать их всерьез. Потребовались немыслимые дипломатические усилия, чтобы всю многодневную бурю эмоций свести к нескольким фразам в итоговой Декларации — что конференция приветствует шаги некоторых

⁵² Race, Religion and Ethnicity Discrimination. P. 12; Neil G. A Critique of «Our Constitution is Color-Blind» // Stanford Law Review. 1991. Vol. 44. No.1. P. 1–68.

⁵³ Wrench J. Managing diversity, fighting racism or combating discrimination? A critical exploration // Resituating Culture / ed. by Gavan Titley. Strasbourg: Council of Europe, 2004. P. 113–123.

⁵⁴ Weiner B.A. Sins of the Parents: the Politics of National Apologies in the United States. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2005; Wu E. Reparations to African-Americans: the Only Remedy for the U.S. Government's Failure to Enforce the 13th, 14th, and 15th Amendments // Connecticut Public Interest Law Journal. 2004. Vol. 3. No. 2. P. 403–429.

⁵⁵ Banton M. International Politics of Race. P. 142–169.

стран, направленные на возмещение причиненного в прошлом вреда⁵⁶. Но и на национальном, и на глобальном уровне тема отнюдь не закрыта.

***

Таким образом, существующие правовые и политические механизмы в развитых странах не допускают организованной, массовой и открытой дискриминации. Имеющиеся правовые средства в принципе позволяют отдельным людям, считающим себя жертвами дискриминации, во многих случаях защитить свои интересы. Но эти же средства не позволяют полностью преодолеть социальные и экономические диспропорции между категориями, которые определяются как расовые и этнические. Причины этих диспропорций и их устойчивости различны и не могут быть сведены к действиям, тем более осознанным, определенных людей. Тем не менее, такие структурные неравенства, точнее, корреляции между расовыми и этническими делениями, с одной стороны, и неравным распределением социальных благ — с другой, описываются как проблема в терминах дискриминации и расизма. Понятия «дискриминация» и «расизм» становятся простыми и удобными объяснительными рамками, внутри которых все сложные и в основном спонтанные и объективные процессы описываются как противостояние «доминирующих» и «угнетенных» групп. Хотя правящие элиты и институты власти (включая судебную систему) не следуют такого рода представлениям прямо, эти идеи и эта риторика серьезно влияют на общественную атмосферу. Идеологически и институционально выстраиваются или сохраняются межгрупповые границы; при этом подрывается возможность общественного диалога — любое несогласие с повесткой дня антирасизма может быть обозначено как защита и воспроизводство существующих отношений неравенства. Соответственно, необходимо принимать в расчет эти противоречия и в целях, и в следствиях борьбы против дискриминации и расизма.

⁵⁶ Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята на Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, Дурбан, Южная Африка, 31 августа — 7 сентября 2001 года (<http://www.un.org/russian/conferen/racism/2002decl.htm>).

Глава 3. Другие подходы к этническому неравенству

Защита меньшинств

Краткая характеристика идеи национальных, или этнических, меньшинств может звучать следующим образом: различия описываются в терминах группового деления и асимметричных отношений между группами. Она предлагает и нормативную, и аналитическую перспективы, а потому применяется и в праве, и в социальных науках.

Даже если термин «меньшинство» относится к этническим группам, то в разных частях мира он понимается не совсем одинаково. В Европе это слово имеет несколько иное значение, чем в США — в Америке оно применяется в отношении «защищенных классов» в связи с противодействием дискриминации. В Канаде термин «меньшинства» толкуется во многом сходно с США, но существует также понятие защищаемых законом лингвистических меньшинств, соответственно англоговорящих в Квебеке и франкоговорящих в других провинциях и территориях. Но защита меньшинств — один из двух, наряду с дискриминацией, признанных в современном международном праве подходов к концептуальной организации этнических или расовых различий. В мире, в том числе в международных организациях, преобладает европейское или близкое к нему толкование этого понятия.

В Европе понятие «меньшинства» возникло вначале в связи с защитой религиозных меньшинств, каковая воспринималась как установление системы привилегий и изъятий из общих правил. Затем понятие было распространено на этнические различия, явившись реакцией на противоречия, созданные национальным государством. Национализм (особенно в тех разновидностях, которые обозначаются определениями «культурный» или «этнический»), стремится навязать населению определенный языковой и культурный эталон и/или добиться доминирующего положения в обществе тех, кто соответствует этому стандарту. Поэтому защита меньшинств, изначально определяемая и как система изъятий и привилегий, включает в себя два основных компонента и предполагает, с одной стороны, обеспечение равных прав тех, кто не относится к основной «нации», а с другой — противодействие их принудительной ассимиляции.

Международная система защиты меньшинств сложилась после Первой мировой войны в рамках Лиги Наций; тогда же были сфор-

мулированы основные понятия и подходы. Особо важны следующие принципы, зафиксированные, в частности, в решениях Постоянного суда международной справедливости⁵⁷: защита меньшинств должна включать в себя обеспечение равных прав для индивидов и одновременно создание условий для сохранения отличительных характеристик групп, определяемых как меньшинства.

Как и все прочие схемы описания этнических различий, идея меньшинств имеет свои сильные и слабые стороны. Понятие «меньшинство» явно перегружено смыслами⁵⁸. Оно может играть разные роли: быть способом категоризации населения, описывать отношения субординации и доминирования, выступать как политическая программа, служить основой риторического и институционального включения тех или иных групп в политическое сообщество или их исключения и т.д.

Симптоматично, что никому пока еще не удалось выработать общепризнанную дефиницию меньшинства. Обычно делаются попытки в одном определении совместить описание трех совершенно разных видов общественных отношений: 1) по поводу категоризации и статистического учета населения (кого к каким группам можно относить и кто находится в арифметическом меньшинстве); 2) доминирования и власти (упрощенно говоря, кто к кому вынужден приспособляться) и 3) внутригрупповой коммуникации и лояльности. Рабочие определения меньшинства, предложенные в 1977 году Специальным докладчиком Подкомиссии по предотвращению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека ООН Ф. Капоторти⁵⁹ и в 1985 году — экспертом Подкомиссии Ж. Дешеном, строятся на наборе следующих критериев: численное меньшинство, объективные отличительные признаки, недоминирующее положение в обществе, стремление сохранять и развивать свою групповую идентичность и наличие гражданства соответствующей страны⁶⁰. Каждый из приведенных признаков методологически уязвим,

⁵⁷ Например, в решении 1935 года по делу о школах меньшинств в Албании, см.: Permanent Court of International Justice. *Minority Schools in Albania. Greece vs. Albania*. Advisory Opinion No. 26. PCIJ, Ser. A/B., No. 64 (1935).

⁵⁸ Подробнее см.: Соколовский С.В. *Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты*. М.: МОНФ, 1997.

⁵⁹ Capotorti F. *Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities*. N.Y.: United Nations, 1991. P. 11–12.

⁶⁰ Обзор предложенных определений см. в: de Varennes F. *Language, Minorities and Human Rights*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1996. P. 136–145; Spiliopoulou kermark A. *Justifications of Minority Protection in International Law*. L.; Boston: Kluwer Law International, 1996. P. 88–93.

зависим от контекста и не универсален; неудивительно, что подобные умозрительные карточные домики зачастую рассыпаются при соприкосновении с реальностью.

Даже теоретическое осмысление социального равенства в рамках защиты меньшинств представляет собой проблему. Во-первых, область применения этого инструмента ограничена. Даже с точки зрения демографической статистики нет причин ожидать, что общество может быть целиком разделено на большинство и некоторое количество четко очерченных меньшинств и адекватно описано с помощью жесткой оппозиции «большинство — меньшинство». В то же время группа, конституируемая властью и экспертами как отдельное меньшинство, может быть (и является) неоднородной по культурным отличительным признакам, социальным интересам и правовому статусу приписываемых к ней людей. Надо добавить, что понятие «меньшинства» обычно политизировано: официальное признание по разным причинам обычно получает (если получает вообще) ограниченное число групп (так как из категории меньшинств часто исключают иммигрантов), в то же время активисты многих групп отвергают это понятие по причине неприятных для них ассоциаций и предпочитают называться «нациями» или «коренными народами».

Во-вторых, неизбежно возникают противоречия между основными компонентами защиты меньшинств, а именно между индивидуальным равенством и обеспечением сохранения отличительных черт группы, таких как язык и культура. Упрощенно говоря, введение для группы особого правового режима и консервация сложившейся ситуации не может не ограничивать социальную мобильность членов группы. Положение осложняется тем, что начиная с 1990-х годов в научных дискуссиях и в практике работы международных организаций стали выделять третий основной компонент защиты меньшинств — *право на участие*. При этом «участие» толкуется не всегда одинаково и порой охватывает разные отношения — возможность членов меньшинства полноправно участвовать в жизни общества, возможность меньшинства как группы представлять и защищать свои особые интересы и право лиц, относящихся к меньшинству, участвовать в жизни своей группы⁶¹.

Достаточно наглядны параллели между защитой меньшинств и противодействием дискриминации. И там, и там обеспечение равенства факти-

⁶¹ Henrard K. 'Participation', 'Representation' and 'Autonomy' in the Lund Recommendations and their Reflections in the Supervision of the FCNM and Several Human Rights Conventions // International Journal on Minority and Group Rights. 2005. Vol. 12. No. 2–3. P. 133–168; Verstichel A. Participation, Representation and Identity: The Right of Persons Belonging to Minorities to Effective Participation in Public Affairs: Content, Justification and Limits. Antwerp: Intersentia, 2009.

чески утрачивает всеобщий характер и адресуется определенным группам («защищенным классам» или «этническому меньшинству»); и там, и там тема равенства увязывается с вопросами культурных различий и групповой идентичности; и там, и там в центре внимания оказывается задача снятия барьеров для участия людей в общественной жизни; и там, и там равенство понимается как создание особых условий для групп, находящихся в уязвимом положении. В обоих случаях множество трудностей создается стремлением отстаивать групповое измерение справедливости. Социальные отношения различной природы — реализация права на ассоциацию, использование разных языков в административном управлении и образовании, распределение публичных ресурсов — обозначаются и перетолковываются как социальная граница и как внутренняя организация *группы*.

На практике все международные инструменты, касающиеся защиты меньшинств, требуют обеспечения равенства и недискриминации по признаку принадлежности к меньшинству. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств Совета Европы требует от стран-участниц не только предотвращения дискриминации против меньшинств, но и создания условий для «полного и эффективного равенства», что перекликается с темой «позитивных мер»⁶². Международные организации, занимающиеся защитой меньшинств, в первую очередь Консультативный комитет Совета Европы по Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, в процессе мониторинга ее исполнения обращают особое внимание на меры противодействия дискриминации. Положения о равенстве содержат также законы о защите меньшинств в тех странах, где они есть. Противодействие дискриминации и защита меньшинств также пересекаются институционально. В ряде стран Европы омбудсмены по защите национальных меньшинств (Венгрия, Финляндия) реально занимались и продолжают заниматься наряду с собственно антидискриминационными органами проблемами дискриминации. В Австралии одно и то же лицо совмещает должности омбудсмена по расовой дискриминации и уполномоченного по правам аборигенов. Подобное совмещение имеет большой практический смысл, поскольку проблемы крупных меньшинств (таких как рома в Европе) или аборигены в Австралии и Канаде в первую очередь заключаются в социальном исключении меньшинств — бедности и невозможности пользоваться «обычными» политическими, социальными и экономическими правами.

⁶² Но надо подчеркнуть, что международные организации и юристы не рассматривают саму по себе защиту меньшинств и в особенности их культурных особенностей как «позитивные меры», поскольку последние носят временный характер и предназначаются для преодоления возникших в прошлом проблем.

Определить, что такое равные права и равенство отдельных лиц, относимых к большинству и к меньшинству, относительно просто. А вот для сравнения разных общностей — большинства и меньшинства или разных меньшинств между собой — международные нормы и практика работы международных организаций никаких ясных ориентиров не предлагают. Очень сложно сравнивать то, что принципиально несопоставимо, — положение в обществе разных языков и культур и их носителей, и обращение к теме равенства здесь скорее будет вносить путаницу. Однако это совершенно не отменяет необходимости создания возможно более комфортной среды для носителей языков и культур меньшинств.

Многосоставное общество

Тему многосоставных обществ важно затронуть, потому что она является ядром широкой области дискуссий о равенстве, пересекающихся с другими темами и областями. Не существует единого и общепризнанного термина для обозначения систем власти, основанных на паритете разных национальных, этнических или языковых групп. Иногда в теории и в практической политике используется понятие «многонациональности», иногда — «многообщинности». По существу, как и при защите меньшинств, отправной точкой служит националистический постулат о том, что этническая группа, или «нация», должна рассматриваться как политическая единица и основа государственности. Речь здесь не о вообще этнически неоднородном обществе или о таком, где существует глубокое социальное разделение между этническими или расовыми категориями, а о ситуациях, когда наличие разных «наций» или «общин» в государстве официально признается, получает идеологическое обоснование и оформляется символически и институционально.

Многонациональный или многообщинный характер государственности может утверждаться в разных формах — с помощью символического признания роли и места разных групп и их языков, федеративного устройства, территориального деления, учитывающего расселение разных групп, создания параллельных институтов для разных групп, пропорционального распределения ресурсов или возможностей участия в структурах власти⁶³. Для примера: в законодательстве ряда стран проводится идея равенства основных групп — финно- и шведоговорящего населения в

⁶³ См.: *Autonomy, Self-governance and Conflict Resolution. Innovative approaches to institutional design in divided societies* / Ed. by Marc Weller and Stefan Wolff. L. and N.Y.: Routledge, 2005; *Multinational Democracies*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2001.

Финляндии, или маори и потомков белых иммигрантов в Новой Зеландии, или англофонов и франкофонов как основных групп населения Канады; при этом обеспечивается и гарантируется параллельное функционирование их языков в публичной сфере. Чаще всего паритет означает равные статусы признанных групп, но возможны асимметрии, когда какой-то группе из соображений «справедливости» отводится особое положение, как, например, аборигенному населению Канады. Равенство, или «справедливая» иерархия, групп иногда вступают в конфликт с принципами равенства индивидов: права и возможности индивида могут оказаться так или иначе ограниченными или в силу его/ее проживания «не на той» территории, или из-за требования пропорционального раздела — например, рабочих мест в правительственных учреждениях между группами. Ситуаций, когда государство рассматривало бы себя как союз этнических групп и соответственно выстраивало бы свою политическую систему, очень немного. Последовательный и открытый раздел институтов власти и управления был проведен между двумя общинами — греками и турками — на нетерриториальной основе на Кипре, но это система оказалась неработоспособной и продержалась недолго — с 1960 по 1963 годы. Более того, фактическое соблюдение принципа пропорциональности в выстраивании системы управления не всегда провозглашается публично, четко и недвусмысленно.

Нет и единой теории многосоставных обществ. Остается достаточно популярной теория Арендта Ляйфарта, которая именуется «консоциализмом», «консоциальной демократией» или «демократией согласия»⁶⁴. Теория имеет ограниченные возможности применения, потому что, во-первых, разрабатывалась в первую очередь как нормативная, а не описательная, с целью дать ответ на вопрос о возможности демократии в разделенном обществе. Во-вторых, на поставленный вопрос она дает принципиально положительный ответ, но при наличии условий, которые редко присутствуют на практике. По мнению А. Ляйфарта, успешное функционирование консоциальной демократии возможно прежде всего в обществе, состоящем из небольшого числа сопоставимых по численности и политической активности автономных и самоуправляемых групп. Однако в мире почти нет реальных объектов, к которым можно было бы приложить эту теорию целиком.

Начиная с 1980-х годов идеи консоциализма постепенно уступают место концепциям «разделения власти» (power-sharing) — менее амбициозным и чаще пригодным в качестве инструмента анализа или основы

⁶⁴ Lijphart A. *Democracy and Plural Societies*. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press, 1977.

практических рецептов⁶⁵. Эти концепции возникают в контексте изучения конфликтов и постконфликтного урегулирования и сводятся к тому, что компромиссы, основанные на распределении позиций в системе власти и управления между этническими группами (но не обязательно на основе формирования автономных сегментов, как у А. Ляйфарта), могут привести к урегулированию конфликтов и созданию устойчивых политических систем.

Ряд стран имеет особые электоральные механизмы, обеспечивающие сбалансированное (пропорциональное численности или, наоборот, компенсирующее малую численность) участие этнических групп в формировании властных структур; иногда это сочетается с частичным разделением властных структур по этническому или языковому признаку. Некоторые страны резервируют места для представителей меньшинств в выборных органах (Словения, Хорватия, Новая Зеландия), устанавливают преимущества для организаций меньшинств на выборах, в первую очередь отменяют для них процентный барьер (как Германия и Румыния) и создают консультативные структуры⁶⁶.

Практические решения в духе power-sharing часто обосновываются соображениями равенства и справедливости, а не только урегулирования конфликтов. Тема справедливого разделения власти и ресурсов между группами оказывается тесно связанной с темой «участия» (что, напомним, уже воспринимается как один из основных компонентов защиты меньшинств). «Участие» понимается широко — и как представленность группы как таковой в общественной жизни с возможностью представлять и отстаивать свои интересы, и как снятие барьеров для индивидов, стремящихся реализовать себя наравне с большинством в экономической, политической и прочих публичных сферах. Отсюда уже недалеко до предотвращения дискриминации и «позитивных мер».

В свою очередь, вместо провозглашения полного символического равенства групп чаще можно встретить стремление найти «справедливую» символическую иерархию групп. Эти игры не чужды многим международным организациям, правительствам и общественным движениям. На всех этих уровнях стремятся провести разделительную линию между

⁶⁵ McGarry J., O'Leary B. Introduction: the macro-political regulation of ethnic conflict // *The Politics of Ethnic Conflict Regulation. Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts*. L. and N.Y.: Routledge, 1996. P. 1–40; Sisk T.D. *Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1996.

⁶⁶ *Political Participation of Minorities: A Commentary on International Standards and Practice*. Oxford: Oxford Univ. Press; Wheatley S. *Deliberative Democracy and Minorities* // *European Journal of International Law*. Vol. 14. 2003. No. 3. P. 507–527.

«коренными», или аборигенными, народами, меньшинствами и иммигрантами. Иногда меньшинства делятся на «национальные» и «этнические», «территориальные» и «нетерриториальные», «традиционные» и «пришлые». В Канаде Хартия прав и свобод устанавливает разные и особые статусы для аборигенного населения, для лингвистических меньшинств (англоговорящих в Квебеке и франкоговорящих в остальных частях страны) и всех остальных групп (при том что мультикультурализм является конституционным принципом).

Мультикультурализм

Вопросы равенства ставятся и обсуждаются также в рамках, собирательно называемых «мультикультурализмом». Мультикультурализм понимается реже в описательном, а чаще в нормативном значении, как предписание и программа⁶⁷. Суть такой программы заключается в отказе от требования поддерживать в обществе единый и обязательный для всех языково-культурный стандарт. Наиболее краткое и емкое толкование предложила Александра Ксантаки: мультикультурализм означает признание и поддержку культурных особенностей индивида в публичной сфере⁶⁸. А дальше возникает множество толкований и способов применения, вдобавок опирающихся на разную терминологию. За словом «мультикультурализм» стоит множество самых разнообразных идей, концепций, программ, законодательных и административных новаций, которые с трудом поддаются объединению и классификации. Невозможно говорить о мультикультурализме как таковом или о мультикультурализме как единой теории или политической стратегии. Неправильно также говорить и о едином «западном» мультикультурализме — в каждой из стран Северной или Южной Америки, Океании и Европы, где этот термин находил применение, он возникал в специфическом контексте и приобретал свой особый набор смыслов и значений. В 1990–2000-е годы мультикультурализм подвергается резкой критике и заменяется другими терминами, например, «интеркультурализмом». Кроме того, практическая политика, основанная на поддержании культурного разнообразия и адресованная в основном новым иммигрантским меньшинствам, в тех

⁶⁷ Но российские политики понимают мультикультурализм чаще всего описательно, именно как мультикультурность.

⁶⁸ Xantaki A. *Multiculturalism and International Law: Discussing Universal Standards* // *Human Rights Quarterly*. 2010. Vol. 32. No. 1. P. 24.

странах, которые ее активно проводили, была в значительной степени свернута еще в 1990-е годы⁶⁹.

Однако при всем разнообразии репертуаров использования этого слова в них можно проследить некоторые общие черты. Разные толкования мультикультурализма и смежных терминов основываются, за редкими исключениями, на трех допущениях: 1) в обществе сосуществуют дискретные и автономные культуры; 2) сами по себе культуры являются ценностью и социальной детерминантой, то есть определяют поведение людей и их социальные возможности; 3) этническая группа является носителем определенной культуры. Последний тезис подвергается наиболее активным нападкам из-за того, что потенциально ведет к расколу общества и к изоляции разных его сегментов, но первые два успешно сохраняются и воспроизводятся.

Мультикультурализм в значении практической политики понимается, прежде всего, как социальная интеграция иммигрантов и создание для них в принимающем обществе более комфортных условий, учитывающих их традиции и культурные особенности; реже — как вообще политика управления этническим многообразием. Соответственно, в такие рамки часто укладывается и защита равных прав людей, и создание условий для их участия в жизни общества.

Практическое применение термина порождает и скрытые смыслы. Один из них — деполитизация вопросов этнической неоднородности, вынесение их за скобки при обсуждении основ государственности или осуществления политической власти. Ударение в мультикультурализме делается на слове «культура», которое нередко толкуется в фольклорно-этнографическом смысле, а «культурное» понимается как неполитическое, то есть меньшинствам отводится область деятельности, не связанная с осуществлением власти и контролем над основными институтами. По этой причине правильнее разделять темы многосоставных (или «многонациональных») обществ и мультикультурализма, хотя на деле в некоторых случаях практические решения, черты проводимой политики и используемые риторические приемы оказываются похожими. Другая неявная смысловая нагрузка «мультикультурализма» — это замещение повестки социального равенства⁷⁰. Иными словами, мультикультурализм, провозглашающий равную ценность всех культур, служит символической компенсацией уязвимым группам за

⁶⁹ The Multiculturalism Backlash. European discourses, policies and practices. L. and N.Y.: Routledge, 2010.

⁷⁰ Радтке Ф.-О. Между дерегуляцией и дискриминацией. Дилемма немецкого социального государства в обращении с иммиграцией // Миграция и национальное государство. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 199–200.

их ущемленное положение. В более грубом варианте это означает, что неравенство описывается как продукт культурной специфики, а социальные барьеры и механизмы исключения «не замечаются»⁷¹.

В формулировании вопросов, связанных с пониманием социального равенства, мультикультурализм как набор нормативных теорий сыграл не меньшую, а, пожалуй, большую роль, чем мультикультурализм в смысле практической политики. С конца 1980-х годов западная политическая теория и социальная философия уделяют большое внимание культурному измерению равенства, а в особенности — проблемам сочетаемости либерального индивидуализма с этнокультурным разнообразием. Для многих теоретиков стала общим местом критика либерализма за якобы пренебрежение вопросами этнокультурной принадлежности индивида и этнокультурной составляющей индивидуальной идентичности. Взамен выстраивается следующая цепочка рассуждений: не бывает автономного и рационально мыслящего индивида вообще — все люди по факту рождения и воспитания относятся к определенным группам; группы отличаются культурными особенностями — образом жизни и разделяемыми ценностями; принадлежность к группе является частью индивидуальной идентичности и, соответственно, неотъемлемым компонентом достоинства личности; для признания и обеспечения прав и достоинства индивидов необходимы признание и защита культурной отличительности групп со стороны государства⁷².

Важным звеном в этой логической цепи является отрицание и опровержение идеи этнокультурной «нейтральности» государства (подобно тому, как светское государство «нейтрально» по отношению к отделенным от него конфессиям) и вообще публичных институтов. Имеется в виду, что в государстве не все этнические или — шире — культурные группы⁷³ находятся в одинаковом положении, как бы это государство ни декларировало равенство всех граждан и свое невмешательство в сферу приватной жизни, к которой относится индивидуальная этничность. На деле, как говорят критики тезиса о нейтральности государства, публичные институты главным

⁷¹ Rex J. The problematic of multinational and multicultural societies // Ethnic and Racial Studies. 1997. Vol. 20. No. 3. P. 455–473; Vertovec S. Multiculturalism, culturalism and public incorporation // Ethnic and Racial Studies. 1996. Vol. 19. No. 1. P. 50–56.

⁷² Taylor Ch. The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1994. P. 25–73; Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Clarendon Press, 1995.

⁷³ Теоретики, рассуждающие на подобные темы, не всегда проводят различие между этническими, религиозными и тому подобными категориями, которые, как представляются, основаны на «культуре», общей для относящихся к ним людей.

образом обслуживают доминирующую этническую группу и отражают ее ценности и представления. Отсюда следуют выводы: поскольку нейтральность государства является фикцией, а меньшинства, или недоминирующие группы, по определению находятся в ущемленном положении, социальная справедливость и равенство могут считаться реальными, если культурные особенности разных групп признаются и поддерживаются, а члены ущемленных категорий пользуются особыми защитными мерами, призванными компенсировать фактическое неравенство⁷⁴.

Представления разных авторов о том, как обеспечить в разных культурных средах, многие из которых могут быть весьма враждебны либеральным идеалам, такие ценности, как индивидуальная свобода и автономия, расходятся. Нет и единого мнения относительно того, какие именно покровительственные меры и в отношении каких именно групп нужны, при том что население любой страны крайне неоднородно и никакому государству не под силу сохранять и содержать такую мозаику. Ответом на такие вопросы служит обычно, во-первых, признание и уважение только тех культурных особенностей, которые не нарушают права человека, во-вторых, признание права индивида «покидать» «свою» общину и, в-третьих, выстраивание своеобразной иерархии групп, которые по тем или иным соображениям заслуживают более или менее далеко идущих покровительственных мер.

В этой книге нет возможности и необходимости обсуждать все умозрительные предложения того, как совместить индивидуальную свободу с автономией и групповыми правами «общин». Обратим внимание только на две небольшие, но существенные подмены понятий. Любой человек, действительно, не абстрактное существо, а продукт вполне конкретных условий социализации. Однако непонятно, почему между средой социализации и малопонятной категорией «группы» или «общины» ставится знак равенства. Весьма сомнительно также приписывание «группе» или «общине» обладания цельной, однородной и своеобразной «культурой», в своей основе отличной от других таких же культур. Во всяком случае, современные условия жизни городского населения весьма проблематично описывать как единую «общину» и как однородную, к тому же изолированную, культуру. Кроме того, сомнителен такой рецепт примирения групповых прав и индивидуальной свободы, как право «выхода» из культурной группы или «общины». Любой человек связан множеством в основном неформальных, но устойчивых социальных сетей и обязательств, от которых невозможно освободиться просто волевым актом, написав заявление, или с помощью еще какого-то ритуала.

⁷⁴ Kymlicka W. Op. cit.; Young I. Op. cit.

В данном случае важны не противоречия в разных вариантах либерального мультикультурализма и не его сомнительное соответствие социальным реалиям. Существенно то, что теоретические изыскания либеральных философов и политических теоретиков, во-первых, укрепили и популяризовали представления об обществе как о сумме структурированных, относительно изолированных и несущих особенные «культуры» этнических групп. Во-вторых, они ввели в общественные дискуссии и сделали общим местом тезис об «этнокультурной предвзятости» любого государства и любых публичных институтов. Тем самым они весьма поспособствовали распространению представлений о фактическом неравенстве людей, приписываемых к разным этническим группам и «культурам», а потому о принципиальной возможности и даже необходимости во имя равенства обеспечения автономии групп и установления для них разных правовых режимов.

Толерантность

Эта тематическая область не напрямую связана с вопросами равенства, и можно спорить с представлением, считающим ее самостоятельным подходом к осмыслению и описанию проблем равенства. Тем не менее, связь здесь есть, и значение категории «толерантность» не стоит недооценивать.

Слово «толерантность», как и любая другая практическая категория, может толковаться по-разному, широко или узко. «Толерантность» в широкой интерпретации, как и «мультикультурализм», иногда используется как большого размера понятийный «контейнер», куда помещается все хорошее — все компоненты конструктивной политики, направленной на обеспечение гармонии в этнических отношениях. В узком понимании за «толерантностью» сохраняется только изначальное значение этого слова — терпимость, пассивное приятие различий и, по сути, безразличие к ним⁷⁵. В подобных узких толкованиях (существующих не только в русском языке) толерантность вызывает к себе негативное или ироничное отношение. Впрочем, в ареале распространения русского языка этот термин у многих провоцирует негативные реакции и по другим по причинам, вызывающим куда меньшее уважение, чем названная выше⁷⁶.

⁷⁵ Жигунова Г. Толерантность как ценность гражданского общества // Власть. 2010. № 1. С. 60–63.

⁷⁶ Если говорить кратко, то для наименее взыскательной публики толерантность — это что-то искусственное, навязанное извне, что мешает открыто говорить все, что приходит в голову, и разбираться с «чужаками» по всей строгости, как они того заслуживают.

Между тем толерантность — одна из ценностных основ современных демократических обществ. Вообще, многие общества в разных частях мира еще в Античности и Средние века показывали множество примеров этнической и религиозной терпимости и сосуществования самых разных групп. Толерантность, о которой мы говорим, восходит к исторически молодой традиции религиозного плюрализма в Европе и Америке. Понятие появилось в Новое время в связи с необходимостью признать религиозные свободы и обеспечить возможность мирного сосуществования приверженцев разных христианских конфессий, каждая из которых считала только себя носителем истины. Без «пакта о ненападении», без признания разными религиозными группами необходимости признавать друг друга демократические институты и все то, что называется «открытым обществом», едва ли было возможно.

В гораздо более позднее время, уже после Второй мировой войны понятие «толерантность» стало использоваться в связи с противодействием расизму. Одной из причин расизма, наряду с идеологией, считались расовые предрассудки и предубеждения — а для их преодоления требовались пропагандистские и воспитательные меры. Такие представления на международной арене активно продвигала (и продолжает продвигать) ЮНЕСКО, а также другие организации в системе ООН. Идеи, которые сейчас прочно увязываются с понятием «толерантность» — воспитание и обучение, направленные на преодоление предубеждений и предрассудков, поощрение сотрудничества разных расовых и этнических групп, их широкий диалог, преодоление межрасовых барьеров, — включены не только в декларации ЮНЕСКО, но и в Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ст. 13) и Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации (ст.ст. 2 и 7). Позднее в распространение этих идей включились ОБСЕ и Совет Европы (в первую очередь Европейская Комиссия против расизма и нетерпимости, ECRI).

Наиболее полно представления о том, как должна толковаться и из чего состоять толерантность (не только этническая, расовая и религиозная), отражены в Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО, принятой в 1995 году. Толерантность понимается там как активная позиция — как готовность к сотрудничеству с другими на основе признания и уважения их инаковости. В практическом плане предлагаемые пути и способы утверждения толерантности включают в себя не только пропаганду и воспитание, но преодоление социальных барьеров между группами, поощрение сотрудничества и, что особенно важно, преодоление социального исключения и стигматизации наиболее уязвимых групп. Разумеется, признание и уважение других подразумевают равные права и равное достоинство людей независимо от их этнической или религиозной принадлежности. В

практическом же плане воспитание позитивного отношения к «другим» должно ликвидировать мотивы дискриминационного поведения.

На национальном уровне многие правительства делают немало для того, чтобы изменить общественный климат и, в частности, прививать людям навыки жизни в этнически неоднородном обществе. Особо следует отметить опыт Германии, где начиная с 1980-х годов то, что в России назвали бы «пропагандой толерантности», обозначалось словом «мультикультурализм». Мультикультурализм в Германии понимался в рамках «социальной педагогики» или, в русских переводах, как «народно-педагогическая программа» — политика, направленная на формирование терпимого к различиям общественного климата⁷⁷. Полезно еще упомянуть, что в ряде штатов и территорий Австралии с начала 1990-х годов действуют комплексные законы о противодействии дискриминации и вообще о гармонизации этнических отношений и называются они актами о толерантности.

Трудно не упомянуть сходный феномен, к появлению которого правительства не имели прямого отношения. Речь идет о так называемой политической корректности. В ходе дискуссий о расовом и гендерном равенстве в Северной Америке было достигнуто понимание того, что нормы обыденного, повседневного языка, а не намеренная пропаганда вражды могут рутинно утверждать и воспроизводить неравенство разных социальных групп. Формы могут быть различны и не всегда заметны для большинства — это речевые клише, описывающие то, что свойственно меньшинствам, как девиацию или патологию, а признанное большинством — как универсальную норму. Встречаются и невербальные формы — например, меньшинства могут появляться в массовой культуре или прессе только как криминальные или комические персонажи. Борьба с этим запретами и наказаниями невозможно, особенно в обществе, где реально обеспечена свобода слова и самовыражения. Прежнюю языковую рутину можно сломать только добровольным самоограничением культурных элит и профессиональных сообществ. И такие добровольные самоограничения были установлены, в первую очередь в США. Несмотря на то, что политическая корректность в своих конкретных проявлениях нередко носит совершенно анекдотический характер, а кроме того, вызывает критику и сопротивление с разных сторон, сложно отрицать те достижения, которые она с собой принесла. Если говорить кратко, это изменение стереотипов восприятий, высказываний и поведения больших, наиболее активных и влиятельных групп западных обществ.

Толерантность часто критикуют за ее ограниченность и за те возможные риски, которые с ней связаны. Толерантность уделяет особое внимание инди-

⁷⁷ Радтке Ф.-О. Указ. соч.

видуальному поведению, вопросам морали и воспитанию. Соответственно, пропагандой толерантности можно злоупотребить, оставляя за скобками и пренебрегая такими ключевыми проблемами, как социальные причины неравенств и институты, стимулирующие дискриминационное поведение.

Вместе с тем идея толерантности в принципе имеет большой смысл — как то, что закрывает пробелы в противодействии дискриминации. Дело в том, что в борьбе с дискриминацией из поля зрения, как правило, выпадает субъективная сторона дискриминационного поведения, то есть цели, мотивы и вина. Дискриминация, таким образом, начинает толковаться как отношения между господствующими и подчиненными группами, и при этом совершенно стирается грань между правомерным и незаконным поведением. Толерантность позволяет вернуть здравый смысл в осмысление того, как возникает неравенство и как его можно преодолеть. Причиной дискриминации являются люди и их, людей, осознанное поведение. При этом такое поведение, особенно в рутинных формах, по отдельности не представляющих общественного вреда, чаще всего невозможно запретить правовыми средствами и тем более преследовать на основании закона. Такие проблемы можно преодолевать, только трансформируя восприятие и поведение людей, и пропаганда с воспитанием оказываются более адекватными средствами, чем государственные репрессии или раздачи привилегий ущемленным в прошлом группам.

***

Итак, подведем итоги. Разные подходы к описанию, пониманию и преодолению неравенств по этническому признаку отличаются по истории и контекстам возникновения, а также по области применения и набору задач, которые они призваны решать. Сложность в применении каждого из них состоит в том, что они призваны охватывать принципиально разные феномены.

В первом приближении с темой равенства или неравенства по этническому признаку связаны две группы явлений. Первая — осознанно избирательное отношение одних людей к другим; выстраивание отношений с другими с учетом и по причине приписываемой им, другим, этнической или расовой принадлежности. Вторая — это множество описаний, объяснений и оправданий, интерпретирующих самые разные социальные различия, диспропорции, проблемы и коллизии в терминах межэтнических и межрасовых отношений.

Все существующие подходы к пониманию равенств и неравенств не идеальны и не свободны от противоречий; каждый создает риски и предпосылки для злоупотреблений. Эти подходы не конкурируют друг с другом, а напро-

тив, иногда могут рассматриваться как взаимодополняющие; нередко они накладываются друг на друга и смешиваются в общественных дискуссиях. Все они имеют друг с другом много общего, и во всех из них воспроизводятся сходные мыслительные схемы и сходные логические цепочки.

Борьба с дискриминацией индивидов эволюционирует в сторону признания и обеспечения равенства групп и покровительства отдельным уязвимым категориям, что сближает ее с защитой меньшинств. Содержание понятия «защита меньшинств» расширяется за счет развития в системах ОБСЕ и Совета Европы новых категорий «эффективного равенства» и «участия», под которыми имеется в виду снятие барьеров для участия индивидов и групп в жизни общества, что напоминает «позитивные меры». Обеспечение равенства рационализируется в терминах «разнообразия», что перекликается с мультикультурализмом. Защита меньшинств в смысле принятия поддержки культуры и идентичности в ряде отношений напоминает и «позитивные меры», вытекающие из борьбы с дискриминацией, и мультикультуралистские идеи. В свою очередь, риторика «различия культур» используется для объяснения социальных диспропорций и обоснования требований «позитивных мер». Противодействие дискриминации и защита меньшинств включают в себя понятие «участия», что сближает эти подходы с проектами создания многосоставных обществ и систем раздела власти (power-sharing). Развитие толерантности подразумевает обеспечение сосуществования разных «культур» и защиту уязвимых групп. Со своей стороны, новые подходы к пониманию дискриминации ставят под вопрос идею равного обращения, требуют все более тщательного учета групповых особенностей и признания необходимости разного нормативного регулирования для разных групп, что во многом также сходится с мультикультурализмом и защитой меньшинств.

Таким образом, в основе дискуссий о равенстве и «политики равенства», несмотря на наличие разных описательных рамок и терминологических систем, лежат несколько общих и, в принципе, простых мыслительных схем, имеющих тенденцию к «овеществлению» этнических групп, к их представлению в качестве структурных единиц общества. В конкретных же проявлениях эти дебаты и практические меры, зависящие от разных и сложных контекстов в разных странах и международных организациях, представляют собой сложные, мозаичные и изменяющиеся поля с постоянно появляющимися новыми темами и новыми участниками.

Глава 4. Нарушения равенства как эмпирическая реальность

Перейдем к российским реалиям. Где, при каких обстоятельствах и кем становятся «видимыми» нарушения равенства индивидов по этническому признаку или этническая дискриминация в узком смысле? В этом разделе речь идет не об умозрительных постановках проблем дискриминации, а только о том, кто и где, какие люди и организации распознают дискриминацию — путем наблюдений, личного обыденного опыта и специальных исследований в окружающей действительности — и публично признают это как проблему. Для простоты и последовательности изложения на данной стадии исключим из рассмотрения все сюжеты, связанные с проявлениями ксенофобии и с насилием на этнической почве, а также обсуждение социальных диспропорций между этническими категориями как таковых. Речь об этом пойдет ниже. Для избегания повторов в данном разделе я также не буду рассматривать то, что связано с так называемой этнической государственностью. О происходящем в республиках России, которые воспринимаются как территориальные образования, созданные на этнической основе, и потому как среда, относительно неблагоприятная для жителей, не относящихся к так называемым титульным национальностям, речь пойдет ниже. Здесь же мы коснемся только того, как видится и описывается ненасильственная дискриминация в буквальном понимании — как необоснованное проведение различий между людьми в силу их этнической принадлежности.

Случаи распознавания дискриминации и публичного реагирования на них можно группировать двумя способами: по сюжетам, получающим известность в публичном пространстве, и по тому, какая профессиональная или, точнее, коммуникативная среда и каким образом реагирует на проблемную область в целом и пытается разобраться, что же в этой области наличествует.

Начнем с сюжетов, становящихся публичными известными, и издалека — с советского прошлого, откуда берут начало многие российские реалии. Советский опыт интересен как яркая иллюстрация основных проблем в понимании дискриминации, которые непрерывно возникают и в наше время.

Классический пример дискриминации по этническому признаку — это принудительные переселения народов, иногда именуемые «сталинскими депортациями». Следует отметить, что, во-первых, не все этнические депортации можно называть «сталинскими» — насильственные переселе-

ния по этническому признаку проводились до 1930-х и после 1950-х годов, правда, в меньших, чем при Сталине, масштабах. Во-вторых, этнически избирательные репрессии в советское время не сводились к депортациям. Так, в ряде случаев волны арестов с последующими лагерными сроками и расстрелами второй половины 1930-х годов имели четкую направленность и накрывали «подозрительные» национальности, этнически связанные с зарубежными странами. Наиболее жесткие и масштабные репрессии такого рода, так называемые национальные операции НКВД⁷⁸, затронули поляков⁷⁹. При этом порой провести четкую границу между репрессиями на этнической и социально-классовой почве затруднительно. Жертвами непрерывных арестов и расстрелов становились вместе и попеременно разные категории людей, которых государство выделяло по социальному происхождению, профессии, этническому признаку, религии, и репрессии с этническим прицелом по целям и содержанию ничем не выделялись в общей кампании террора. Кроме того, сложно четко разделить этнические и неэтнические депортации, особенно в рамках коллективизации и раскулачивания⁸⁰. Так, сложно утверждать, что выселения конца 1940-х годов из причерноморских районов РСФСР были только этническими — наряду с курдами и турками по социальным признакам выслали часть населения по политическим мотивам⁸¹.

В любом случае, советские депортации хорошо описаны в литературе перестроечного и постперестроечного времени⁸². В конце 1980-х годов в России по поводу депортаций сложился широкий негативный консенсус — и власти, и оппозиция почти любого толка рассматривали их как преступление режима, не допускающее оправданий. Одна из причин того, что депортации столь широко обсуждались, — в том, что эти обсуждения в бурный период конца 1980-х позволяли критикам советской власти сформулировать наиболее четкие и недвусмысленные претензии к ее «национальной политике».

⁷⁸ Петров Н. Преступный характер сталинского режима: юридические основания // Полит.ру. 2009. 19 ноября (<http://www.polit.ru/lectures/2009/11/19/stalin.html>).

⁷⁹ Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997.

⁸⁰ Полян П.М. Депортации и этничность // Сталинские депортации 1928–1953. М.: МФД: Материк, 2005. С. 5–19.

⁸¹ Аналогичная неопределенность присутствует при оценке выселений с территорий Польши, аннексированных СССР в 1939 году; этническая же мотивация и избирательность выселений 1940-х годов из трех прибалтийских республик по меньшей мере вызывает серьезные сомнения.

⁸² Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, Мемориал, 2001; Ткаченко А.А. История депортации народов России // Российский демографический журнал. 2002. № 1. С. 58–65.

А вот если выйти за рамки обсуждения проблем «наказанных народов», то картина теряет четкость — и оказывается, что о других историях и проблемах мало что можно сказать по существу. Менее известны и куда реже комментируются ограничения, установленные в отношении депортированных и сохранявшиеся долгое время после смерти Сталина, — прежде всего отрицание их права на выбор места жительства и на возвращение в места прежнего проживания. Запреты и ограничения, например, в отношении турок и других групп, высланных из Южной Грузии, сохранялись формально до 1974 года (а фактически — до настоящего времени), в отношении крымских татар — вплоть до конца 1980-х годов, а чеченцев-аккинцев в Дагестане — до середины 1990-х⁸³. Власти Северной Осетии чинили препятствия ингушам, желавшим вернуться в те места, откуда они были высланы, в основном с помощью «паспортного режима» и системы прописки.

Еще меньше обсуждались и получали известность другие дискриминационные мероприятия или практики. Довольно широко комментировалась «борьба с космополитами» и гонения на евреев в конце 1940-х — начале 1950-х годов, а вот направленные против евреев негласные ограничения, касавшиеся обучения в ряде вузов и занятия определенных должностей, остаются слабо изученными и отражены в основном в воспоминаниях⁸⁴. Прочие манипуляции властей, связанные с допуском людей к образованию или занятию тех или иных должностей, изучены еще менее и большого интереса даже у просвещенной публики не вызывают.

***

Попробуем суммировать, какие возникают трудности при рассмотрении не только советского прошлого, но и современности?

Во-первых, это недостаток достоверной информации. В отношении советской истории ситуация усугубляется тем, что многие архивные материалы, в том числе касающиеся «национальной политики», остаются не рассекреченными. Вообще многие аспекты этнической политики, проводившейся в СССР, особенно на региональном и местном уровне и особенно в подборе кадров, до сих пор крайне плохо изучены, и это уже

⁸³ Маркедонов С. 2005. Дагестанская Ичкерия // АПН.ру. 2005. 17 июня. (<http://www.apn.ru/publications/article1440.htm>).

⁸⁴ «Черное 20-летие» мехмата МГУ. Интервью с математиком, ректором Независимого московского университета Юлием Ильашенко // Полит.ру. 2009. 28 июля (<http://www.polit.ru/science/2009/07/28/ilyashenko2.html>); Костюков Л. Свидетель черных лет // Полит.ру. 2009. 30 июля (<http://www.polit.ru/author/2009/07/30/mehmat.html>).

скорее вопрос о выборе исследовательских приоритетов. В условиях информационного дефицита, вызванного не столько закрытостью государства, сколько общественным и исследовательским равнодушием, любой, пытающийся разобраться в происходившем (или происходящем), оказывается в положении добросовестного идиота. Зачастую все, с чем приходится иметь дело, — это воспоминания и мнения отнюдь не беспристрастных людей. Каковы масштабы и обстоятельства дискриминация евреев при зачислении в студенты механико-математического факультета МГУ и других престижных вузов? Имеющиеся мнения и версии не дают полной картины и не служат полноценными доказательствами. Существовали ли этнические предпочтения и ограничения при назначении руководящих работников и если да, то какого рода? Здесь остается та же неясность, и опираться приходится только на слухи и версии. Был ли вообще СССР страной разнузданной ксенофобии или образцом мирной совместной жизни разных национальностей? Видны только кусочки мозаики, да и то в основном — по субъективным и отрывочным воспоминаниям.

Во-вторых, действительно зачастую сложно провести разделительную черту между дискриминацией в смысле разного обращения с людьми из-за их этнической принадлежности, с одной стороны, и какими-то другими проблемами, которые могут иметь разные причины и толковаться по-разному — с другой. Какие-то действия государства могут быть нацелены на население какой-либо территории, а поскольку большинство этого населения составляет определенная этническая группа, то появляется соблазн определять эти действия как адресованные этнической группе. Один пример — массовые насильственные переселения — я уже приводил. Поскольку массовым выселениям из Латвии, Литвы и Эстонии в 1940-х годах просто по демографическим причинам подверглись по большей части соответственно латыши, литовцы и эстонцы, то националистически настроенные политики в этих странах говорят о политике геноцида в отношении этих народов. Признание или непризнание тех или иных действий как дискриминации оказывается просто показателем успешности пропагандистской риторики. Приведенные примеры иллюстрируют и более широкую и распространенную проблему — стремление многих использовать слова «дискриминация» или «неравноправие» просто как обобщенную негативную характеристику тех или иных государственных мер или политики в целом. До сих пор, например, находится немало желающих критиковать советских правителей за «несправедливую» иерархию «национально-государственных образований», а значит, неравенство советских «национальностей».

Дискриминационные практики периода перестройки на территории России известны лучше благодаря относительной свободе прессы того

времени. Однако эти сюжеты в основном связаны с насильственными столкновениями и суверенизацией автономий, определяются в категориях «этнических конфликтов» и с помощью аналогичных понятий и поэтому обсуждаться будут ниже, в других разделах.

Обратимся к современности. С начала 1990-х возникло несколько сюжетов, когда интерпретация каких-либо мер на общегосударственном и местном уровне как дискриминационных не вызывает принципиальных затруднений в силу их, сюжетов, относительной простоты и прозрачности.

В первую очередь следует назвать случаи организованной и достаточно массовой дискриминации против определенных этнических категорий людей. Подобные кампании властей разных уровней зачастую неплохо документированы, и их характер таков, что даже без специальных исследований можно собрать эмпирические данные, во-первых, подтверждающие избирательные по этническому признаку действия, во-вторых, позволяющие судить о субъектах этих действий, в-третьих, подтверждающие осозанный характер и определенную мотивацию последних. Имеющаяся доказательная база либо недвусмысленно указывает на все эти обстоятельства, либо позволяет исключить все другие объяснения. Такие случаи были достаточно подробно описаны в экспертных докладах, в основном правозащитными организациями, но их также комментировали пресса, исследователи и организации, говорящие от имени самих пострадавших групп.

***

По размаху и важности на первое место следует поставить антигрузинскую кампанию октября-ноября 2006 года.

В конце сентября 2006 года произошло резкое обострение отношений между Россией и Грузией. Российское правительство ввело против Грузии ряд экономических санкций, а в начале октября в большинстве регионов России начались репрессивные действия против граждан Грузии и лиц грузинского этнического происхождения. Правоохранительные органы — милиция, налоговая и миграционная службы — провели массовые проверки людей с грузинскими фамилиями. Проверки носили организованный характер, поскольку проводились по одним и тем же схемам в разных регионах страны⁸⁵.

⁸⁵ Альтернативный доклад НПО «О соблюдении Российской Федерацией Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации», ноябрь 2007 г. (с обновлениями и дополнениями марта 2008 г.) // Центр «Сова». 2008. 12 августа (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2008/08/d13900/>).

В качестве цели проверок живущих и находящихся в России граждан Грузии называлось соблюдение правил пребывания в РФ и законность трудовой деятельности. Но фактически проверки носили избирательный по этническому признаку характер и затронули граждан РФ грузинского происхождения, грузин — граждан третьих стран, лиц без гражданства, а также беженцев из Абхазии, прибывших в РФ в 1992–1993 годы.

Милиция и миграционная служба проверяли места, где могли предположительно находиться выходцы из Грузии: проверки проходили на улицах, в жилых помещениях, на предприятиях и в организациях. 7 октября в Москве милиция проверяла документы у прихожан православной церкви, где богослужение ведется на грузинском языке и которую в основном посещают грузины⁸⁶. В тот же день в Москве сотрудники ОМОН проверяли документы у людей, приходивших в консульство Грузии; четыре человека были задержаны.

В ряде городов — Москве, Калуге, Иваново, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге — милиция через школьные администрации пыталась собирать информацию об учениках с грузинскими фамилиями. Неофициально такие действия объяснялись необходимостью выявить родителей учеников, которые могут жить без регистрации. В Томске милиция собирала сведения о студентах высших учебных заведений грузинского происхождения. После критических газетных публикаций руководители ГУВД Москвы заявили, что подобные действия не были санкционированы сверху и предприняты по местной инициативе. Однако никто из лиц, начавших такие проверки, не был привлечен к ответственности.

Граждан Грузии, подвергнутых проверкам, как правило, задерживали и выдворяли из России под предлогом нарушения правил пребывания в РФ и отсутствия разрешений на трудовую деятельность. Задержания и выдворения проводились по упрощенной процедуре с множеством нарушений. В частности, при проверке и задержании сотрудники милиции нередко уничтожали документы, в том числе паспорта, визы и разрешения, подтверждавшие законность нахождения в РФ. Задержанию и депортации подвергались люди, у которых были в порядке визы и регистрация и которые имели разрешения на проживание и работу в России. Среди пострадавших были также граждане России.

Людей, задержанных на улицах, собирали большими группами, доставляли в суды, которые в течение нескольких минут без адвоката выносили решение о выдворении за пределы РФ. Часто задержанных

⁸⁶ Горланова Елена и др. Приглашение на казнь // Газета.ру. 2006. 9 октября (<http://www.gazeta.ru/politics/georgia/910146.shtml>).

не допускали в зал суда, оставляя их в коридоре или даже в автомобиле. Суды не вникали в обстоятельства рассматриваемых дел, не принимали во внимание ни наличие брака с гражданином России и детей, выросших в России и имеющих российское гражданство, ни отсутствие каких-либо нарушений со стороны подвергаемых депортации. Многих выдворяли немедленно, не давая им времени на обжалование решений о депортации.

По данным консульства Грузии в Москве, с конца сентября до конца 2006 года из РФ депортировано около 1,5 тыс. граждан Грузии. Половина из них была вывезена самолетами МЧС, остальные депортированы в Грузию через третьи страны. Только за ноябрь Россия депортировала 940 уроженцев Грузии⁸⁷. По данным специального комитета Парламента Грузии, к 15 января 2007 г. российские суды вынесли 4634 решения о выдворении или депортации граждан Грузии; из этого числа 2380 человек были депортированы, а остальные выезжали из России за свой счет⁸⁸.

Правозащитные организации из разных регионов свидетельствовали, что видели в органах внутренних дел спущенные из Москвы или составленные на региональном уровне распоряжения о проверках, направленных на грузин. В числе этих требований, кроме описанных выше, содержались проверки в учреждениях, вузах, школах и детских садах. В частности, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области антигрузинская кампания проводилась на основании секретного Приказа ГУВД № 0215 от 30 сентября 2006 г. ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области также разослало своим подразделениям требования, в соответствии с которыми они обязывались ежедневно докладывать в соответствии со специальной формой о числе граждан Грузии, совершивших различные правонарушения.

Кроме того, проверкам со стороны милиции и других служб (налоговой, санитарной, пожарной инспекций) были подвергнуты предприятия малого и среднего бизнеса, где работали этнические грузины. Проверялась также законность образования предприятий малого и среднего, а реже и крупного бизнеса, если владельцами были граждане Грузии или этнические грузины. Такие проверки нередко приводили к приостановлению деятельности или закрытию предприятий. В Москве после проверки был закрыт грузинский культурный центр.

⁸⁷ Описательный отчет по программе «Миграция и Право» за период 01/01/06 — 31/12/06 // ПЦ «Мемориал» ([http://www.refugee.memo.ru/_c325678f00668dc3.nsf/\\$ID/19914d7ccc27cd30c32572d7004a5c7f!OpenDocument&ExpandSection=3#_Section3](http://www.refugee.memo.ru/_c325678f00668dc3.nsf/$ID/19914d7ccc27cd30c32572d7004a5c7f!OpenDocument&ExpandSection=3#_Section3)).

⁸⁸ Singled Out. Russia's Detention and Expulsion of Georgians. Human Rights Watch Report. October 2007 // Human Rights Watch (http://hrw.org/reports/2007/russia1007/7.htm#_ftnref222).

ГУВД Свердловской области подготовило списки всех зарегистрированных в отделе лицензирования лиц грузинского этнического происхождения, имеющих на руках оружие; их вызывали в отделы милиции для проведения бесед и выяснения целей приобретения оружия⁸⁹.

Кампания достаточно широко освещалась в прессе и комментировалась экспертами; хотя встречались разного рода отклики, общее отношение было скорее осуждающим. Позднее, в 2008 году, после войны России против Грузии, ничего, подобного событиям 2006 года, в России уже не происходило, а отдельные инициативы на местах быстро пресекались сверху, что лишний раз подтверждает, что кампания 2006 года носила организованный характер, а не была эксцессом исполнителей. Из тех событий можно сделать простые и однозначные выводы: федеральные власти, в меру собственного понимания политической или какой-нибудь иной необходимости, готовы устроить гонения на какую-нибудь группу населения; вся государственная машина незамедлительно и с инициативой исполнит спущенные предписания; требования закона и международные обязательства будут проигнорированы, а судебная система станет просто исполнительницей идущих сверху приказов; ответственности за случившееся никто не понесет. Начавшаяся в ноябре 2011 года, после обострения отношений с Таджикистаном, кампания против таджикских трудовых мигрантов⁹⁰ показала, что это выводы не потеряли актуальности⁹¹.

***

Менее известна, чем антигрузинская кампания, но очень важна для понимания возникающих в России проблем политика в отношении тюрк-месхетинцев в Краснодарском крае. Давление на тюрк-месхетинцев было частью региональной миграционной политики, целью которой является сокращение числа людей, прибывающих в Краснодарский край. С 1989 года региональные власти приняли ряд нормативных актов, которые установили дополнительные ограничения и требования для получения регистрации и фактически сделали местную регистрацию разрешительной. Краевые власти не скрывали, что разрешительная регистрация и

⁸⁹ Орлова Ольга. Уральские силовики возьмутся за казино и рынки // ИА Новый регион. 2006. 6 октября (<http://www.nr2.ru/ekb/86093.html>).

⁹⁰ Ганнушкина С. Охота на таджиков // Грани.ру. 2011. 21 ноября (<http://grani.ru/blogs/free/entries/193268.html>); она же. «За нашего летчика ответишь!». 2011. 25 ноября (<http://hrcmemorial.livejournal.com/70279.html>).

⁹¹ Тупикин В. Массовка исполнителей // Грани.ру. 2011. 23 ноября (<http://grani.ru/opinion/m.193326.html>).

контроль за ней отнюдь не были этнически нейтральными, а федеральное правительство явно поддержало такую политику.

Численность турок-месхетинцев в этом регионе до начала их переселения в США (2004) оценивается от 15 до 19 тыс. человек. Большинство турок прибыло в Краснодарский край в 1989 году и позднее и не получило прописки. Постановление № 1476 Совета Министров СССР от 24 декабря 1987 г. об ограничении прописки в Крымской области Украины и Краснодарском крае применялось избирательно и почти исключительно по отношению к крымским татарам и туркам. Из почти 20 тыс. человек (в том числе турок), обратившихся в паспортно-визовую службу Крымского района Краснодарского края с января 1989 года по сентябрь 1994 года, получили прописку 11 тысяч. Из 8,5 тыс. турок обратившихся за пропиской в этот период, получили ее только 14 человек⁹². Иными словами, турки составили 92,5 % всех, кому было отказано в прописке в Крымском районе. Такая же ситуация имела место и в Абинском районе, где в 1989–1994 годах из всех, кого местная милиция считала «вынужденными переселенцами», отказали в прописке только туркам⁹³.

Отсутствие прописки (вскоре переименованной в регистрацию по месту жительства), означало и невозможность пользования почти всеми гражданскими, политическими и социальными правами; люди не могли иметь постоянную работу, получать медицинское обслуживание, пользоваться системой социального обеспечения и так далее. Общее число турок, не имевших прописки в крае и потому пораженных в правах, оценивалось к 2000 году в 11–13 тыс. человек. Они не были также признаны российскими гражданами вопреки Закону о гражданстве 1991 года: власти всех уровней считали и продолжают считать (несмотря на то что такая позиция не имеет правовых оснований), что «постоянное проживание», которое, по смыслу закона, служило основанием для признания российского гражданства, — это наличие прописки. Непризнание гражданства на основании произвольной трактовки закона о гражданстве 1991 года позднее перетекло в непризнание гражданства уже на основании закона о гражданстве 2002 года.

Власти Краснодарского края начиная с 1992 года выделяли турок-месхетинцев в особую категорию по этническому критерию и устанавливали для них особый режим регистрации. 12 февраля 1992 г. Малый Совет (президиум регионального законодательного собрания) Краснодарского края издал

⁹² Осипов А.Г., Черепова О.И. Нарушение прав вынужденных мигрантов и этническая дискриминация в Краснодарском крае. Положение месхетинских турок. М.: Мемориал, 1996. С. 23–25.

⁹³ Там же. С. 25.

Решение № 97 «О мерах по снижению напряженности в межнациональных отношениях в Крымском и некоторых других районах края»⁹⁴. Этот документ содержал рекомендации местным властям выдавать справки о фактическом проживании турок-месхетинцев без прописки, разрешить им временное трудоустройство и временную регистрацию транспортных средств.

24 апреля 1996 г. Законодательное собрание Краснодарского края приняло Постановление № 291-П, в соответствии с которым взрослые турки, не имеющие прописки, были обязаны каждые три месяца проходить особую процедуру регистрации. Постановление № 291-П формально оставалась в силе до февраля 2002 года, но в 2000–2002 годы последовательно действовало еще несколько аналогичных решений о временной регистрации турок-месхетинцев на срок в несколько месяцев.

В феврале 2002 года Законодательное Собрание края приняло Постановление «О дополнительных мерах по снижению напряженности в межнациональных отношениях в районах компактного расселения турок-месхетинцев, временно проживающих на территории Краснодарского края» № 1363-П, подтвердившее особый статус турок в регионе. Основной идеей этого документа также было указание на то, что турки остаются объектом особой политики. Вводился полный запрет на регистрацию по месту жительства «лиц без гражданства», предусматривались более интенсивные проверки паспортов и регистрации и предъявлялись требования более жесткого административного контроля за землепользованием в местах «компактного проживания этнических групп».

Во всех этих документах было открыто заявлено, что на турок-месхетинцев должен распространяться особый режим и что тем самым они должны быть исключены из сферы действия «обычных» правил. Так, например, в 1990-е годы местные комиссии, которые имели право разрешать или не разрешать регистрацию приезжих, часто отказывали в регистрации туркам, ссылаясь на Решение № 97⁹⁵.

Более того, в отношении турок вплоть до середины 2000-х проводилась то обострявшаяся, то временно затухавшая официальная кампания, имевшая своей целью «выдавить» их из региона⁹⁶. Под предлогом отсутствия местной регистрации периодически проходили увольнения турок, работавших по временным трудовым договорам, иногда вводились по сути запреты на торговлю продуктами с приусадебных участков и на аренду земли. Особо унижительны

⁹⁴ Официально не публиковался, впервые опубликован в: Осипов А.Г. Российский опыт этнической дискриминации. М.: Звенья, 1999. С. 149–150.

⁹⁵ Образцы таких резолюций см.: Осипов А.Г. Российский опыт. С. 159–163.

⁹⁶ Осипов А.Г., Черепова О.И. Указ. соч.; Осипов А.Г. Российский опыт.

были проверки «паспортного режима», проводившиеся милицией и полувоенными группами, именуемыми себя «казаками». При этом официальные должностные лица и местного, и регионального, и федерального уровня регулярно признавали, что такими мерами стремятся стимулировать отъезд турок как нежелательной группы из края и из России вообще.

Проблема турок в Краснодарском крае (в том виде, в каком она существовала) оказалась в основном преодоленной к 2006 году. К этому времени большинство турок края эмигрировало в США благодаря тому, что американские власти распространили на них программу переселения и приема беженцев⁹⁷. Большинство оставшихся уже получило российское гражданство и имело регистрацию в крае; постепенно были отменены ограничения в отношении остальных, и их в основном также зарегистрировали по месту жительства. Правда, возникла проблема тех, кому на завершающей стадии программы переселения по разным причинам было отказано во въезде в США.

Чем интересна ситуация с месхетинцами (хотя «интересна» здесь не самое правильное слово)? На что следует обратить внимание?

Во-первых, реакция властей всех уровней была синхронной и обосновывалась одними и теми же аргументами в одних и тех же выражениях. Среди этой аргументации на первом месте оказывалась необходимость строгого соблюдения правил и инструкций, относящихся к паспортной системе и системе регистрации. При этом требования соблюдения международных норм, Конституции и закона признавались только в той мере, в какой это не противоречило инструкциям. Второе место занимает утверждение права государства проводить «национальную политику» и определять, где какая этническая группа может жить, а какая не может. Необходимость же по сути дискриминации обосновывалась задачей «сохранения демографического баланса» и предотвращения конфликтов на базе «культурной несовместимости». Далее находится место защите прав и интересов местных жителей, что понимается как право получать блага от государства, каковому праву угрожают приезжие. Далее — по нисходящей, вплоть до борьбы с происками иностранных разведок, агентурой которых выступают «диаспоры». Подобные представления, как показывает опыт

⁹⁷ Swerdlow S. Understanding Post-Soviet Ethnic Discrimination and the Effective Use of U.S. Refugee Resettlement: The Case of the Meskhetian Turks of Krasnodar Krai // California Law Review. Vol. 94. 2006. No. 6. P. 1827–1878; Кузнецов И. Российская Федерация: конструирование идентичности и социальные сети // Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция. СПб.: Алетейя. 2007. С. 147–177.

последних двух десятилетий, вполне органично вписываются в мышление и картину мира сначала советских, потом и постсоветских чиновников.

Во-вторых, государство обладает возможностями и ресурсами для проведения в жизнь целенаправленной дискриминационной политики; особо удобным инструментом оказывается паспортная система, в том числе процедуры регистрации по месту жительства и пребывания. При этом не следует преувеличивать отлаженность и эффективность этой машины. На первый взгляд, случай с турками в Краснодарском крае демонстрирует наличие у региональных (и поддерживающих их федеральных) властей определенной цели, способности эту цель сформулировать, в том числе в виде приказов и нормативных актов, и довести ее до исполнителей (включая местные власти и суды) и умения так или иначе добиться ее выполнения. При более тщательном рассмотрении возникает необходимость в уточнениях. Власти излагали цели и задачи более откровенно, чем в других ситуациях, но, тем не менее, основные официальные акты, посвященные туркам, носили рекомендательный характер, а некоторые (как последнее касавшееся их Постановление Законодательного Собрания края № 1363-П) вообще не содержали четких предписаний в отношении этой группы. Проведение в жизнь стратегии «выдавливания» проводилось в разных местах с разной степенью решительности и последовательности, многие репрессивные меры применялись выборочно и только ограниченное время. Наконец, результаты репрессивного давления вызывают вопросы: как обнаружилось при рассмотрении заявлений на получение статуса беженца в США, без признанного российского гражданства оставалось меньшинство турок, живших в крае; многие сумели получить в крае прописку и смогли найти себе средства к существованию. Таким образом, запреты и ограничения не носили непреодолимого характера, и на них накладывались другие факторы и обстоятельства.

Короче говоря, далеко не все заявления и пожелания дискриминационной направленности, выказанные начальством, проводятся в жизнь, и далеко не все проблемы в жизни группы, на которую нацелена дискриминационная политика, вызваны этой политикой и могут быть ею объяснены. На деле, переплетаются разные факторы и обстоятельства: стратегия высшего руководства, преломляющая ее инициатива на местах, корыстные мотивации местных чиновников и просто окружающего населения, желающих воспользоваться уязвимым положением меньшинства, общая враждебность бюрократической машины к «приезжим» независимо от их происхождения, общее социальное неблагополучие исключаемой группы или, наоборот, умение выстраивать обходные стратегии, позволяющие адаптироваться к неблагоприятным обстоятельствам.

В-третьих, краснодарский случай все-таки остается исключением. Он показывает возможности и логику деятельности государственных структур, но не позволяет утверждать, что такой опыт может легко тиражироваться. Гонения по этническому признаку связаны с определенными рисками и издержками для властей, и других подобных по характеру и продолжительности ситуаций новейшая российская история не знает.

Случай, аналогичный краснодарскому, произошел с месхетинскими турками, правда, в существенно меньшем масштабе и не в столько фееричных формах, только в Ставропольском крае. Начиная с 1989 года туда приезжали месхетинские турки, которые были вынуждены покинуть Узбекистан. Местные власти отказывались давать им прописку, но в конце 1989 — в 1990 году запрет был основным снят. Однако в Советском и Буденновском районах соответственно 19 и 50 турецких семей оставались без прописки до 1996—1997 годов. Эти люди оказались пораженными в правах так же, как и месхетинцы в Краснодарском крае. Правда, местная администрация не принуждала турок к выселению, хотя многих из них регулярно штрафовала милиция за проживание без прописки. Неформальным лидерам месхетинцев потребовалось почти полтора года хождений по инстанциям, чтобы добиться положительного результата. Официальные ответы на их обращения ясно показывают, что позиция местных и краевых властей были продиктована отношением к туркам именно как к нежелательной этнической категории⁹⁸.

За этим исключением, случай с турками нельзя экстраполировать на другие регионы и на другие меньшинства в Краснодарском крае. Как, например, интерпретировать данные о крупнейшей в крае локальной группе курдов в станице Платнировской, полученные в ходе работы юриста Правозащитного центра «Мемориал»? Курды начали приезжать в Платнировскую в 1988 году из разных тогда еще союзных республик СССР. В это же время в крае начались ограничения в предоставлении прописки приезжим из других регионов. Кроме того, даже в официальных документах начиная с 1990 года появлялись упоминания о нежелательности тех или иных групп, и курды были в этом списке⁹⁹.

В начале работы юриста, в 2005 году, в станице жили примерно 600 курдов, из них 255 не имели местной прописки, а многие также не были признаны российскими гражданами¹⁰⁰. В частности, не были признаны

⁹⁸ По полевым материалам автора, собранным в 1996—1997 года в Ставропольском крае.

⁹⁹ Осипов А.Г. Российский опыт этнической дискриминации. С. 144—147.

¹⁰⁰ Осипов А., Еременко В. Проблемы курдов в станице Платнировской Кореновского района Краснодарского края // Положение граждан бывшего СССР в Краснодарском крае. Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. С. 62—63.

гражданами многие из тех, кто прибыл в страну до 6 февраля 1992 г., то есть даты вступления в силу закона о гражданстве 1991 года. Однако возникает вопрос, почему ограничения действовали столь избирательно и почему большая часть курдов, вопреки ограничениям, сумела легализоваться. Основные объяснения сводятся к тому, что бюрократическая система создает затруднения, которые могут быть преодолены, если к тому прилагаются определенные усилия. К лету 2009 года, по данным, собранным адвокатом В. Еременко и его местными помощниками, общее число курдов в станице выросло до более чем 950, а число не имеющих там постоянной регистрации сократилось до 25¹⁰¹. Таким образом, запреты не носят непреодолимого характера, и можно, по меньшей мере, ставить вопрос не о единой дискриминационной стратегии государства, а о действиях разных факторов и разных агентов с разной мотивацией.

Во многом аналогичная картина складывается при знакомстве с положением езидов. По данным переписи населения 2002 года, в Краснодарском крае жили 4,4 тыс. езидов¹⁰². Большинство прибыло в край в 1988 году и после из Армении, и их большая часть (не менее 80 %) имеет российское гражданство и регистрацию в крае. Однако в регионе существуют своеобразные зоны бедствия — локальные общины, где большинство езидов не имеет признанного легального статуса (хотя многие с точки зрения закона о гражданстве 1991 года являются гражданами РФ). Самой крупной является община в станице Неберджаевской Крымского района: более половины живущих там езидов не имеет легального статуса¹⁰³.

Следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Подход к езидам был вроде бы таким же, как и к месхетинским туркам, но если в отношении турок имеется много свидетельств того, что они обращались к властям за пропиской (и даже есть статистика таких обращений), то в связи с езидами ничего подобного не обнаруживается. По данным отдела внутренних дел Крымска и Крымского района, с января 1989 по октябрь 1994 года за пропиской обратились 18023 гражданина (из них 9327 получили прописку), в том числе 8458 турок (только девять из них получили положительный ответ) и 132 езиды (все 132 получили

¹⁰¹ Там же. С. 63.

¹⁰² Всероссийская перепись населения 2002 г. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (http://www.perepis2002.ru/ct/doc/ТОМ_04_03.xls).

¹⁰³ Дубровина М., Денисова А., Костенко Э. Правовое положение езидов в Краснодарском крае // Положение граждан бывшего СССР в Краснодарском крае. Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. С. 27—59.

положительный ответ)¹⁰⁴. В настоящее время при попытках доказать в суде факт постоянного проживания и затем на этом основании добиться признания гражданства оказывается, что почти у всех езидов-заявителей отсутствуют документы, подтверждающие и их проживание, и контакты с окружающими институтами (учреждениями здравоохранения, образования, социального обеспечения и прочими)¹⁰⁵. Можно предположить, что большинство в данном поселении выбрало стратегию пассивного ожидания и избегания контактов с государством.

Одной из ключевых проблем стала позиция властей Армении: с точки зрения армянского законодательства, езиды являются гражданами Республики Армения, и потому им не могут быть выданы необходимые справки об отсутствии армянского гражданства (что необходимо для оформления РВП для лиц без гражданства с советскими паспортами). Вместе с тем езиды, как правило, не могут приехать в Армению для получения армянского паспорта (который необходим для получения РВП на иностранного гражданина)¹⁰⁶.

Вообще, все препятствия, с которыми сталкиваются езиды на пути легализации, не являются этнически специфическими и направленными только против меньшинств. В частности, таковым не является и стремление судебных властей отказывать под разными предлогами в установлении факта постоянного проживания или выносить отказные решения¹⁰⁷. Такая практика распространена по стране в целом.

***

Далее в список основных казусов, связанных с дискриминацией, следует внести локальные антицыганские кампании. Начиная с 2006 года по стране прокатилась волна сносов цыганских поселков¹⁰⁸. Подобное произошло в Калининградской области, в Иванове, в Тюмени, Чебоксарах, Тульской области, Екатеринбурге, Чудове Новгородской области. Были уничтожены дома, в которых люди десятилетиями жили с согласия или даже по приказу властей; многие имели в этих домах регистрацию по месту жительства.

¹⁰⁴ Осипов А.Г., Черепова О.И. Указ. соч. С. 23–24.

¹⁰⁵ Дубровина М., Денисова А., Костенко Э. Указ. соч.

¹⁰⁶ Там же. С. 49–50.

¹⁰⁷ Гайдаш В., Гладковская Е., Омаров Р. Положение граждан бывшего СССР на территории Краснодарского края // Положение граждан бывшего СССР в Краснодарском крае. Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. С. 9–26.

¹⁰⁸ Право цыган на жилье и проблема насильственных выселений в России (совместный отчет АДЦ «Мемориал» и FIDH) // АДЦ «Мемориал». 2008 (<http://memorial.spb.ru/www/750.html>).

Выселения проводились демонстративно, а жильцов целыми семьями с малолетними детьми в буквальном смысле выбрасывали на улицу¹⁰⁹. Снос цыганских поселков обычно сопровождается антицыганской кампанией в прессе и соответствующими заявлениями местных чиновников.

В основе каждого подобного события лежит заинтересованность местных властей и строительных фирм в том, чтобы освободить для застройки нужные им участки земли. Местные власти в интересах крупных застройщиков при массовой правовой неурегулированности прав собственности на недвижимость могут фактически отнимать у населения жилье и приусадебные участки. В первую очередь под ударом оказываются самые уязвимые и лишенные общественной поддержки группы — цыгане. Как показывает случай в Калининградской области, даже оформленное право собственности на участки не является препятствием для выселения. При этом дома русских жителей, находящихся в аналогичном положении (как два нецыганских дома в поселке Дорожный Калининградской области), остаются нетронутыми.

Наиболее серьезный инцидент имел место под Калининградом, в поселке Дорожный. Этот цыганский поселок, находившийся в Гурьевском районе Калининградской области, был окончательно снесен в мае-июне 2006 года. Без жилья осталось около 40 семей; дома были разрушены несмотря на то, что судебные решения о сносе обжаловались и что была подана срочная жалоба в Европейский суд по правам человека¹¹⁰. После выселения власти начали под разными предлогами аннулировать регистрацию выселенных людей по месту жительства. Без регистрации люди оказались лишенными практически всех прав; поскольку многие не имели заграничных паспортов или остались без средств к существованию, они не могли выехать из анклавной Калининградской области.

Мэрия Архангельска добилась выселения цыганского поселка и выезда из города цыганского табора, который переселился туда из Волгограда в 2004 году. Цыгане на законных основаниях оформили аренду земли на окраине города и начали ее заселение. Но в октябре 2004 года мэрия Архангельска вынесла распоряжение об отмене разрешения на выделение участка земли под жилищное строительство и попыталась лишить цыган регистрации по месту жительства. Это решение было оспорено в суде, но неудачно. Мэрия при поддержке местных СМИ развязала антицыганскую кампанию; при этом прокуратура Архангельской области фактически устранилась от защиты цыган. Под давлением городской администрации

¹⁰⁹ Альтернативный доклад...

¹¹⁰ Багдонавичус и др. против России. Дело №19841/06. Подробности см.: <http://www.soros.org/initiatives/justice/litigation/bagdonavichus>.

(людям угрожали сносом домов и депортацией) в июле 2006 года группа цыган была вынуждена бросить жилье и выехать из города. Обещанная мэрией компенсация за переселение не была выплачена; людям только оплатили железнодорожные билеты до Москвы¹¹¹.

***

Еще один сюжет, который, похоже, уходит в прошлое, а точнее, переживает смену действующих лиц — давление на чеченцев и вообще выходцев с Северного Кавказа. Долгое время чеченцы в России за пределами Чечни подвергались притеснениям и ограничениям в различных формах. Власти РФ демонстрировали намерение «вытеснить» чеченцев в Чечню, а местные администрации и милиция разными способами препятствовали поселению чеченцев на подведомственной им территории¹¹².

Владельцы жилья зачастую не соглашались (и не соглашались) предоставить чеченцам даже временную регистрацию, а предпочитают либо отказать неудобным жильцам, либо разрешить им проживать, но без регистрации. Даже если собственники жилья готовы предоставить чеченцам регистрацию, им надо было прилагать очень большие усилия, чтобы ее добиться. Часто сотрудники милиции угрожали хозяевам помещений неприятностями.

В Москве регистрация чеченцев, если она проводилась, обставлялась требованиями получать разрешение на регистрацию у начальника отделения милиции, пройти специальную проверку на причастность к уголовным делам, принудительное дактилоскопирование, фотографирование анфас и в профиль. Иногда требовалось предварительное согласование с ФСБ и военно-учетным столом. Фактически на всех чеченцев, если регистрация все же делалась, заводилось досье как на лиц в оперативной разработке. Подобная практика существовала и в ряде других регионов. В Казани чеченцев несколько лет подряд заставляли перерегистрироваться и писать объяснительные записки, почему они проживают в Татарстане¹¹³.

Сотрудники милиции нередко посещали квартиры или дома, где жили чеченцы, и проверяли наличие жильцов. Случались и отказы чеченцам в трудоустройстве или незаконные увольнения. Нередко инициа-

тива исходила не от работодателей; на последних регулярно оказывалось давление со стороны органов внутренних дел и спецслужб — им «не советовали» или прямо запрещали принимать чеченцев на работу. В ноябре 2005 года в Москве из таксомоторного парка № 20 были одновременно уволены 16 водителей-чеченцев, которым руководство прямо заявило, что это требование ФСБ. В дальнейшем представители ФСБ отрицали свою причастность к этому увольнению, при этом никто из чеченцев, включая постоянных жителей Москвы, на работе восстановлен не был. Несколько чеченских женщин, подопечных Комитета «Гражданское содействие», увольняли последовательно из швейной мастерской, магазина и офиса, где они, не сумев найти работу по своей квалификации, просто убрали помещение¹¹⁴.

Правда, после укрепления в конце 2000-х режима Кадырова в Чечне и после демонстраций готовности защищать чеченцев за пределами республики, о давлении на чеченцев уже не слышно. Отчасти проблема трансформируется — со многими из подобных проблем сталкиваются выходцы из других республик Северного Кавказа.

***

Еще одна ситуация, относительно прозрачная, но более сложная, чем описанные выше, и при этом известная, пожалуй, только правозащитникам — это этническая избирательность, проявляющаяся при применении законодательства о вынужденных переселенцах. Впрочем, вместе с утратой этим законодательством практического значения проблема уходит в прошлое. В п. 1 ст. 1 Закона РФ «О вынужденных переселенцах» 1993 года использована двусмысленная формулировка, которая может быть истолкована таким образом, что статус предоставляется людям, ставшим или могущим стать объектом целенаправленных преследований, а не «просто» спасающимся от массовых беспорядков или боевых действий. Критерий целенаправленных преследований означает, что для разных этнических групп устанавливается разный порог приемлемости ходатайств. Подобный механизм можно описывать как косвенную дискриминацию.

В дополнение к этому сотрудники миграционных служб получают большую степень свободы в принятии решения о принятии ходатайства к рассмотрению и о предоставлении статуса. Наконец, можно утверждать, что решения о том, как толковать положения закона о вынужденных

¹¹¹ Альтернативный доклад...

¹¹² О положении жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию. М.: ПЦ «Мемориал», Программа «Миграция и право», 2002.

¹¹³ Альтернативный доклад....

¹¹⁴ О положении жителей Чечни в Российской Федерации. Октябрь 2007 г. — апрель 2009 г. М.: ПЦ «Мемориал», Программа «Миграция и право», 2009.

переселенцах, принимались на федеральном уровне. В частности, в декабре 1994 — январе 1995 года действовал прямой запрет руководителя Федеральной миграционной службы Т.М. Регент регистрировать чеченцев как вынужденных переселенцев¹¹⁵.

Во время первой чеченской войны после некоторых колебаний Федеральная миграционная служба стала принимать ходатайства от людей, бежавших из Чечни, независимо от их национальности и предоставлять статус вынужденного переселенца. Закон, таким образом, толковался широко, и угроза для жизни, связанная «просто» с боевыми действиями, воспринималась как достаточное основание для предоставления статуса. После войны и после нее нечеченцы (в особенности русские) также продолжали получать статус вынужденного переселенца, то есть факт их преследования в Чечне принимался по умолчанию как данность. От чеченцев, бежавших из Чечни из-за чисто уголовных или политических преследований, в миграционных службах (в том числе СК) требовали представить доказательства факта преследований.

Небольшая часть бежавших из Чечни после возобновления там боевых действий в 1999 году получила статус вынужденных переселенцев, но среди них почти нет чеченцев и вообще национальных меньшинств.

Так, на 1 января 2000 г. из 3285 человек, получивших статус вынужденного переселенца только в Ставропольском крае в 1999 году, было 2520 русских, 19 чеченцев и 48 турок-месхетинцев¹¹⁶, хотя общая численность чеченцев, бежавших в край после сентября 1999 года, составляла, по оценкам, несколько сотен человек, а турок — не менее тысячи человек. За первое полугодие 2000 года статус получили 1547 человек, из них 1236 русских, 16 чеченцев и 21 турок¹¹⁷. В целом же к концу 2003 года на Ставрополье из 18633 официально признанных вынужденных переселенцев 14272 были выходцами из Чечни, среди них насчитывалось 173 чеченца и 233 турка¹¹⁸. В отсутствие точной информации о числе и составе обратившихся в миграционную службу можно

¹¹⁵ Ганнушкина С. Правовое пространство беженцев // Правовые аспекты чеченского кризиса. М.: Мемориал, 1995. С. 134.

¹¹⁶ Сведения о социально-демографическом составе вынужденных переселенцев по состоянию на 1.01.2000 г. Приложение к отчету Миграционной Службы СК за 1999 г. Ставрополь, 2000. Копия автора.

¹¹⁷ Сведения о социально-демографическом составе вынужденных переселенцев по состоянию на 1.07.2000 г. Приложение к отчету Миграционной Службы СК за первое полугодие 2000 г. Ставрополь, 2000. Копия автора.

¹¹⁸ Приложение IV к письму руководителя Управления по делам миграции ГУВД СК Ю.М. Костюкова № 47/6/6437 от 12.11.03 на имя депутата Государственной Думы ФС РФ В.В. Игрунова.

предполагать, что имело место сочетание нескольких факторов: действие порога, создаваемого необходимостью доказывать факт целенаправленных преследований, общая неинформированность, недоверие к властям, прямая дискриминация, вызванная свободой усмотрения сотрудников миграционной службы и установками федерального руководства. Представитель федерального ведомства, отвечавшего за миграцию, в официальном письме фактически признал селекцию мигрантов по этническому признаку¹¹⁹.

Ранее дискриминации подвергались ингуши в Северной Осетии. Начать следует с того, что после столкновений октября-ноября 1992 года, по разным оценкам, от 30 до 60 тыс. ингушей были вынуждены покинуть Северную Осетию и в большинстве своем осесть в Ингушетии¹²⁰. Республиканские и местные власти в Северной Осетии долгое время не имели возможности (а, по-видимому, и желания) обеспечивать безопасность и права ингушей. Ингуши подвергались задержаниям и даже нападениям при попытках перемещаться в республике и дискриминации, в том числе при трудоустройстве и получении медицинской помощи. Однако в середине 2000-х годов в процессе урегулирования были достигнуты серьезные успехи: большинство бежавших вернулось на территорию Пригородного района, число угроз и нападений серьезно уменьшилось, и началась реальная выплата компенсаций за утраченные дома и имущество.

***

Известны и другие казусы, которые еще более ограничены по масштабам и обычно являются продуктом творчества региональных и местных властей. Интерес к ним проявляется редко и почти исключительно отдельными публицистами или правозащитниками.

Ст. 14 Закона Калмыцкой ССР — Хальмг Тангч «О гражданстве Республики Калмыкия» № 289 — IX от 14 февраля 1992 года, действовавшая до 1995 года, предусматривала, что «гражданами Республики Калмыкия признаются постоянно проживающие на день вступления в силу настоящего Закона лица калмыцкой и русской национальностей, а также представители других народов, не имеющих национально-государственные образования в составе

¹¹⁹ Письмо заместителя министра по делам федерации, национальной и миграционной политики А.П. Благовидова № 09/1-3317 от 04.12.2001 на имя депутата Государственной Думы РФ В.В. Игрунова.

¹²⁰ ПЦ «Мемориал». Осетино-ингушский конфликт 1992 г.: истоки и развитие (по май 2005 года) // Кавказский узел. 2005 (<http://kavkaz-uzel.ru/analyticstext/analytic/id/860361.html>); Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992—...), его предыстория и факторы развития. М.: РОССПЭН, 1998.

Российской Федерации». При этом «приобретение гражданства Республики Калмыкия гражданами республик, входящих в состав Российской Федерации, может разрешаться на основании соглашений Республики Калмыкия с соответствующими республиками», а лица калмыцкой национальности, проживающие за пределами республики, признавались гражданами без дополнительных условий. На практике же республиканское гражданство не стало реально работающим институтом и права конкретных людей затронуть не успело.

Региональный нормативный акт, определявший миграционную политику в Ставропольском крае с октября 1994 года по июль 1997 года — Временное положение о пребывании и определении на постоянное место жительства — содержал норму, которую следует рассматривать как прямую дискриминацию по этническому признаку. Положение выделяло ряд льготных категорий граждан РФ, на которые не распространялись ограничения по нормам жилой площади и квоты на прописку. Согласно параграфу «ж» п. 23, в этот перечень входили «лица, подвергшиеся политическим репрессиям на территории бывшего СССР и реабилитированные, и члены их семей», при этом они могли быть прописаны только на жилую площадь родственников, живущих в СК. Однако эта льгота не распространялась на лиц, репрессированных по «национально-территориальному признаку», по каковому реабилитировались (и, соответственно, репрессировались) граждане вполне определенной этнической принадлежности. Льготные группы, освобожденные от незаконных ограничений, как бы вводились обратно в правовое поле, но не все, а за некоторым изъятием по этническому признаку. Можно подозревать, что параграф «ж» был принят с целью помешать поселению в крае карачаевцев, немцев, чеченцев и греков, то есть тех, у кого в крае могло быть много родственников, кто был депортирован из Ставропольского края либо чей приток намечался в 1970–1980-е годы. Неясно, как много людей затронула эта норма, пока она не была отменена вместе с самим Временным положением, но вряд ли речь может идти более чем о нескольких десятках человек.

Постановлением Правительства Республики Башкортостан № 382 от 28 декабря 2007 г. была утверждена Государственная программа «Башкиры Российской Федерации» на 2008–2017 годы; программа открыто предусматривает, что некоторые блага предоставляются только этнических башкирам, например, в получении правовой поддержки в оформлении и покупке земельных паев (пп. 2.1.8 и 2.1.10).

Периодически становятся также известны документы и официальные заявления, подтверждающие действия правоохранительных органов против определенных этнических групп, например, массовые проверки цыган на причастность к криминальной деятельности в рамках операций «Табор».

Иногда милиция на местном уровне проводила и проводит по сути принудительное дактилоскопирование чеченцев или цыган.

Собственно, на этом список явных проявлений организованной дискриминации по этнической принадлежности можно закрывать. Все перечисленные инциденты замечаются благодаря относительно простому и исключающему множественные толкования характеру происходящего и наличию эмпирической базы в виде нормативных актов, официальных заявлений и свидетелей. Проблема в том, что каждый из этих сюжетов, например, преследования турок-месхетинцев в Краснодарском крае или грузин в целом по России в 2006 году, хотя, возможно, и отражает особенности функционирования некоторых механизмов административного контроля и управления, в своем роде уникален. Кроме того, эти случаи ограничены во времени и пространстве и не определяют общее положение тех групп, которые были затронуты, или общую ситуацию в области контроля над миграцией или меньшинствами.

***

Если наблюдатель, не применяющий сложной методологии социальных исследований, пытается выйти за рамки простых и прозрачных ситуаций, он сталкивается с тем, что те отношения, в которых можно предполагать дискриминацию в смысле избирательного обращения, во-первых, открыты для интерпретаций, а во-вторых, не только не изучены, но и вызывают ограниченный интерес и специалистов, и вообще публики, так что обсуждать оказывается, по существу, нечего и не с кем. В лучшем случае в обзорные доклады и аналитические тексты вставляются априорные суждения о существовании дискриминации либо при использовании термина «дискриминация» разговор, по сути, ведется о положении «проблемных» групп, например, иностранных граждан или определенных этнических меньшинств (чаще всего цыган)¹²¹. В худшем — просто циркулируют клише, иногда становящиеся обыденным знанием, тем, что «общеизвестно».

Существует несколько широко обсуждающихся тем, с которыми связаны вполне реальные и даже официально признанные проблемы и которые уже прочно ассоциируются с дискриминацией. Речь идет об избирательности в деятельности милиции и о миграционной политике, особенно о положении трудовых мигрантов. Однако дискриминационная составляющая в этих сюжетах не до конца понятна и допускает разные оценки, что вызывается

¹²¹ См., например: Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М.: Фонд «За гражданское общество», 2006.

двумя причинами: слабой изученностью (что, в свою очередь, вытекает из того, что интерес публики и исследователей к этим вопросам относительно слаб) и ограниченной ценностью самой концепции дискриминации. Вместо попыток серьезного анализа, осмысленных дискуссий и внятных аргументированных реакций в основном приходится сталкиваться с набором суждений, основанных на предположении или обыденном знании.

С начала 1990-х годов, после реального введения сначала региональными правилами, а потом федеральным законодательством института временной регистрации (или регистрации по месту пребывания), милиция регулярно проверяет документы у людей на улицах, в общественных местах, в жилых помещениях, выискивая незарегистрированных; часто проводились и проводятся массированные проверки «паспортного режима». После того, как в 2004 году были облегчены условия регистрации по месту пребывания для российских граждан¹²², размах проверок сократился, но они не исчезли совсем и регулярно происходят на вокзалах, автостанциях, рынках и на постах милиции при въезде в крупные города и около административных границ субъектов Федерации. После введения в начале 2000-х годов новых правил пребывания иностранных граждан фокус проверок переместился на иностранцев.

Дискриминационное поведение сотрудников милиции при проверках «паспортного режима» давно и широко признается в целом по стране и за ее пределами как общераспространенная и рутинная практика. Иногда российские авторы коротко, но не вполне корректно называют ее, следуя западным аналитическим публикациям, этническим профилированием. «Профилирование» выражается в первую очередь в выборочном характере проверок — им подвергаются люди на улицах, которые по внешним признакам могут быть отнесены к «приезжим» и к этническим меньшинствам. Убежденность в том, что милиция при проверках документов предвзято относится к тем, кто по внешности не похож на русских, регулярно высказывают средства массовой информации, активисты гражданских организаций, исследователи и даже официальные лица. Простые граждане «кавказского» или «среднеазиатского» происхождения, получающие возможность изложить свое мнение не враждебной к ним аудитории, тоже охотно делятся подобным личным опытом или опытом своего окружения. Более того, можно говорить, что представление, что «милиция трясет кавказцев и среднеазиатов», стало фоновым сюжетом в массовой культуре и вообще фоном обыденного знания об отношениях милиции и населения. Собственно, любой желающий

¹²² С конца 2004 года фактически допускается проживание без регистрации сроком до трех месяцев.

может получить наглядную иллюстрацию, постояв около выхода из метро или в другом людном месте и понаблюдав за работой милицеских (ныне полицейских) постовых.

В чем проблема? Проблем три — и все они взаимосвязаны.

Во-первых, проверки так или иначе носят избирательный характер, но селекция людей проводится по внешним признакам, и мы как внешние наблюдатели, не можем знать наверняка, по каким именно. Здесь проходит невидимая и, как правило, не замечаемая граница между разными интерпретациями. Мы как наблюдатели можем исходить из допущения, что проверяющие действуют исходя из этнических стереотипов и увязывая этническую принадлежность с типом внешности. При этом важно, чтобы мы не забывали о том, что это есть наше допущение, которое нуждается в проверке, и не единственное возможное допущение. Напротив, мы можем по умолчанию соглашаться с тем, что определенным национальностям соответствует определенный «расовый» или антропологический тип, — и тем самым воспроизводить обыденные стереотипы. К сожалению, разница между двумя подходами обычно не замечается и не оговаривается.

Во-вторых, слабую помощь в понимании причин явления оказывает понятие «дискриминация». В принципе, достаточно сложно судить о причинах и мотивах проверок, а они могут быть совершенно различны. Это могут быть приказ и инструкция вышестоящего руководства; стремление распознать по внешним признакам одежды, поведения и черт лица приезжего, у которого с большей долей вероятности могут быть не в порядке документы; этническая ксенофобия или стереотипы в отношении тех или иных групп; некорректно данная ориентировка на лиц, находящихся в розыске, и т.д. Исследование практик работы милиции, проведенное качественными методами — включенным наблюдением в рамках проекта Санкт-Петербургских и Казанских социологов¹²³, — показало определенное расхождение между тем, как патрульные и участковые распознают «проблемные» для себя категории, за счет кого можно пожить деньгами или улучшить отчетность (разные группы маргиналов, не только мигрантов из этнических меньшинств), и как они задним числом рационализируют свое поведение в этнических терминах.

Изначально называть избирательность «этнической» значит давать априорный ответ и изначально приписывать поведению людей определенные цели и смыслы. Если определять дискриминацию по последствиям, по тому, что проверками затронуты преимущественно лица, которых можно относить к этническим меньшинствам, то это будет означать, что за реальность выдается картинка, существующая только в голове внешнего наблюдателя.

¹²³ Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия. СПб.: Алетейя, 2011.

Такая объяснительная схема, возможно, хороша для изъяснения гражданских чувств, но она плохо помогает пониманию реальных процессов и мотивов поведения людей, а также подводит публику к тому, чтобы рассматривать социальную проблему в качестве отношений субординации и контроля между этническими категориями как таковыми.

В-третьих, приходится отметить крайнюю невнятность общественных реакций на проблему проверок. Милицейские задержания, тем более избирательные, чем бы они ни были мотивированы, возмутительны, но большинством пишущих, в том числе исследователей, они воспринимаются как привычная и неизбежная рутина. Немногие протестующие и критикующие нередко путают причину и следствие: обращают внимание на избирательность проверок (называя ее этнической) и реже подвергают сомнению необходимость самой паспортной системы и самого права сотрудников милиции произвольно останавливать людей.

Перейдем к вопросу о дискриминации в миграционной политике. Миграция и этничность в официальных выступлениях, в литературе и в прессе соединяются контекстуально: миграционная политика государства обозначается как неотъемлемая часть «национальной политики» или, по крайней мере, как проблематика, тесно с ней связанная. Понятия, касающиеся миграции, используются для обсуждения этнических проблем или, наоборот, этнически «другие», независимо от их гражданства или времени проживания на определенной территории, означаются как «мигранты».

Неофициальные дискурсы миграции изучены вполне обстоятельно и детально¹²⁴, но полученные описания не позволяют ответить на ряд вопросов. Только в ограниченной степени известно, как обсуждение миграции в этнических терминах воздействует на практики обращения с «мигрантами». Попыток составить единое описание и объяснение того, что собой представляют в России этнокультурные аспекты иммиграционной политики, пока не было. В литературе можно встретить несколько суждений, имеющих отношение к теме. К этим суждениям нетрудно подобрать иллюстрации в реальности, и они становятся, по крайней мере, для части публики и экс-

¹²⁴ Вендина О.И. Культурное разнообразие и «побочные эффекты» этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2009. С. 45–147; Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах // Космополис. 2004. № 1. С. 56–69; Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е. Россия перед вызовами иммиграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М.: АдамантЪ, 2009. С. 9–62; Мукомель В. Российские дискурсы о миграции // Демоскоп Weekly. 2004. 30 ноября (<http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/tema01.php>); Шнирельман В. Лукавые цифры и обманчивые теории: о некоторых современных подходах к изучению мигрантов // Вестник Евразии. 2008. № 2. 125–150.

пертного сообщества, общим местом, или обыденным знанием. Взятые в совокупности, эти тезисы могут предложить ложную картину происходящего, и, к счастью, пока никто из российских исследователей не пытался выдвинуть подобную концепцию. Каждый же из тезисов по отдельности требует как минимум уточнений и оговорок.

Каковы же эти суждения?

1. Миграционная политика в стране ограничительна и репрессивна по ряду причин: чрезмерной бюрократизации, озабоченностью вопросами безопасности, коррупции и т.п.
2. В обществе, а значит, и в системе власти, доминирует этноцентричное видение социума — как суммы этнических групп; это восприятие распространяется и на миграцию.
3. Такое восприятие мотивирует этнически селективный, то есть дискриминационный, подход к осуществлению миграционной политики, а проводимая политика описывается и публично легитимируется в этнических и культурных терминах.

Однако об ограничительном и репрессивном характере миграционной политики следует говорить только с учетом того, что формальное регулирование в этой области носит в значительной части фиктивный характер¹²⁵. Изначально (то есть с момента распада СССР) миграция оказалась в значительной степени вытесненной в область теневых отношений и подчинена неформальным практикам. В частности, не приходится говорить о существовании миграционной стратегии и единой миграционной политики: в стране принимаются институционально значимые решения, но центров, как и мотивов, принятия этих решений много, а сами решения зачастую носят реактивный характер, расходятся с заявлениями и в совокупности не создают логической последовательности¹²⁶. В целом же, практики, как бы их ни оценивать юридически и морально, не призваны препятствовать движению людей через границы (хотя бы ввиду безвизового режима в отношениях с теми странами, откуда следуют основные потоки).

Во-вторых, официальная и неофициальная риторика, касающаяся этнического плюрализма миграционных потоков и страны в целом, очень

¹²⁵ Осипов А.Г. Что в России означает понятие «регулирование миграции»? // Миграция и национальное государство. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 15–45.

¹²⁶ Градировский С. Есть ли у России миграционная политика? // Полит.ру. 2010. 28 января (<http://www.polit.ru/analytics/2010/01/28/migrationpolicy.html>); Градировский С. Миграционная политика исторического поражения // Полит.ру. 2007. 16 февраля (<http://www.polit.ru/author/2007/02/16/migr.html>).

мозаична и разнообразна¹²⁷. Официальные тексты и представители власти вообще редко обращаются к теме миграции в этнических и культурных терминах. Найти примеры подобных высказываний, даже таких, когда мигрантов описывают как проблему именно потому, что они этнически «чужие», можно, но такие примеры все-таки носят единичный характер.

Например, 2 марта 2007 г. заместитель директора ФМС Вячеслав Поставнин заявил на пресс-конференции, что его служба собирается лимитировать въезд граждан той или иной национальности в отдельные регионы России, если там «*достигается избыточная масса приезжих*»¹²⁸. 16 ноября 2006 г. он же, комментируя запрет на работу иностранцев в ряде сфер торговли, заявил, что «*компактное проживание в каком-то районе страны или региона граждан другого гражданства не должно превышать 17–20 %, особенно если они другой национальной культуры и вероисповедания. Превышение этой нормы создает дискомфорт для коренного населения*»¹²⁹. А директор Федеральной миграционной службы РФ Константин Ромодановский 29 сентября 2006 г., в начале антигрузинской кампании, заявил об особой криминогенности грузин и о том, что те нарушают миграционное законодательство в несколько раз чаще, чем представители других стран¹³⁰.

Зачастую выглядят двусмысленно и заявления представителей государства, подобно рассуждениям в октябре 2006 года Президента РФ В.В. Путина о необходимости поддержки «коренного населения» в таком роде деятельности, как торговля на рынках¹³¹.

При этом этноцентризм сочетается с многочисленными суждениями, основанными на концептах гражданской нации, интеграции, толерантности, необходимости преодоления межгрупповых барьеров и так далее. По крайней мере, нет формальных оснований отдавать предпочтение одним риторическим конструкциям по сравнению с другими.

¹²⁷ Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 51–54.

¹²⁸ Мигранты заплатят ФМС за жизнь // Газета.ру. 2007. 3 марта (http://www.gazeta.ru/2007/03/02/oa_232970.shtml).

¹²⁹ «Превышение 20-процентной нормы приезжих вызывает дискомфорт у коренного населения» // Время новостей. 2006. 16 ноября.

¹³⁰ Буранов И. Грузинские мигранты пошли вслед за вином // Коммерсант. 2006. 30 сентября.

¹³¹ Начало встречи Президента РФ В.В. Путина с лидерами фракций Государственной Думы. 4 октября 2006 г. // Президент России. 2006. 4 октября (<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/10/111998.shtml>); Вступительное слово на заседании Совета по реализации приоритетных проектов и демографической политике. 5 октября 2006 г. // Президент России. 2006. 10 мая (http://president.kremlin.ru/appears/2006/10/05/1910_type63374type63378type82634_112066.shtml).

Проекция наблюдений, сделанных в отношении неофициальных, в частности масс-медийных, дискурсов, на официальную риторику, представляется некорректной. Мы можем предполагать, что многие официальные лица в массе своей думают образом, сходным с прессой и националистически настроенными публичными фигурами¹³², но это лишь предположение. Что более существенно, совершенно умозрительный характер носит суждение, что исключаящие дискурсы могут рассматриваться как показатель и причина деятельности соответствующей направленности.

В-третьих, миграционная политика и лежащие в ее основе институты действительно порождают исключаящие практики. Однако в целом остаются неочевидными и недоказанными их этническая избирательность и лежащая в ее основе этническая мотивация за исключением описанных выше эпизодов, таких как преследование месхетинских турок в Краснодарском крае или грузин в целом по России в 2006 году. Во всяком случае, сложно увидеть какие-нибудь этнические предпочтения и антипатии в самой, пожалуй, скандальной акции властей в последние годы — аннулировании под формальными предложениями российского гражданства десятков тысяч человек¹³³.

Изучение конкретных этнических категорий, проблемных с той точки зрения, что они уязвимы для дискриминации и предположительно такой дискриминации подвергаются, дает сложную картину, не позволяющую делать однозначных выводов о характере, основаниях и масштабах дискриминационных практик.

Существует множество исследований и наблюдений, посвященных положению в России трудовых мигрантов, в особенности из Центральной Азии¹³⁴. Признание того, что эти люди зачастую лишены элементарных прав, находятся в полной зависимости от работодателей, милиции и посреднических структур и подвергаются эксплуатации, местами напоминая рабство, стало общим местом не только для исследователей, но и средств массовой информации любого толка и официальных лиц. Нарушения прав этих людей иногда называют «дискриминацией», но

¹³² Верховский А. Идеинная эволюция русского национализма // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 30–31.

¹³³ О практике изъятия российских паспортов у бывших граждан СССР, переселившихся в Российскую Федерацию из стран СНГ. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 26 января (доступно также по адресу: <http://www.rg.ru/2008/01/26/pasporta-doklad.html>).

¹³⁴ Таджикистан: Экспорт рабочей силы — какова цена? Доклад наблюдательной миссии FIDH // АДЦ «Мемориал». 2011. Сентябрь (<http://memorial.spb.ru/wp-content/uploads/571r-FIDH-Rapport-Tadj-WEB1.pdf>).

насколько категория «дискриминация» помогает понять причины сложившегося положения и адекватно описать его, неочевидно.

Под вопросом оказывается роль этничности и этнической избирательности. В отдельных случаях она прослеживается довольно четко — например, при антитаджикской кампании ноября 2011 года, массовых задержаниях, облавах для простого вымогательства денег и депортациях. Но едва ли можно утверждать, что людей эксплуатируют из-за их этнической принадлежности, а не из-за того, что они иностранцы, что у них из-за запутанных и обременительных регистрационных правил — уязвимый правовой статус и что с ними можно делать едва ли не все что угодно совершенно безнаказанно. В отдельных сообщениях, в том числе публикациях исследователей, упоминается то, что действительно можно назвать этнической дискриминацией, — многие работодатели следуют стереотипам, что те или иные национальности лучше или хуже подходят для тех или иных видов работ¹³⁵. По этой причине, например, выходца из Центральной Азии независимо от его квалификации не допустят к сложным отделочным работам или к установке оборудования. Это похоже на правду, но пока не опирается на надежные доказательства. Подобное этническое разделение по профессиям может иметь и иные объяснения: например, выходцы из разных стран в разное время и при разной рыночной конъюнктуре входили на российский рынок труда, или разные профессиональные сегменты закрепились за разными фирмами — посредниками в поставке рабочей силы, — и стереотипы работодателей могут быть лишь отражением сложившейся ситуации.

Можно найти много свидетельств унижений, которым подвергаются мигранты именно как представители тех или иных этнических групп или категорий (как «кавказцы» или «среднеазиаты»). Здесь, как и в других случаях, этничность скорее выступает сопутствующим обстоятельством, а не причиной нарушения прав, в том числе избирательного отношения. Во всяком случае, категория «дискриминации» сама по себе, без тщательного понимания того, каковы границы ее применения, скорее будет мешать пониманию существа проблемы и иерархии приоритетов. К сожалению, это понятие используется произвольно и зачастую безответственно, без оглядки на эмпирические данные и без какого-либо желания проанализировать, что за этим словом стоит или может стоять.

Если же обратиться к другим областям жизни, особенно вне сферы государственной политики и в особенности к отношениям между частными

¹³⁵ Пистрякова С.А. Проблемы иммиграции: толерантность против ксенофобий и дискриминации. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2008. С. 22.

лицами — к устройству на работу, к трудовым отношениям, найму жилья, отношениям в системе образования — то здесь сказать по существу оказывается почти нечего. Исследований на эти темы почти нет, протестов людей, которые пострадали бы от такого обращения, не видно и не слышно, в средства массовой информации и даже специальные публикации попадают в основном обыденные стереотипы и слухи. Исключений только два: сообщения о дискриминационных объявлениях, касающихся приема на работу и сдачи жилья внаем (которых много и которые можно изучать без больших хлопот), и отдельные правозащитные доклады о сегрегации цыганских детей в школах¹³⁶. В остальных областях наблюдается почти полная пустота. И здесь уместно перейти к разным профессиональным перспективам — как разные среды видят дискриминацию в качестве объекта эмпирического рассмотрения.

***

Официальные материалы не содержат признания дискриминации по этническому признаку на территории России. Исключения являются отдельные заявления (в том числе фрагменты президентских Посланий Федеральному Собранию РФ 1994 и 1995 годов), иносказательно признававшие диспропорции в социальном положении и социальных возможностях «титального» и «нетитального» населения в бывших автономных республиках РФ. В этом же ряду — официальные комментарии относительно преследований нечеченского населения в Чечне во время режима Дудаева.

Одно из хронологически последних официальных признаний на подобную тему появилось в тезисах доклада начальника департамента Министерства регионального развития РФ; оно касалось возможностей получения высшего образования. По оценке автора тезисов, высшее образование на Северном Кавказе стало привилегией «национальных кадров», а русское население уезжает в другие регионы, где дискриминации по этническому признаку нет¹³⁷. Развития эти замечания ни в этом, ни в другом официальном документе не получили, и практических выводов не последовало.

С другой стороны, обыденное знание — восприятие и мнение — так называемого простого человека не существует в чистом виде, само по себе. Обычный гражданин как таковой не имеет возможности донести свои

¹³⁶ Проблема дискриминации и несоблюдения прав цыганских детей в российских школах. СПб.: АДЦ «Мемориал», 2009.

¹³⁷ Журавский А.В. Тезисы выступления на Всероссийском совещании по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России (г. Москва, 1 декабря 2010 г.) // Министерство регионального развития РФ. 2010 (<http://minregion.ru/upload/documents/2010/12/zhuravskiy-tezisy.doc>).

жизненные реалии и свое восприятие до публичного пространства самостоятельно, без содействия или посредничества гражданских активистов, тех же исследователей или средств массовой информации, то есть, так или иначе, без фильтрования и препарирования. Даже с учетом последнего обстоятельства оказывается, что простые граждане, во-первых, редко сообщают о том, что (опять же, за пределами вербальных выражений ксенофобии) можно оценивать как этническую избирательность, во-вторых, редко используют понятие дискриминации¹³⁸. Исключением можно считать две уже упомянутые темы, о которых респонденты часто говорят в общении с исследователями, правозащитниками и СМИ. Это этническое профилирование со стороны милиции (которое стало обыденным знанием) и дискриминационные объявления о сдаче внаем или о поиске жилья (которые имеют много видимых подтверждений).

Опыт нескольких правозащитных организаций, начинавших в 2000-е годы проекты по защите жертв дискриминации (Московская Хельсинкская группа, Правозащитный центр «Мемориал», Правовая инициатива открытого общества и др.), показал, что исчезающе малое число людей готово не просто видеть в своих проблемах дискриминацию, но защищать себя именно от дискриминации. Стоит добавить, что индивидуальные сообщения о дискриминационном по этническому признаку обращении крайне редко появляются в интернете. Они также крайне редко, в единичных случаях, публикуются в СМИ в разделах писем — и это можно истолковать и как следствие незначительного числа таких сообщений, и как редакционную политику. Опыт общения с теми, кто должен говорить от лица жертв, а именно с этническими организациями, показывает, что они крайне редко оказываются готовы заниматься фиксированием конкретных проблем и тем более — оказанием кому-либо какой-либо правовой помощи (о поиске неформальных договоренностей с властями и правохранителями мы здесь не говорим).

***

Посмотрим, как практики, которые можно назвать дискриминацией, исследовались методами социальных наук. Увы, начинать приходится с того, что примеров такого рода исследований в России очень мало.

¹³⁸ Интересны результаты экспертного опроса руководителей ряда рекрутинговых агентств, проведенного сотрудниками журнала «Управление персоналом». Опрошенные в принципе признавали наличие дискриминационных практик, но кардинально расходились в оценках масштаба и причин этих явлений; см.: Девиации и дискриминация // Трудовое право. 2007. № 4. С. 73–82.

Наиболее заметными благодаря публикациям в статусных изданиях оказались результаты количественных исследований, точнее, массовых опросов. В данном случае я имею в виду не опросы, в которых выяснялись распространенность и структура ксенофобских представлений, а исследования, где респондентов спрашивали о дискриминации, равенстве и исключении. Изначальный порок подобных исследований в том, что их авторы исходят из допущения, что опрашиваемые оперируют категориями «равенство» и «дискриминация», что они соотносят их с опытом из своей повседневности и что понимают эти термины одинаково и что понимают их одинаково с теми, кто проводит исследования.

Наиболее явно все эти недостатки массовых опросов проявились в ходе исследования, проведенного в 2003 году Центром комплексных социальных исследований по общероссийской выборке в 1750 человек¹³⁹. Как следует из публикаций по результатам исследования, инициаторы сами не очень твердо представляли себе значение слова «дискриминация» и путали его просто с нарушением прав человека. Примечательно, что руководитель проекта В.В. Петухов даже выражал уверенность в существовании «общепризнанного определения дискриминации», в качестве которого он приводил размытую с юридической точки зрения и никогда не применявшуюся на практике формулировку советского Кодекса законов о труде 1971 года¹⁴⁰.

Отчасти похожий опрос (1500 респондентов по всероссийской выборке) был проведен в 2005 году социологической службой РОМИР¹⁴¹. В ходе его также рассматривались представления опрашиваемых о равенствах и неравенствах по разным основаниям, в том числе по этническим признакам. Респондентам задавали вопросы об их личном опыте, и делалась попытка интерпретации ответов. Поскольку вопрос об интер-

¹³⁹ Петухов В.В., Пахомова Е.И., Седова Н.Н. Права человека и дискриминационные практики в современной России // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 40–48; они же. Права человека и проблемы дискриминации в современной России // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М.: Реферendum, 2003. С. 193–208; Семинар: «Права человека и феномен дискриминации в современном российском обществе». Московский Центр Карнеги (http://opencity.redu.ru/articles/human_liberties/).

¹⁴⁰ Петухов В.В., Пахомова Е.И., Седова Н.Н. Права человека и проблемы дискриминации. С. 194. Упомянутая формулировка выглядит так: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при приеме на работу в зависимости от пола, расы, национальности, языка, социального происхождения, имущественного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников» (ст. 16 КЗоТ РСФСР от 9 декабря 1971 г.) (цит. по справочно-правовой системе «Консультант+»).

¹⁴¹ Тарусин М. Указ. соч.

претациях этого опыта самими респондентами остается открытым, познавательная ценность исследования для изучения именно дискриминационных практик неочевидна. Исследование в лучшем случае позволяет делать предположения о том, что опрошенные, в том числе относящиеся к меньшинствам, в целом нечувствительны к теме дискриминации¹⁴².

С таким фоном контрастирует ценная и, похоже, пока что недооцененная монография, отражающая результаты опросов, проведенных в нескольких регионах в рамках проекта Института социологии РАН под руководством Л.М. Дробижевой. В публикации анализировалась структура представлений респондентов о равенствах и неравенствах по этническому признаку, с одной стороны, русских, с другой — «титulyных национальностей» в нескольких республиках, а также «традиционных», не мигрантских меньшинств в других регионах. При этом, что вполне разумно, не делались попытки ставить вопросы о распространенности и, тем более, структуре дискриминационных практик¹⁴³. В результате исследования были сделаны важные выводы о том, что при отсутствии существенных различий в профессиональном составе и других социально-экономических показателях между «титulyным» и «нетитulyным» населением общественное мнение оказывается очень чувствительным к символическим неравенствам и к реальной или воображаемой «представленности» разных групп в государственном аппарате¹⁴⁴.

Особо стоит отметить попытки использовать метод тестинга. Метод заключается в искусственном моделировании ситуации исключения или предпочтения: вначале к индивиду или организации, которые подозреваются в дискриминационной практике, обращается (за товаром или услугой, по объявлению о рабочей вакансии, с целью найма жилого помещения и т.п.) лицо, соответствующее предъявляемым требованиям (например, о дресс-коде, образовании и квалификации), но относящееся к предположительно дискриминируемой категории (чернокожий, мусульманин, женщина, инвалид). Если это лицо сталкивается с отказом под каким-либо предлогом, то с подобной же просьбой или предложением обращается другое лицо, также отвечающее предъявленным требованиям, но относящееся к категории, предположительно не подвергающейся дискриминации. Отличия в обращении могут рассматриваться как признак дискриминации.

¹⁴² Там же. С. 361–362.

¹⁴³ Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia, 2002.

¹⁴⁴ Там же. С. 464–465.

Обычно такой подход применяется как способ выявления фактов дискриминации и сбора доказательств для последующего оспаривания дискриминационной практики. Результаты тестинга признавались в судах как доказательства, допустимые в процессуальном плане, в Северной Америке и в Европе, а недавно тестинг был признан законодательством Франции как приемлемый способ доказывания дискриминации. Однако иногда тестинг используется только в исследовательских целях.

В России едва ли не единственная попытка такого рода была предпринята в проекте Центра этнополитических и региональных исследований по изучению положения национальных меньшинств нескольких регионах Поволжья и Урала¹⁴⁵. Пары тестеров обращались лично или по телефону по объявлениям о трудоустройстве или сдаче жилья внаем. Эксперимент прошел успешно, без срывов, но определенного результата не дал: имеющиеся отклонения отличались от региона к региону, были не очень значительны и допускали разные интерпретации. При обращении по объявлениям об устройстве на работу, отказов или предложений худших условий труда или оплаты было относительно немного; в то же время владельцы жилья в большинстве случаев, напротив, отказывались иметь дело с потенциальными жильцами «не тех» национальностей.

Представления о существовании «этнического профилирования» были проверены эмпирически — путем проведения сложного, по российским меркам, даже изошренного, социологического исследования¹⁴⁶. С мая по сентябрь 2005 года в рамках совместного проекта Правовой инициативы открытого общества, некоммерческой организации «Юристы за конституционные права и свободы» (ЮРИКС) и консалтинговой фирмы «Ламберт Консалтинг» проводился мониторинг действий сотрудников милиции московского метрополитена. В этом исследовании, впервые за пределами США и Великобритании, была использована методология наблюдения и сравнения его результатов с ранее установленными характеристиками генеральной совокупности, в данном случае — общего пассажиропотока на станциях, выбранных для исследования по определенным критериям. Были проанализированы данные о более чем 1500 остановках пассажиров милицией на 15 станциях столичного метрополитена, а также

¹⁴⁵ Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах юга Российской Федерации. М.: Центр этнополитических и региональных исследований, 2003.

¹⁴⁶ Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. М.: Новая юстиция, 2006.

сведения, собранные в ходе интервью с 367 пассажирами, выбранными из числа тех, кто был остановлен.

Полученные данные показали, что люди, визуальнo воспринимаемые как выходцы с Кавказа или из Средней Азии, доля которых среди всех пассажиров метро не превышала 4,6 %, составили 50,9 % граждан, остановленных милицией. Иными словами, вероятность быть остановленным милицией у лиц с «неславянской» внешностью была в 21,8 раза (а на одной станции — в 85 раз!) выше, чем у остальных¹⁴⁷. Диспропорция, зафиксированная в ходе московского исследования, является столь высокой, что вряд ли может быть объяснена какими-либо основанными на законе причинами, не связанными с дискриминацией, то есть является произвольной избирательностью.

Другое дело, что объяснение этой избирательности в этнических терминах вызывает вопросы. Повторюсь: проблема в том, что в основе использованной исследовательской схемы, методически сложной и опробированной ранее в Великобритании и Соединенных Штатах, по сути, лежал обыденный стереотип «визуального восприятия», то есть отождествление этнической принадлежности с определенными типами внешности. То есть, опять-таки, допущения, лежавшие в основе гипотезы, организации исследования и интерпретации результатов, основывались на обыденном знании или бытовых клише. Такая методология заведомо не позволяет судить о механизмах и масштабах изучаемого явления, в том числе о реальных мотивах сотрудников правоохранительных органов, организующих проверки или проводящих их.

Вновь нужно упомянуть масштабный проект Центра независимых социологических исследований по изучению практики работы милиции общественной безопасности и, в частности, ее взаимодействию с этническими меньшинствами, проведенный санкт-петербургскими и казанскими социологами. Это едва ли не единственное исследование в России, исходящее из гипотезы о существовании дискриминационных практик и основанное на качественных методах. Правда, из-за отсутствия желания милицeйских структур взаимодействовать с социологами проекты были проведены в сокращенном формате¹⁴⁸, и это сказалось на результатах — в Санкт-Петербурге практически не удалось провести включенное наблюдение, полноценного сравнения двух городов не получилось, а общие выводы основывались на результатах интервью, где респонденты постфактум рационализировали свое поведение в этнических терминах.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия.

Чаще же всего суждения о дискриминационных практиках возникают как побочный эффект полевого социологического или антропологического исследования. К сожалению, зачастую либо затруднительно понять, в каком контексте делаются эти наблюдения, либо по контексту суждения следует, что оно основывается на обыденном знании.

Например, Н.И. Новикова по результатам полевого исследования на Сахалине делает вывод, что местные власти, по сути, выталкивают представителей коренных малочисленных народов в «традиционные» отрасли, где возможности добывания средств к существованию ограничены, и стараются не допускать их к современным занятиям, в данном случае — к промысловому лову рыбы: «*Более того, местные правоохранительные органы берут на себя полномочия по определению правового статуса этих народов, их прав и обязанностей в государстве*»¹⁴⁹. Но мы не можем судить, основаны эти выводы на собственных наблюдениях, мнениях интервьюируемых или являются экстраполяцией оценок каких-нибудь местных экспертов.

Коллективная монография «Иммигранты в Москве», вышедшая в 2009 году¹⁵⁰, написана демографами; соответственно, в ней наблюдается сильный крен в сторону анализа демографической статистики, количественных методов изучения демографических же процессов и рассмотрения идеологием, используемых официальными властями и прессой. Глубинные интервью и экспертные опросы использовались в качестве вспомогательных инструментов. Ряд авторов использовал выражение «дискриминация» для общей оценки миграционной политики и общего обращения с мигрантами. Из представленных материалов следует, что миграционная политика ограничительна и репрессивна, а самые разные акторы — от городских чиновников до простых граждан — делают ксенофобские высказывания. Правда, при этом не указывается, на основании каких данных делается вывод о наличии избирательности именно по этническому признаку. Не устранены также сомнения в том, что «дискриминация» используется в значении ином, чем просто негативная характеристика ограничительной и репрессивной политики.

Интересны и случаи, когда употребление термина «дискриминация» приписывается самим опрашиваемым. Примечательно, что главы о положении таджиков и афганцев в Москве написаны Т.И. Ивановой¹⁵¹ в

¹⁴⁹ Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008. С. 247.

¹⁵⁰ Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2009.

¹⁵¹ Иванова Т.Д. Афганцы в Москве: интеграционный потенциал // Иммигранты в Москве. С. 209–236; Она же. Таджики в московском социуме // Там же. С. 176–208.

значительной степени по результатам глубоких неструктурированных интервью с представителями двух сообществ. В первом случае, при описании так называемой таджикской диаспоры, понятие дискриминации не использовалось. В другой главе, напротив, судя по приведенному описанию, респонденты активно оперировали термином «дискриминация», прикладывая его к самым разным нарушениям в отношении себя или к просто неблагоприятным обстоятельствам. Осталось неясным, чем вызваны такие различия — особенностями поведения в поле самого исследователя и, возможно, неосознанным навязыванием определенной повестки и определенного словаря, или же тем, что респонденты уже освоили разные словари до исследования.

Вообще, использование понятия «дискриминация» без объяснения его содержания и без доказывания, в чем именно проявляется этническая избирательность (а по контексту обычно следует, что речь идет именно об этнической дискриминации), характерно почти для всех работ, критически описывающих российскую миграционную политику¹⁵².

***

Средства массовой информации замечают случаи ненасильственной дискриминации крайне редко; если брать основные, издающиеся в столице газеты, новостные ленты и вещательные каналы, то такие случаи единичны. Меньшая часть таких сообщений отражает простые и обыденные ситуации, в основном отказ в трудоустройстве и жилье. Как правило, эти сюжеты не служат основой и основной интригой публикации. Внимание на них не акцентируется, и случившееся передается в нейтральных тонах, скорее как рутинная, фоновые события, не заслуживающие особого интереса.

Например, 10 ноября 2009 г. в программе телеканала Рен-ТВ «Выжить в мегаполисе» приводился рассказ про Залину Отарову, которая приехала в Москву с подружкой из одной северокавказской республики. Она долго пыталась найти жилье и работу; вначале столкнулась с отказами в сдаче квартиры, затем — с уклонением работодателей от определенных ответов по поводу устройства на работу, хотя девушка успешно проходила все собеседования. Однако дискриминация не подчеркивалась как существенная проблема, напротив, ударение было сделано на удачной концовке

¹⁵² См., например: Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005.

(Залина нашла хорошую работу) и на том, что новичкам из провинции вообще приходится тяжело в большом городе.

Акцентируемые же акты дискриминации являются событиями, которые скорее могут выглядеть нетипичными с точки зрения городского обывателя или несущими оттенок скандальности. Замечается также публично анонсированная дискриминация.

Например, пресса проявила интерес к появившимся после обострения отношений с Эстонией весной 2007 года дискриминационным объявлениям в отношении эстонцев и вообще жителей Прибалтики. В Ярославле на ул. Свободы у входа в кафе «СовНарПит» появилось объявление «*Эстонцам и собакам вход воспрещен*». Вывеска провисела несколько дней и 7 мая 2007 г. была снята. Подобные вывески были замечены на других заведениях Ярославля (кафе «Актер») и Костромы. Информационно-аналитическое правозащитное агентство «ЦентрРус» направило в прокуратуру Ярославской области заявление с требованием о возбуждении уголовного дела, однако о реакции на это обращение неизвестно¹⁵³. В мае 2007 года в Мурманске на остановках общественного транспорта были вывешены рекламные плакаты клуба «Гольфстрим» с приглашением на дискотеку «Ночь Победы» накануне 9 мая. Внизу плакатов была приписка «*Прибалтам и полякам не беспокоиться*»¹⁵⁴.

К таким нетипичным событиям можно отнести демонстративный, тем более документально подтвержденный отказ цыганам или другим меньшинствам в доступе в места публичного пользования или в торговые заведения. Например, ряд СМИ в марте 2007 года сообщил, что торговый центр «Мега» в Екатеринбурге вывесил дискриминационное объявление, разрешавшее службе безопасности удалять с территории комплекса «цыган» наряду со «скейтбордистами» и «попрошайками». После вмешательства цыганской национальной автономии «Рома-Урал» и Уполномоченного по правам человека Свердловской области администрация торгового центра сняла объявление и пообещала провести внутреннее расследование¹⁵⁵.

¹⁵³ В Ярославле эстонцев приравнивали к собакам // Городской телеканал (Ярославль). 2007. 7 мая (<http://gtk.yar.ru/news/6169.ns>); Дискриминационная вывеска у входа в кафе Ярославле // Центр «СОВА». 2007. 7 мая (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2007/05/d10800/>).

¹⁵⁴ Антиэстонская истерия по-мурмански // Комсомольская правда (Мурманск). 2007. 11 мая; об отказе см. блог человека, который обратился в прокуратуру: Полякам и прибалтам не беспокоиться // Дневник Норманн. 2007. 6 июня (<http://blog.kp.ru/users/929348/post41271262/page1.html>).

¹⁵⁵ Альтернативный доклад...

Ситуации массовой дискриминации, если СМИ не излагают официальных версий происшедшего, освещаются в тех случаях, если их удастся вывести из агрессивной ксенофобии или вписать в рамки этнического конфликта. Исключением из этого правила можно считать освещение антигрузинской кампании осени 2006 года, когда события в силу масштаба и характера оставляли немного возможностей для интерпретаций. А ярким примером можно считать реакцию на политику в отношении месхетинских турок в Краснодарском крае. Сами по себе ограничения против турок не служили информационным поводом, но пресса обращала внимание на деятельность казачьих организаций (и происходившее описывалось как следствие конфликта между казаками и турками), просьбы местной общественности и администраций о выселении месхетинцев (что опять же позволяло описывать ситуацию как конфликт) и ксенофобские заявления губернаторов Кондратенко и Ткачева¹⁵⁶.

***

Таким образом, то, что составляет дискриминацию в узком смысле, как избирательное обращение репрессивного характера, и лежит при этом за рамками агрессии, конфликта и структурных неравенств, для большинства тех, кто создает публичное знание, остается «слепым пятном». Люди, пытающиеся выявить дискриминацию, могут видеть и описывать простые и легко обнаруживаемые без сложной методологии случаи. Лежащее за этими рамками не распознается и служит либо предметом спекуляций, либо отражением обыденного знания. Профессиональные исследования опираются по большей части на количественные исследования, то есть на допущение, что респонденты оперируют в своей обыденности категориями равенства и дискриминации в тех же значениях, что и проводящие исследование профессионалы. Если тема этнической дискриминации затрагивается в исследованиях иного рода, то обсуждается чужое экспертное или обыденное знание. При этом персональный опыт простых обывателей выносится в публичное пространство только в единичных случаях, что допускает разные интерпретации. Наконец, такого рода индивидуальный опыт не рассматривается средствами массовой информации как значимый. Масштабные и массовые проявления, которые могут быть квалифицированы как дискриминация, замечаются

и актуализируются, если их можно каким-то образом описать как продукт ксенофобии и как этнический конфликт, о чем речь пойдет ниже.

Какие в российских условиях возможны иные, более корректные, содержательные и продуктивные подходы к распознаванию, описанию, анализу и критике нарушений индивидуального равенства и дискриминации? Даже при имеющемся моральном климате, интеллектуальных возможностях и профессиональных навыках людей кое-что могло бы делаться по-другому. Социально активная общественность, исследователи и средства массовой информации могли бы обращать больше внимания на то, какому обращению подвергаются в обычных, повседневных условиях люди разных национальностей. Все они могли бы внимательнее и более критично оценивать и описывать то, что видят и слышат, не смешивая внешние признаки, корреляции и сопутствующие обстоятельства, с одной стороны, с причинами и сутью явлений — с другой. При этом можно было бы смотреть на подобные вещи шире, не сводя дискриминацию только к очевидным проявлениям ксенофобии, и одновременно более критично использовать понятие дискриминации, называя так только разное обращение с людьми разной этнической принадлежности, а не просто различные нарушения. Наконец, моральные оценки такого разного обращения, чем бы оно ни было мотивировано, и реакция на них могли бы быть более активными и четко негативными.

¹⁵⁶ Осипов А.Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейа, 2002. С. 45–69.

Глава 5. Противодействие дискриминации

Поставим вопрос по-другому: кем и когда этническая дискриминация проблематизируется принципиально, без привязки к конкретным сюжетам? Какие предлагаются рецепты преодоления проблемы?

Российская Конституция и отраслевое законодательство провозглашают принцип равенства и устанавливают запрет на его нарушение. Верховная исполнительная власть неоднократно заявляла о необходимости обеспечить равенство граждан независимо от их этнической принадлежности. Можно предположить, что законодателям и власти в целом не чуждо восприятие посягательств на равенство как проблемы, которая подлежит решению.

Принцип равенства сформулирован в Конституции и законодательстве в общем виде. В частности, ч. 2 ст. 19 Конституции устанавливает, что *«государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности»*.

Положения о равенстве прав присутствуют в целом ряде федеральных, а также региональных законов, включая Гражданский, Семейный кодексы, Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» 2002 года, Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан 1993 года, Закон Санкт-Петербурга «О межнациональных отношениях в Санкт-Петербурге» 2004 года и др. Некоторые законы в позитивном ключе утверждают равенство прав или равный доступ к определенным возможностям; некоторые запрещают нарушение или ограничение равенства или воспрепятствование реализации прав.

Ряд законов, где положения о равных правах и о запрете дискриминации были бы весьма уместны, таковых не содержит. Это законы РФ «О защите прав потребителей» 1992 года, «О вынужденных переселенцах» 1993 года и «О беженцах» 1993 года. Примечательно, что Жилищный кодекс РФ 2004 года говорит в общем виде только о *«признании равенства участников регулируемых жилищным законодательством отношений»* и не включает в себя никаких антидискриминационных положений. Закон РФ «Об образовании» 1992 года, хотя и закрепляет равный доступ

к образованию, не гарантирует равного обращения в учебном процессе. Попыток заполнить эти лакуны не отмечалось.

Термин «дискриминация» также находит применение, хотя и ограниченное. В Конституции РФ термин упоминается только в ч. 3 ст. 37, согласно которой каждый имеет право на вознаграждение за труд *«без какой бы то ни было дискриминации»*. Понятие «дискриминация» используется также в отдельных федеральных законах: Трудовом и Уголовном кодексах, Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» 2004 года и др.

Однако законодательство и судебная практика не определяют, что такое дискриминация, равенство прав, нарушение равенства прав или ограничение равноправия. Ст. 136 Уголовного кодекса РФ можно условно рассматривать как первую попытку дать юридическое определение дискриминации в России. В соответствии с этой статьей (в редакции Федерального закона № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г.) «дискриминация» означает *«нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам»*. Таким образом, используемая конструкция также включает в себя отсылку к категориям типа «нарушение ... на основании», которые остаются непроясненными в теории и на практике¹⁵⁷. Кроме того, нарушение прав, свобод и законных интересов содержательно уже, чем различия в обращении, составляющие дискриминацию по смыслу международных договоров.

Следует упомянуть и то, что с 2006 года нарушение равенства прав, свобод и законных интересов в формулировке, практически идентичной ст. 136 УК РФ, было включено в понятие «экстремистская деятельность», как оно определяется Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» 2002 года; несколько подробнее об этом будет сказано ниже.

На деле же существование этих положений материального права не влечет никаких практических последствий. Основная причина — в том,

¹⁵⁷ Пучкова М. Соответствие Конституции и текущего законодательства Российской Федерации международным обязательствам страны в области предотвращения и ликвидации расовой и этнической дискриминации // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М: Немецко-русский обмен, 2004. С. 30.

что остается неясным, какие именно требования можно заявлять в связи с предполагаемой дискриминацией и как эти требования обосновывать¹⁵⁸.

В России отсутствует какая-либо устоявшаяся правоприменительная практика, связанная с дискриминацией¹⁵⁹, за исключением нескольких десятков дел, при рассмотрении которых Конституционный суд РФ давал толкование ст.ст. 19 и 37 (ч. 3) Конституции страны. Ни одно из этих дел, правда, не касалось дискриминации по признакам этничности, языка и религии. Полная статистика, касающаяся применения ст. 136 УК РФ, не публиковалась, но известно, что дела по ней возбуждались только в единичных случаях. Кроме того, в декабре 2011 года статья была сокращена, и в ней сохранился только квалифицированный состав — дискриминация с использованием служебного положения. Неквалифицированный состав стал административным правонарушением (ст. 5.62 КоАП РФ). Оспаривание дискриминации в порядке гражданского судопроизводства оказывается неэффективным, и такие попытки предпринимаются крайне редко, причем с отрицательным результатом. Государственные контрольные и надзорные органы, занимающиеся сферой труда, потребительским рынком, жилищными отношениями, системой образования, теоретически должны реагировать на жалобы о дискриминации, но примеры и жалоб, и реакции на них единичны и касаются отказов клиентам в обслуживании и сомнительной по форме рекламы.

Официальные власти не рассматривают противодействие повседневной ненасильственной дискриминации и создание адекватных средств защиты как задачу, требующую решения. В официальном докладе (2006) о соблюдении Россией Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (CERD/C/RUS/19) и в ответе (2008) российского правительства на вопросы докладчика по стране Комитета по ликвидации всех форм расовой дискриминации¹⁶⁰ приводилось следую-

¹⁵⁸ Подробнее см.: Гвоздицких А.В. Дискриминация в трудовых отношениях: Рекомендации по процессуальной работе представителя в делах о дискриминации в трудовых отношениях. М.: ЦСТП, 2008; Дискриминация в сфере труда: теория и практика. Научно-практический сборник. М.: ЦСТП, 2008.

¹⁵⁹ Бережной В.А. Судебная защита конституционных прав в сфере труда в случае дискриминации // Трудовое право. 2005. № 10. С. 41–47; Новичкова Ю.В. Дискриминация в трудовых отношениях // Трудовые споры. 2006. № 11. С. 33–39.

¹⁶⁰ Письменные ответы Правительства Российской Федерации на перечень вопросов, сформулированных докладчиком Комитета по ликвидации расовой дискриминации в связи с рассмотрением объединенных Восемнадцатого и Девятнадцатого докладов Российской Федерации (CERD/C/RUS/19) (http://www2.ohchr.org/english/bodies/cerd/docs/AdvanceVersion/replies_russia73.pdf).

щее суждение: Россия уже имеет всеобъемлющее антидискриминационное законодательство, поскольку дискриминация прямо запрещена в ряде федеральных законов. Подобного мнения придерживаются и эксперты Федерального Собрания РФ¹⁶¹. Отсутствие примеров практического применения этих материальных норм, так же как и ст. 136 Уголовного кодекса РФ, означает, по мнению правительства, нерелевантность самой проблемы российским реалиям.

Практически не наблюдались законодательные инициативы, касающиеся создания антидискриминационных механизмов (кроме закона о равных возможностях мужчин и женщин), но зато есть примеры противоположного свойства: два федеральных закона включают положения, имеющие признаки прямой расовой дискриминации, то есть они устанавливают различия по этническому признаку, целью или следствием которых является ограничение возможности пользоваться правами и свободами. Оба положения являются дискриминационными в формальном, а не содержательном смысле, поскольку они, хотя и имеют дискриминационную направленность, не причиняют реального существенного вреда конкретным людям. Но они важны как показатель или полного незнания законодателями проблем дискриминации, или пренебрежительного к ним отношения.

Первая позиция касается «национально-культурных автономий» (НКА). НКА представляют собой общественные объединения, создающиеся по этническому признаку на основании специального закона (Федеральный закон «О национально-культурной автономии» № 74-ФЗ от 17 июня 1996 г.), целью которых является развитие языка, культуры и образования соответствующих этнических групп. Между тем и «просто» общественные объединения могут осуществлять такую же деятельность, связанную с языком, культурой и образованием; при этом права НКА по сравнению с «просто» общественными объединениями ограничены, а процедуры учреждения затруднены. До ноября 2003 года законодательство не содержало ограничений, от имени каких групп могут учреждаться НКА. Согласно поправкам, внесенным Федеральным законом «О вне-

¹⁶¹ Динамика и современное состояние национальных отношений (информ.-аналит. материал Аналит. упр. Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации) // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2008. № 5. С. 57–58; Юсуповский А.М. Стратегические проблемы национального развития: к сравнительному анализу приоритетов государственной национальной политики // Аналитический вестник. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Аналитическое управление аппарата Совета Федерации. 2007. № 22. С. 22.

сении изменений и дополнений в статьи 1, 3, 5, 6, 7 и 20 федерального закона «О национально-культурной автономии» № 136-ФЗ от 10 ноября 2003 г., «автономии» могут образовываться только от имени групп «находящихся в состоянии национального меньшинства на соответствующей территории», причем законодательство никак не определяет, ни что такое «меньшинство», ни каковы признаки этой «ситуации». Таким образом, было введено ограничение на создание НКА, то есть в отношении реализации конституционного права на свободу объединения по этническому признаку при отсутствии конституционно значимых целей. Кроме того, принятая тогда же поправка к закону об НКА сделала невозможным учреждение многоэтнических НКА. Впрочем, на практике эти нормы не исполняются. Старые многоэтнические НКА или НКА, созданные от имени этнического большинства, не были лишены государственной регистрации, а уже после поправок были учреждены и официально зарегистрированы НКА подобного рода.

Второе положение до июля 2010 года присутствовало в Федеральном законе о соотечественниках за рубежом. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» 1999 года вводит особый правовой статус «соотечественников за рубежом», который применяется и к российским гражданам, и к некоторым категориям иностранных граждан и лиц без гражданства. Закон гарантирует поддержку Российской Федерации «соотечественникам» в реализации некоторых прав, а также устанавливает некоторые привилегии в их взаимоотношениях с Российской Федерацией. Ст. 1 Закона вводит ограничение на предоставление статуса «соотечественника» по признаку этнической принадлежности. В старой версии статьи на этот статус не могут претендовать потомки российских граждан, граждан бывшего СССР, а также эмигрантов из Российской империи/СССР/Российской Федерации, относящиеся к «титულным нациям иностранных государств». Ст. 2 определяет «титулную нацию» как этническую категорию или «часть населения государства, национальность которой определяет официальное наименование данного государства». Статус «соотечественника за рубежом» не связан ни с гражданством, ни с процедурами натурализации, но он имеет отношение к реализации основных прав и свобод. По смыслу Закона, «соотечественники» не могут квалифицироваться как расовые и этнические группы, нуждающиеся в защите, поэтому предпочтения по этническому признаку не являются оправданными. После изменений и дополнений, внесенных в закон (Федеральный закон № 179-ФЗ от 23 июля 2010 г.), это положение было устранено; соотечественниками могут признаваться «лица и их

потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации». Здесь уже проведение различий по этническому признаку не носит абсолютного и обязательного характера, на что указывает оборот «как правило».

В России имели место только три инициативы, направленные на разработку антидискриминационных законов. Только две из трех касаются дискриминации по этническому признаку, и эти две так и не дошли к настоящему времени до стадии официально внесенных проектов. Все три проекта содержат преимущественно декларативные нормы, а в плане практического применения предлагают в основном делегированное решение в духе «пусть начальство примет меры».

Первая инициатива — это проект Федерального закона о гендерном равенстве, точнее, «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации» (проект № 284965-3), внесенный в Государственную Думу группой депутатов в 2003 году и до сих пор ожидающий второго чтения. Помимо общих слов о мерах по обязанности государства и частных лиц создавать равенство возможностей, проект включает в себя положения об установлении гендерных квот при формировании органов государственной власти и местного самоуправления, а также о необходимости поддержания гендерного баланса при отборе равных по квалификации и опыту работников. Проект содержит также важную для российского права новеллу, касающуюся процессуальных особенностей доказывания дискриминации, а именно положение о переносе бремени доказывания на ответчика (правда, предмет доказывания определяется почему-то как «отсутствие намерения дискриминировать»).

Вторая попытка была связана с разработкой регионального закона Москвы «О противодействии дискриминации по расовому и этническому признаку в Москве», набросок которого был составлен в мае-июне 2006 года рабочей группой при Московской городской Думе. Проект не содержал четких определений; в нем просто декларировалась неприемлемость дискриминации на этнической и расовой основе в Москве и устанавливались административные штрафы за умышленные действия или бездействие дискриминационного характера. Соответствующие процедуры привлечения к ответственности и доказывания остались непроясненными и в любом случае едва ли были совместимы с действующим

законодательством¹⁶². Проект не был даже представлен в профильный комитет городской Думы, не публиковался и вскоре был забыт.

Третья инициатива исходила и продолжает исходить от неправительственного Центра государственного управления и проблемного анализа, который работает под патронажем Владимира Якунина, директора государственной компании «Российские железные дороги». Необходимость принятия закона, запрещающего этническую и религиозную дискриминацию, была провозглашена на конференции центра в 2007 году¹⁶³ и обоснована как вынужденный шаг на пути превращения России в православное и славянское государство и как защитная мера в отношении нерусских в процессе этой трансформации. Рабочая группа Центра написала проект закона¹⁶⁴, который целиком состоит из положений, запрещающих дискриминацию в определенных областях общественной жизни (трудовая деятельность, жилищные отношения, здравоохранение, образование и др.), а также в областях, которые обозначаются таким образом, что могут охватывать и частную жизнь (отправление религиозных культов, гражданско-правовые отношения, доступ к информации, доступ к культурным благам). Что касается процессуальных норм, то проект отсылает к действующему законодательству, а также устанавливает, что органы государственной власти, осуществляющие надзор и контроль в определенных областях (жилищные отношения, образование, состояние потребительского рынка и др.), а в некоторых случаях и прокуратура, устанавливают факт дискриминации и могут представлять заявителя, предположительно пострадавшего от дискриминации, в суде. Проект был опубликован и передан в Государственную Думу; его дальнейшая судьба неизвестна.

Общественная палата Российской Федерации имеет в своей структуре подразделение, занимающееся проблемами экстремизма и толерантности. В ряде документов ОП упоминается «дискриминация» — но в ряду с толерантностью, экстремизмом и нетерпимостью¹⁶⁵. Во всех текстах

¹⁶² Официально не публиковался; впервые размещен в: Проект закона города Москвы о противодействии дискриминации по расовой и этнической принадлежности // Создание правовой среды для защиты от дискриминации по признакам этнической принадлежности, пола и возраста. Концепции развития российского законодательства. М.: РИО «Новая юстиция», 2011. С. 164–174.

¹⁶³ Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М.: Экономика, Научный эксперт, 2007. С. 524–540, 703–707.

¹⁶⁴ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Правовое противодействие расовой, национальной, религиозной дискриминации. М.: Научный эксперт, 2009.

¹⁶⁵ О толерантности и противодействии нетерпимости и экстремизму в российском обществе. Рекомендации Общественной Палаты Российской Федерации. 14.06.2006 //

ударение делается не на вопросах равенства, но на подавлении «экстремизма», воздействия на восприятие этнически «других» и на воспитание позитивного к ним отношения. Единственным исключением можно считать аналитический доклад, подготовленный для Палаты Агентством социальных технологий «Политех» и Институтом этнологии и антропологии РАН, где упомянуто, что социальные различия и противоречия, если они проходят «по границам этнических общностей», могут носить «дискриминационный характер»¹⁶⁶.

Число академических публикаций в разных дисциплинах, касающихся равенства и дискриминации, растет год от года, но в их фокусе собственно дискриминация чаще всего не оказывается. Еще меньшего внимания заслуживает дискриминация по этническому признаку. Приоритетами остаются: социальное равенство с общеполитической точки зрения; общие теоретические вопросы равенства в юриспруденции, гендерное равенство из перспективы права, социологии и социальной работы. Среди публикаций, касающихся дискриминации на этнической почве, наиболее многочисленная категория — это тексты, посвященные судьбе русских за пределами России, при этом большинство авторов рассуждает с политической, но не юридической или правозащитной точки зрения. Следует еще отметить отрядный рост числа защищенных диссертаций по юриспруденции, но в них, как правило, рассматриваются общие теоретические вопросы, а не сложившиеся практики правоприменения.

Особо важны три обстоятельства. Во-первых, термин «дискриминация» используется в самых разных контекстах и значениях, причем чаще всего значение слова не проясняется. Наглядным примером можно считать упомянутый доклад Агентства социальных технологий «Политех» и Института этнологии и антропологии РАН¹⁶⁷.

Во-вторых, подавляющее большинство публикаций опирается на умозрительные соображения, но не на анализ реальных практик. В частности, за единичными исключениями тексты, написанные правоведами, рассматривают только действующее законодательство и общетеоретические вопросы равенства, при этом авторы затрудняются привести примеры, иллюстрирующие практику. За скобки этого суждения, разумеется, нужно вынести публикации, анализирующие зарубежный опыт или

Общественная палата РФ (<http://www.oprf.ru/publications/documents/resolutions/1572>).

¹⁶⁶ Межэтническая нетерпимость: причины и факторы распространения. Аналитический доклад. 22 апреля 2009 года // Общественная палата РФ (<http://www.oprf.ru/files/researchsvanidze.doc>).

¹⁶⁷ Там же.

рассматривающие противодействие насильственным преступлениям и языку вражды.

На общем фоне здравостью и сбалансированностью суждений выгодно выделяется несколько публикаций экономистов. Единственная пока в России монография, специально рассматривающая феномены дискриминации с точки зрения экономической науки¹⁶⁸, посвящена анализу институциональных основ трудовой дискриминации. К сожалению, автор, как и все другие, кто обращается к этой теме, не располагает достаточным эмпирическим материалом, позволяющим достоверно судить о реальном поведении агентов рынка, и рассмотрение ограничивается предположениями, опирающимися на экспертные опросы и анализ статистики вместе с объявлениями о трудовых вакансиях.

Третьим значимым обстоятельством является изолированный характер каждой публикации: ни одна не вызывает заметной реакции и не становится началом дискуссии.

Одна из наиболее полных и детальных онлайн-библиографических баз данных по праву, политике и социальным наукам — каталог Российской парламентской библиотеки¹⁶⁹ — на 1 декабря 2011 г. содержала 427 научных статей, которые были выпущены на русском языке в России с 1994 года и которые обнаруживаются по ключевому слову «дискриминация». Из них 127 так или иначе касались равенства или дискриминации на основе расы и этничности¹⁷⁰. Остальные были посвящены общетеоретическим вопросам равенства, дискриминации в морском и коммерческом праве, а также дискриминации по другим, помимо этничности и расы, основаниям (преимущественно гендерным и возрастным). Из 127 статей, связанных с этничностью, 85 затрагивали происходящее за пределами России; соответственно 41 относилась к этническим русским или «соотечественникам» за рубежом, преимущественно в странах Балтии. Остальные 44 статьи так или иначе описывали внутрисоветские проблемы; только 13 из них были посвящены вопросам соблюдения прав индивидов и их правовой защиты от дискриминации. Другие категории выглядят следующим образом: 24 затрагивали позиции определенных этнических групп или более широкие проблемы «межнациональных отношений» (в том числе — семь статей о русских внутри России); три

¹⁶⁸ Стуken Т.Ю. Указ.соч.

¹⁶⁹ Парламентская библиотека Российской Федерации (<http://parlib.duma.gov.ru/ru/>).

¹⁷⁰ Посчитано автором по данным, приведенным на сайте Парламентской библиотеки Российской Федерации (<http://parlib.duma.gov.ru/ru/catalogues/catalogueart.php>).

были посвящены историческим вопросам, и еще три — языку вражды и «экстремизму».

Отдельные правозащитные организации и исследователи используют термин «дискриминация» для того, чтобы популяризовать стратегии борьбы с расизмом, разработанные в Северной Америке и в Европейском Союзе¹⁷¹, или предложить материалы о дискриминации для преподавания правовых дисциплин¹⁷². Однако за этими начинаниями не следует сколько-нибудь заметной публичной реакции, в том числе со стороны представителей государства.

Собственно дискриминацией занимаются только единицы правозащитных организаций; основные области приложения сил — помощь уязвимым группам и пропаганда толерантности. К примеру, Московское бюро по правам человека (МБПЧ)¹⁷³ в своих материалах аттестует себя как организация, занимающаяся противодействием этнической дискриминации, но на деле все справочные материалы, заявления и форматы работы с заявителями оказываются нацеленными на язык вражды и этническое насилие.

Как уже упоминалось выше, несколько проектов неправительственных организаций были нацелены на стратегические тяжбы против этнической дискриминации, но эти проекты практически завершились неудачей, не встретив значимого отклика со стороны предполагаемых жертв дискриминации или профессиональных сообществ.

Первый проект, начавшийся по инициативе и при поддержке Правовой инициативы открытого общества (Open Society Justice Initiative), проводился в жизнь в 2003—2006 годы совместно двумя ведущими правозащитными организациями — Правозащитным центром «Мемориал» и Московской Хельсинкской группой¹⁷⁴. Проект предусматривал тщательное изучение индивидуальных жалоб и дальнейший отбор перспективных дел,

¹⁷¹ Борьба с дискриминацией в России: основные направления деятельности для юристов и активистов правозащитного движения. М.: Юристы, 2004; Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: судебная практика и методология доказывания. М.: Юристы, 2005.

¹⁷² Защита личности от дискриминации. Программа учебного курса. М.: РИО «Новая юстиция», 2008; Защита личности от дискриминации, методические рекомендации для преподавателя. М.: РИО «Новая юстиция», 2009; Защита личности от дискриминации (в трех томах). Хрестоматия. М.: РИО «Новая юстиция», 2009; Создание правовой среды для защиты от дискриминации по признакам этнической принадлежности, пола и возраста. Концепции развития российского законодательства. М.: РИО «Новая юстиция», 2011.

¹⁷³ См. сайт МБПЧ (<http://www.antirasizm.ru>).

¹⁷⁴ См. подробнее на сайте МХГ: Деятельность. Правовые программы // МХГ (<http://www.mhg.ru/work/14447BC>).

позволяющих оспаривать в суде именно этническую дискриминацию, а не просто восстанавливать нарушенные конкретные права. Ожидалось, что соответствующие жалобы могут исходить от людей, обращающихся за правовой помощью в несколько десятков приемных двух организаций в примерно 60 регионах РФ. Однако, во-первых, юристы, работающие в обеих сетях приемных, продемонстрировали невысокий интерес к проекту и предложенным стратегиям; во-вторых, очень немногие из пострадавших заявляли о дискриминации. Более того, три из пяти отобранных дел касались скорее насилия на этнической почве, чем обыденной дискриминации. В целом же, ни по одному делу не удалось добиться позитивного результата в смысле судебного признания дискриминации.

Похожий результат был получен в 2007–2008 годах московским Центром социально-трудовых прав¹⁷⁵, который искал случаи дискриминации по различным основаниям в области трудоустройства и трудовых отношений. Лишь отдельные из обратившихся людей, которые пострадали от нарушений, были готовы требовать компенсации за дискриминацию, но даже и в таком случае они не могли представить необходимой доказательной базы. ЦСТП продолжает мониторинг дискриминации и работу с людьми, готовыми защищать себя правовыми средствами от дискриминации, однако основной проблемой становится невозможность заявить на основании имеющегося законодательства какие-либо значимые для истца и реально исполнимые требования, кроме признания судом самого факта дискриминации. Надо добавить, что случаи дискриминации по этническому признаку в поле зрения Центра практически не попадали, наиболее распространенными оказывались жалобы на дискриминацию по признакам возраста, пола и места жительства (точнее, регистрации).

Санкт-Петербургский Антидискриминационный центр «Мемориал»¹⁷⁶, который в основном защищает права цыган и трудовых мигрантов, долгое время по существу уделял основное внимание социальной интеграции цыган и оказанию общей правовой помощи, в первую очередь — жертвам милицейского насилия. Начиная с 2007 года центр ведет несколько дел, связанных со сносом цыганских домов и сегрегацией в школах. Подача исков по подобным вопросам встречают сильное сопротивление судов; несмотря на несколько выигранных дел, судить о действенности выбранных стратегий пока сложно.

Наконец, неправительственные организации, представляющие коренные народы и меньшинства, крайне редко прибегают к терминам

¹⁷⁵ Нет дискриминации! // Всё о трудовых правах (<http://trudprava.ru/?1453>).

¹⁷⁶ АДЦ «Мемориал» (<http://www.memorial.spb.ru>).

«равенство» и «дискриминация» в своих декларациях и заявлениях. Уставы таких ведущих организаций, как Союз армян России, Всероссийский азербайджанский конгресс или Российская ассоциация малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, содержат отсылки к защите прав лиц, относящихся к этим группам, но не к необходимости борьбы против дискриминации и за равноправие. Едва ли не единственным исключением остается построенная по принципу коалиции Ассамблея народов России (АНР), которая была образована в 1998 году несколькими отставными государственными чиновниками и долгое время фактически находилась под патронажем государства. АНР упоминает равноправие и недискриминацию как ценности, которые она защищает, в своих Платформе и Хартии¹⁷⁷, но организация ничего не сделала, что воплотить эти задачи на практике; кроме того, после 2007 года АНР как общероссийская организация в основном свернула деятельность.

Прочие случаи обращения этнических организаций к термину «дискриминация» единичны. Всетатарский общественный центр однажды выпустил заявление, где назвал 4 ноября — официальный день национального единства в России — «днем дискриминации нерусских народов»¹⁷⁸. Время от времени балкарские организации в Кабардино-Балкарии проводят акции и выпускают доклады, протестуя против дискриминации балкарского народа, под каковой дискриминацией в конечном счете понимают множество проблем — от административного устройства и развития балкарских территорий до этнического представительства в органах власти¹⁷⁹. Эти и другие примеры показывают, что понятие рассматривается как общая отрицательная характеристика тех или иных мер или политики властей в целом, а определенный и неизменный смысл в него не вкладывается.

¹⁷⁷ Платформа Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» // Ассамблея народов России. 1999. 8 июля (<http://www.anrg.ru/Ustav/Platforma.htm>); Хартия Ассамблеи народов России // Ассамблея народов России. 2000. 8 июня (<http://www.anrg.ru/Ustav/Hartia.htm>).

¹⁷⁸ Сергеев С. Республика Татарстан в 2006-м году // Московский Центр Карнеги (<http://monitoring.carnegie.ru/wp-content/uploads/2007/08/2006-december-tatarstan-sergeev-sergey.doc>).

¹⁷⁹ Аналитическая справка. Положение балкарского народа в Кабардино-Балкарской Республике: источники проблем и пути их преодоления. Подготовлено аналитической группой Совета Старейшин балкарского народа КБР. Ноябрь 2006 г. (<http://www.balkaria.info/public/ssbn/2006-11-20.htm>). Сайт [balkaria.info](http://www.balkaria.info) заблокирован. Сейчас доступно по адресу: <http://web.archive.org/web/20080628232748/http://www.balkaria.info/public/ssbn/2006-11-20.htm>.

Глава 6. Ксенофобия и агрессия

Даже на поверхностный взгляд тема крайних проявлений нетерпимости — насилия по этническим мотивам и языка вражды¹⁸⁰ — количественно доминирует во всем массиве публикаций, затрагивающих этнические проблемы. СМИ, исследователи и даже официальные лица регулярно высказываются об инцидентах, связанных с насилием и публичными враждебными высказываниями против этнически «других».

Если посмотреть из более широкой перспективы, то можно уточнить, что, во-первых, в этих высказываниях доминирует тема агрессивной ксенофобии вообще, а не только крайностей, связанных с насилием или пропагандой насилия; во-вторых, ксенофобия и крайние проявления обсуждаются в разных тематических рамках, как минимум в двух основных — радикализма (будем по возможности избегать слова «экстремизм») и «конфликтов»; в-третьих, приоритетное внимание уделяется идейным основаниям ксенофобии и соответствующим ментальным состояниям индивидов, в основном их мотивации. Причины того, что именно на эти вопросы, как правило, обращено внимание с разных сторон — исследователей, государственных чиновников, прессы, гражданских активистов — различны и в основном понятны. Главная и лежащая на поверхности: соответствующие явления и проблемы вполне реальны и производят сильное впечатление.

Память о массовых насильственных столкновениях конца 1980-х — начала 1990-х на советской периферии отражена в прессе, литературе и, вероятно, продолжает влиять на восприятие и элит, и масс. С другой стороны, угроза расового насилия стала частью повседневности, и это впечатление поддерживается почти ежедневными сообщениями СМИ. Многие эксперты и просто обыватели вполне могут проецировать угрозу уличного насилия на себя лично или людей своего круга; сообщения о нестабильности на Кавказе, стычках и погромах в отдельных городах (как в Кондопоге в сентябре 2006 года) и деятельности националистов в других регионах заставляют всерьез относиться к перспективе массовых насильственных конфликтов.

Наблюдатели давно отмечали общий рост числа насильственных преступлений и других проявлений ксенофобии. Так, по данным Инфор-

мационно-аналитического центра «Сова», в 2005 году по стране (кроме Северного Кавказа) жертвами нападений по мотивам расовой ненависти стал 468 человек (из них 49 были убиты), в 2007-м — 716 и 93, в 2008-м — 615 и 116. На протяжении ряда лет до 2009 года росло не только количество преступлений, но их жестокость и уровень организованности. Наметившийся в 2009 году спад организованного расистского насилия (соответствующие данные по 2011 году — 178 и 23), в основном благодаря деятельности полиции¹⁸¹, полного успокоения пока не вносит. Несмотря на всю более активную деятельность правоохранительных органов против группировок крайнего толка, по-прежнему можно говорить о существовании активного и разветвленного праворадикального подполья.

Общий фон способствует тревожному восприятию. Опросы общественного мнения обычно фиксируют высокий уровень этнической и религиозной нетерпимости; так, по данным всероссийского опроса, проводимого «Левада-центром», в 1998 году число опрошенных, которые так или иначе поддерживали лозунг «Россия — для русских», составило 46 %, в 2011 году — 59 %¹⁸²; в промежутке этот показатель в основном колебался в пределах 55–58 %. Многие отмечают отмену большого числа прежних табу в принятом нормативном языке. Выражения враждебности к иным этническим группам стали вполне обычными в политическом истеблишменте¹⁸³ и в массовой прессе, прежде считавшейся респектабельной. Более того, все, скажем так, коммуникативное и интеллектуальное пространство буквально пронизано если не прямо враждебностью к этнически «другим», то идеями и речевыми конструкциями, изображающими «других» в качестве источника проблем и угроз. Например, уже считается хорошим тоном, когда люди, не проводящие конкретных исследований и вообще далекие от тем миграции и меньшинств, берутся рассуждать о «диаспорах» и «этнических общинах» как изолированных социальных анклавах, враждебных окружающему населению и становящихся базой криминального бизнеса¹⁸⁴.

¹⁸¹ По годовым обзорным докладам центра «Сова», размещенным на сайте организации (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/>); см. также: Верховский А., Кожевникова Г. Призрак Манежной площади: Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2010 году // Центр «Сова». 2011. 11 марта (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2011/03/d21140/>).

¹⁸² Общественное мнение — 2011. М.: Левада-Центр, 2012. С. 181.

¹⁸³ Стоит назвать хотя бы знаменитой «письмо 500» с призывом к запрету всех еврейских организаций, подписанное в начале 2005 года в числе прочих 19 депутатами Государственной Думы.

¹⁸⁴ См. например: Дмитриев А. В. Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006; Туровский Р. Принесенные ветром // Политический журнал 2005. № 29.

¹⁸⁰ Выражение «язык вражды» является калькой с английского hate speech и используется уже в русском языке в качестве широкого понятия, призванного охватывать все формы речевой агрессии, и не только то, что можно квалифицировать как уголовно наказуемое возбуждение вражды. См.: Язык мой...: Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО «Центр «Панорама», 2002.

Следует отметить, что причины резко возросшего за последние годы интереса к теме ксенофобии и массовой озабоченности ей, возможно, не так просты, как может показаться на первый взгляд, хотя бы из-за динамики процесса. В 1990-е и начале 2000-х годов существовали все те же явления, что и в настоящее время, но внимание к теме было несравнимо меньшим — кроме правозащитных организаций, почти никто не реагировал на деятельность радикальной прессы и радикальных группировок, а также на локальные стычки и погромы. Масштаб проявлений вражды в 2000-е годы действительно заметно увеличился, но это можно считать только частичным объяснением. Другую часть объяснения следует, вероятно, искать в спросе государства на обсуждение ксенофобии и вражды.

Ниже я не планирую описывать проявления ксенофобии как таковые и общественные реакции на них; на эту тему уже существует обширная литература и множество исследований, которые нет нужды пересказывать. В данном случае важно, как эта тема связана с вопросами равенства. И вопрос отнюдь не выглядит простым.

Терминология, которой обозначают предмет озабоченности, меняется: когда-то по инерции, доставшейся от советской идеологии, преобладало слово «национализм», которым было принято обозначать все плохое в «национальных отношениях». Потом это слово, по выражению В. Малахова, было нормативно разгружено, и ему на смену с подачи государства пришел «экстремизм». Пользуются спросом также «ксенофобия» и малоосмысленная «межэтническая напряженность»; также иногда выплывают «фашизм», «нацизм» и «расизм» (в зависимости от интересов и эрудиции говорящих или пишущих).

Связывать нетерпимость и агрессию, с одной стороны, и неравенства — с другой, можно по чисто формальным основаниям. «Расизм» как широкое понятие охватывает различные идеи, отношения и виды поведения, включая и язык вражды, и насилие, и дискриминацию. Таким образом, расовое насилие и разжигание этнической вражды оказываются в том же контексте, что и нарушение или ограничение равенства. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации в дополнение к запрету собственно дискриминации требует сделать наказуемыми преступления на расовой почве и возбуждение вражды, но не обозначает прямо эти явления как дискриминацию. Соответственно, в настоящее время преступления ненависти и язык вражды уже традиционно рассматриваются как продолжение и как разновидность дискриминационной практики. С другой же стороны, строго говоря, насилие и агрессия могут рассматриваться как проблема с разных сторон и не обязательно как покушение на равенство, но как агрессия и угроза безопасности, или общественному порядку, или групповым правам.

В российских публикациях агрессия на этнической почве крайне редко прямо связывается с равенством и равноправием. Связь в восприятии двух тематических областей, тем не менее, существует, но она носит скорее опосредованный и негативный характер (внимание к ксенофобии уводит в сторону от дискриминации) и проявляется в двух разных измерениях.

Во-первых, тема равенства просто механически тонет в обсуждении крайних проявлений, и фокусировка на крайних проявлениях и на субъективных мотивах ксенофобии искажает перспективу и не оставляет места для осмысления менее громких и заметных проявлений ненасильственной дискриминации. Во-вторых, это искажение перспективы, точнее, появление «слепых пятен» в обсуждениях создает основу для конформистского отношения к сложившемуся положению дел и, соответственно, для пропагандистских манипуляций.

В официальных текстах внимание уделяется почти исключительно «экстремизму», конфликтам и «межнациональной розни». Характерно, что выпущенная Министерством регионального развития РФ в 2007 году (по следам беспорядков в Кондопоге сентября 2006 года) «Инструкция о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений и действиях, направленных на ликвидацию их последствий»¹⁸⁵ вообще ни словом не упоминает проблемы равенства, равноправия и дискриминации.

В академических и медийных публикациях описание и негативная оценка этнической вражды в лучшем случае не позволяют судить о том, видят ли и признают ли авторы в этой связи повестку равного достоинства и равной безопасности людей. Если же нарушение равенства упоминается, то как дополнение проявлениям к крайнего толка. Дискриминация либо обозначается как производное от ксенофобии или/и идей национализма, либо в лучшем случае перечисляется с ними в одном ряду как явление той же природы. Если же дискриминация и затрагивается как отдельный вопрос в публикациях или общественных дискуссиях, посвященных преступлениям ненависти, экстремизму и тому подобным проявлениям, то крайне редко.

Практически все околонучные публицисты, пишущие об этнических проблемах, тоже не выделяют тему равенства, оперируют в основном такими категориями, как «национализм», «ксенофобия», «экстремизм» и «толерантность», и только в этом контексте, через запятую, изредка

¹⁸⁵ Инструкция о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений и действиях, направленных на ликвидацию их последствий. Приложение к приказу Министра от 29 июня 2007 г. № 57 // Министерство регионального развития РФ (<http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/instrukciya.doc?AttachID=1167>).

упоминают дискриминацию¹⁸⁶. Показательна цитата из рекомендации, выпущенной Общественной палатой РФ:

Нетерпимость, экстремизм и основанное на них насилие представляют собой глобальную угрозу для мирной жизни человеческих сообществ и международной стабильности в целом. Распространенными проявлениями этого вызова являются этносепаратистские конфликты, дискриминация меньшинств, агрессия между людьми разных культур и вероисповеданий, деятельность расистских организаций и акты расового насилия, религиозный экстремизм, нетерпимость политических движений и идеологий. Нетерпимость выступает противником многообразия, которое составляет важнейший обогащающий фактор человеческого развития» 187.

Видно, что для авторов дискриминация есть явление однопорядковое с разного рода насильственными проявлениями, но при этом основное внимание уделяется именно крайним формам (конфликтам, агрессии, деятельности расистских организаций, нетерпимости), а слово «дискриминация» помещается в середину этого понятийного ряда без последствий для дальнейшего обсуждения — далее в тексте тема не развивается. Любопытно также, что в качестве ценностей, нуждающихся в защите, оказываются «мирная жизнь», «стабильность» и «разнообразие».

В монографии по юридической проблематике с показательным названием «Расизм» автор Самвел Кочои перечисляет имеющиеся в российской правовой системе соответствующие уголовно-правовые средства противодействия, но при этом совершенно «забывает» даже упомянуть ст. 136 Уголовного кодекса РФ, предусматривающую ответственность за дискриминацию, в том числе по этническому признаку¹⁸⁸. «Расизм»,

¹⁸⁶ Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000. С. 391–406; Абдулатипов Р.Г. Манифест этнонациональной политики Российской Федерации. М.: Классик Стиль, 2007. С. 30–43; Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 112–121; Ачкасов В.А. и др. Ксенофобия в современном мире. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008.

¹⁸⁷ О толерантности и противодействию нетерпимости и экстремизму в российском обществе. Рекомендации Общественной Палаты Российской Федерации. // Общественная палата РФ. 2006. 13 июня (<http://www.oprf.ru/publications/documents/resolutions/1572>).

¹⁸⁸ Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие. М.: Проспект, 2007.

таким образом, ассоциируется исключительно с насилием и возбуждением вражды. Аналогичный перекося можно видеть и в других работах правоведов-криминологов на эту тему¹⁸⁹.

Такое восприятие опирается на интеллектуальную традицию, возникшую задолго до перестройки. Не случайно, в частности, в ст. 74 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года были объединены два состава — нарушение равенства прав и разжигание розни — и все это вместе названо «Нарушением национального равноправия». Причина — в качестве приоритетных ценностей, подлежащих защите, выступают порядок управления и общая стабильность, но не права и достоинство личности.

В публичном пространстве возобладал термин «экстремизм», в основном из-за Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» 2002 года. В формальном смысле, после принятия в июле 2006 года упомянутых выше поправок в закон, ненасильственная дискриминация также считается разновидностью экстремизма. Точнее, после вступления поправок в силу действия, описываемые аналогично дискриминации, как она определяется в ст. 136 УК, включены в определение «экстремистской деятельности», приведенное в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» 2002 года. Экстремизмом признается, в частности, «*нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии*» (в редакции Федерального закона № 148-ФЗ от 27 июля 2006 г.). Закон «О противодействии экстремистской деятельности» в целом направлен на активность иного рода, и данное положение явно не соответствует изначальным намерениям законодателя. С момента включения в закон этого пункта он не применялся на практике. Неожиданные новости пришли в октябре 2011 года из Калужской областной прокуратуры: она вынесла сразу два предписания — касающиеся ограничений на членство в общественной организации по религиозному признаку и дискриминационных объявлений о сдаче жилья внаем¹⁹⁰. Ни до, ни после, ни где бы то ни было подобное еще не наблюдалось, и остается только гадать, что

¹⁸⁹ Кроз М., Ратинова Н. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М.: Academia, 2005; Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика. Учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во РАГС, 2003.

¹⁹⁰ Прокуратура области внесла протест на положения устава областной общественной организации «Калужский казачий округ» Союза казачьих войск России и зарубежья // Прокуратура Калужской области. 2011. 5 октября (<http://prokuror.kaluga.ru/news/4404/>); Перцев А. Квартиры не только для славян // Firstnews.ru. 2011. 7 октября (<http://www.firstnews.ru/news/society/kvartiry-ne-tolko-dlya-slavyan/>).

все это значило. В целом же трудно удивляться тому, что дискриминация не является приоритетом для правоохранительных органов.

Само по себе содержание понятия «экстремизм» и его практические интерпретации — препятствия к тому, чтобы дискриминация стала видимой как социальная проблема. Распространенные толкования экстремизма как проявлений ксенофобии основываются на представлении, что его глубинной причиной является наличие группы девиантов, действующих под влиянием подрывных идей и организаций. Решение проблемы состоит, таким образом, в подавлении активности определенных людей, запрещении подрывных идей, а также в воспитательной работе с их потенциальной аудиторией. Такое представление — это только часть объяснительной рамки для изложения и обоснования того, в чем государство видит проблему и как собирается ее решать. Об остальных частях — ниже.

Помимо этого, практика использования понятия «экстремизм» такова, что оно не может быть приложено к основным публичным институтам и к «нормальной» общественной активности, сколь бы дискриминационными те ни были. «Экстремизм» определяется в законе посредством списка правонарушений, варьирующих от терроризма до политически некорректных высказываний; понятие охватывает все виды вражды по множеству признаков, и при этом преступления и проступки на этнической почве растворяются среди других деяний и потому зачастую игнорируются. Так как «экстремистская деятельность» определяется в законе и в официальной риторике более чем широко, установление того, кто является экстремистом и кто не является, делается исключительно по усмотрению, при этом власти получают возможность обвинить в экстремизме любых оппонентов. В России в официальном словаре «экстремизм» отчасти становится синонимом «оппозиции», и борьба с экстремизмом широко используется для запугивания и подавления неугодных групп или организаций¹⁹¹.

¹⁹¹ См.: Кожевникова Г. Лето 2008: Антиэкстремизм: Реальность и имитация // Центр «Сова». 2008. 21 октября (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/BE56FF0/>); Верховский А. Антиэкстремистское законодательство и его применение // Центр «Сова». 2007. 10 сентября (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/9CCB151/>); Верховский А., Кожевникова Г. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2008 году // Центр «Сова». 2009. 28 марта (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/CB5956B/>); Розальская М. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2010 году // Центр «Сова». 2011. 25 марта (<http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2011/03/d21249/>); Верховский А. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2011 году // Центр «Сова». 2012. 29 марта (<http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2012/03/d24014/>).

Другим обстоятельством, которое в одних случаях описывается как невольное искажение перспективы, а в других — как сознательная пропагандистская манипуляция, является использование подходов, которые можно условно обозначить как конфликтную парадигму. Заносящееся в графу «этнические проблемы» зачастую и преимущественно описывается и интерпретируется в терминах или/и контексте этнического или «межэтнического» конфликта. Вместе с этим термином или вместо него используется также очень близкое по смыслу выражение «межэтнические или межнациональные отношения» и производные от него понятия («состояние межэтнических отношений», «напряженность в межэтнических отношениях» и т.п.). Одно время, во второй половине 1990-х и в начале 2000-х, можно было даже утверждать, что «конфликтология» стала едва ли не доминирующим направлением в российских «этнических» исследованиях.

На деле понятие конфликта при описании любых форм неравенства и агрессии зачастую вытесняет остальные подходы и аналитические перспективы. Понятие «конфликта» предлагает простые и легкие для понимания картины «межэтнических отношений» и возможной роли государства. С этим подходом связан определенный язык, навязывающий тем, кто его использует, логику восприятия и интерпретации наблюдаемого. «Межэтническое или «межобщинное» противостояние якобы вызывается «объективной» логикой и «объективными» факторами. У «этносов» есть объективные интересы, касающиеся распределения власти и ресурсов, включая символический капитал. Если эти интересы не совпадают, начинается противоборство и происходит этническая мобилизация, создающая основу для внешних проявлений конфликта. Масштаб и формы этой мобилизации не имеют значения — все равно сутью конфликта является противодействие этнических интересов и, соответственно, этнических групп.

Этническая конфликтность, вызываемая столкновением «этнических интересов» и внешними манипуляциями, предстает как квазиприродная стихия и с этой точки зрения — как «естественное» или объективно данное состояние этнических отношений. В этом смысле власть в принципе не несет ответственности за возникновение конфликтов. Поскольку этнические конфликты угрожают безопасности общества и государства, последнее обязано принять вызов и заняться укрощением стихии. А необходимость решения этой задачи позволяет оправдывать и обосновывать самые разные вещи.

В частности, власть может развернуть кампанию против неугодной этнической группы, описывая ее не прямо как «враждебную», «нелояльную» или «неприемлемую», а как источник нестабильности. И наоборот, идея конфликта оправдывает бездействие власти, поскольку предусмо-

тренные законом меры (защита людей от угроз и насилия, пресечение деятельности тех или иных радикальных организаций) могут интерпретироваться как фактор возможной дестабилизации. Как вариант, власть изображает себя заложником «воли населения», вовлеченного в конфликт и совершающего противоправные, но в принципе объяснимые и оправданные действия. Тем самым идеологема «предотвращения конфликта» также активно поощряет дискриминационные практики. Конфликтный контекст в целом, вне каких-либо конкретных инцидентов, позволяет уклоняться от действий, направленных на предотвращение дискриминации или защиту меньшинств под предлогом «сохранения баланса»¹⁹².

Важным следствием является также выведение дискриминационной политики (если таковая признается) как своего рода кумулятивного результата массовой ксенофобии или как следование власти массовым настроениям. Эта конструкция всегда умозрительна, не опирается на эмпирические исследования, вступает в противоречие с реалиями, но, тем не менее, пользуется популярностью. Применительно к Краснодарскому краю ее долгое время использовало большинство авторов, описывавших местную политику в отношении меньшинств. Из публикаций, например, М.В. Саввы прямо следовало, что власть в своих действиях просто идет за массовыми ксенофобскими настроениями, вызванными культурными различиями и экономической конкуренцией¹⁹³, самоизоляцией меньшинств¹⁹⁴ и подстрекательской позицией прессы¹⁹⁵. Только в последних по времени публикациях упоминается активная официальная политика, направленная на выталкивание определенных групп из правового поля и стимулирование их отъезда из региона¹⁹⁶. О массовой ксенофобии как детерминанте миграционной политики пишут и эксперты, занимающиеся проблемами Московского региона¹⁹⁷. А В.Г. Стельмах пытался вывести

¹⁹² Подробнее см.: Осипов А.Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейа, 2002. С. 45–69.

¹⁹³ Крицкий Е.В., Савва М.В. Краснодарский край. Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 1998.

¹⁹⁴ Савва М. Интеграция мигрантов в южно-российском регионе // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2003. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 61–74.

¹⁹⁵ Савва М.В. Новые диаспоры Краснодарского края (права, интересы, динамика интеграции и восприятие местным сообществом). Краснодар: ЮРПЦ, 2005.

¹⁹⁶ Савва М.В. Турки-месхетинцы в Краснодарском крае. Исследования. Сборник информационно-методических материалов. Краснодар: ЮРПЦ, 2007.

¹⁹⁷ Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 56–66; Вендина О.И. Культурное разнообразие и «побочные эффекты» этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве. С. 45–147.

из массовой ксенофобии и состояния «конфликта» между москвичами и приезжими «кавказцами» ограничительные и репрессивные меры московских властей после террористических актов 1999 года¹⁹⁸.

Чаще всего эта логика используется при описании и проблематизации миграции¹⁹⁹. «Проблема миграции» описывается в соответствии со следующей логической цепочкой. «Мигранты» выступают для власти и большинства населения как новые претенденты на ограниченные ресурсы. Прибытие мигрантов описывается в терминах, имеющих четкую негативную коннотацию — как «приток» или «наплыв». Приток или наплыв якобы столь велик, что угрожает местной экономике и социальной инфраструктуре:

«...Край [Ставропольский. — А.О.] испытал три мощных миграционных волны вынужденных переселенцев, значительно дестабилизировавших социально-демографический баланс. ... Нерегулируемый поток мигрантов, особенно в небольшие населенные пункты, вызвал перегруженность их инфраструктуры, дестабилизировал товарный рынок, рынок услуг и трудовых ресурсов. В 92-94 гг. такая ситуация вызвала ряд местных, имеющих этническую окраску конфликтов»²⁰⁰.

Самым ярким примером эксплуатации конфликтной парадигмы в пропагандистских целях можно считать опять-таки обращение с месхетинскими турками в Краснодарском крае. Турки не просто не признаны гражданами РФ вопреки закону и лишены целого ряда основных прав, но стали объектом целенаправленной кампании, направленной на то, чтобы вынудить их выехать из края и России в целом. Одно из основных обоснований этой политики, использовавшихся властями и СМИ, заключалось в том, что турки социально и культурно «несовместимы» с окружающим населением и что их отношения с «коренными жителями» или/и «казачеством» могут описываться как «межэтническая напряженность». Делался вывод, что «конфликт» «объективно предопределен» и что его можно сдержать и остановить, удалив турок из региона:

¹⁹⁸ Стельмах В. Москва: «маленький» Кавказ — большие проблемы // Конфликт-Диалог-Сотрудничество. М.: Изд-во МОО Центра стратегических и политических исследований, 1999. № 1. сентябрь-ноябрь (<http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit05.php>).

¹⁹⁹ В качестве яркого примера см.: Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006.

²⁰⁰ Попов С.И. Ставропольский край в системе федеративных отношений на Северном Кавказе // Федерализм: система государственных органов и практический опыт их деятельности. Второе издание. М.: МОНФ, 1998. С. 232–233.

«Особенно острая ситуация складывается в местах компактного расселения турок-мехетинцев, что обусловлено прежде всего крайне слабой адаптацией турок к экономическим и социо-культурным условиям Кубани... Сосредоточение турок преимущественно в восьми районах края, по мнению лидеров местных этнополитических движений, нарушает исторически сложившийся здесь баланс численности национальных групп. Отношения, сложившиеся между турками и местным населением, можно охарактеризовать как конфликтные (потенциально конфликтные). Это вызвано глубокими социокультурными различиями, несоответствием поведенческих стереотипов, экономических ориентаций, жизненных ценностей. Резкое неприятие со стороны местного славянского населения в 1989–1990 гг. вызвала «рыночная» ориентация турок, которые предпочитали не работать в общественном секторе, а заниматься частным ведением сельского хозяйства (животноводством и огородничеством), продажей своей и скупленной продукции. В свою очередь, туркам, как депортированному в сталинскую эпоху народу, свойственно настороженное отношение к местному иноэтничному населению, что воспринимается окружающими как отчужденность и высокомерие»²⁰¹.

«В настоящее время на Кубани проживает не менее 500 тыс. армян, или 10 % населения территории. Переселяются в край и мигранты других национальностей. Так, после ферганских событий 1989 г. здесь осело 13 тыс. мехетинских турок. Зачастую эти и другие группы мигрантов образуют компактные поселенческие массивы. Местную администрацию чрезвычайно беспокоят последствия столь интенсивных миграционных процессов, которые уже сейчас проявляются в учащении случаев конфликтных столкновений на этнической почве (особенно выражено русско-армянское противостояние) и в ухудшении в крае криминальной обстановки»²⁰².

Конфликтная парадигма оказывается при этом хорошо совместимой с рассуждениями, задаваемыми термином «экстремизм». «Экстремизм» может быть представлен и как результат деятельности девиантов, но одновременно или при необходимости отдельно — как крайний результат экономической конкуренции или вражды между этническими группами, вызванной культурными различиями. Даже В. Путин называл неконтро-

²⁰¹ Крицкий Е.В., Савва М.В. Указ. соч. С. 26, 36.

²⁰² Миграция и безопасность в России. М.: Московский Центр Карнеги. М.: Интердиалект+, 2000. С. 173.

лируемую миграцию и неадекватную миграционную политику прошлого причиной этнической вражды и экстремизма²⁰³.

Темы экстремизма и конфликтов находят продолжение в теме «толерантности». В России это слово вошло в широкий обиход в значительной степени благодаря Федеральной целевой программе по формированию установок толерантного сознания и профилактике экстремизма в российском обществе на 2001–2005 гг.²⁰⁴, а также проводившимся на ее основе региональным и местным программам и проектам. В принципе, толерантность может пониматься широко, не только как отстраненность от этнически и культурно «другого», но как восприятие культурного, этнического и религиозного разнообразия как ценности и активное продвижение этого восприятия в практику.

На деле, в академических публикациях²⁰⁵ и в практической политике преобладает другой подход, основанный на обсуждении индивидуальной ментальности и индивидуального поведения. Проблематизация особенностей сознания и поведения означает выведение институциональных проблем за скобки. Например, сотрудник милиции останавливает людей, которые выглядят как «кавказцы», и проверяет у них документы со всеми вытекающими последствиями не из-за личных антипатий или особенностей воспитания. Если разговор идет о «культуре» сотрудников милиции и при этом «забывается» паспортная система в целом, то это равнозначно обоснованию того, что в системе ничего не нужно менять. Есть и еще один аспект: в нынешнем исполнении пропаганда толерантности вполне гармонирует с привычными представлениями о том, что общество разделено по этническим линиям и в окружающих надо видеть прежде всего представителей той или иной этнической группы. Пропаганда толерантности зачастую сводится к своеобразному «этнографическому ликбезу»²⁰⁶.

²⁰³ Владимир Путин. Стенограмма пресс-конференции с российскими и иностранными журналистами. 1 февраля 2007 г. // Президент России (http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/01/1219_type63380type63381type82634_117588.shtml).

²⁰⁴ Утверждена Постановлением Правительства РФ № 629 от 25 августа 2001 г., но досрочно прекращена в мае 2004 года.

²⁰⁵ Среди наглядных образов: Демина Н. Москва слезам не верит: межэтнические проблемы мегаполиса // Полит.ру. 2006. 10 ноября (<http://www.polit.ru/science/2006/11/10/etnos.html>).

²⁰⁶ Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия. М.: Изд-во Рос.ун-та дружбы народов, 2003; Социальное согласие и толерантность в современном мире. Вып. 1–2. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2002.

Все эти тенденции закономерно приводят к общей нечувствительности к дискриминирующему языку или дискриминационным действиям, которые затруднительно квалифицировать в терминах вражды и агрессии. Соответственно, такие проявления по умолчанию признаются нормой, а ограничения и исключения, продиктованные соображениями борьбы с преступностью, обеспечения безопасности, сохранения стабильности, обосновываются и воспринимаются как абсолютно законные и справедливые.

В официальных или официозных текстах осуждение ксенофобии и «экстремизма» легко может сочетаться или с умалчиванием политики, ведущей к изоляции или социальному исключению тех или иных этнических групп, или с ее оправданием. Показательно, что в регионах, которые заработали репутацию наиболее склонных поощрять дискриминацию, власти уделяют большое внимание «пропаганде толерантности» и «борьбе с экстремизмом»; такова ситуация в Краснодарском и Ставропольском краях, Москве, Кабардино-Балкарской Республике и некоторых других регионах. Эксперты, рассматривающие вражду и нетерпимость как проблему, оказываются вполне терпимыми к «управлению национальными процессами», означающему репрессивное давление на те или иные группы²⁰⁷.

Слово «ксенофобия» оказывает всем дурную услугу. «Фобия» буквально означает страх или ненависть, и многие пишущие о том, что можно квалифицировать как дискриминацию, обращают внимание только на мотивы, связанные с субъективной враждебностью или идеологией, имеющей агрессивную направленность. Практический смысл такого избирательного восприятия в том, что все инвективы против нетерпимости, предубеждений и ксенофобии оказываются направленными в пустоту. Реальные виновники дискриминации, если они руководствуются вполне рациональными и прагматичными мотивами, не допускают, видимо, и субъективно, и в риторике, обращенной вовне, что их поведение имеет что-то общее с расизмом. Если дискриминация — продукт предрассудков и иррациональных эмоций, то избирательность, продиктованная интересами бизнеса или обеспечения безопасности, выглядит как правомерное поведение.

Между тем дискриминация зачастую имеет вполне рациональные мотивы в том смысле, что такое поведение основывается на стереотипах

²⁰⁷ Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации. Формирование и управление. Северо-Кавказский регион. Ростов н/Д., Пятигорск: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2002; Вынужденные мигранты на Северном Кавказе. М.: ООО «Фирма Инфограф», 1997. С. 12; Хоперская Л. Регулирование миграционных процессов на Северном Кавказе // Вынужденные мигранты и государство. М. ИЭА РАН, 1998, С. 125, 126; Карсанова Е.С. Регулирование трудовой миграции как фактор этнополитической стабильности в регионе // Управление мегаполисом. 2010. № 4. С. 67–72.

восприятия, которые всегда выступают способом принятия решений при отсутствии полной информации об окружающих²⁰⁸. В частности, этническая принадлежность может восприниматься как маркер профессиональной, лингвистической или иной социальной некомпетентности и потому быть фактором, влияющим на избирательность в отношении к людям; в свою очередь, люди в своих стратегиях на рынке труда или услуг предпочитают те отрасли, профессии и учреждения, где предположительно минимальна вероятность дискриминации²⁰⁹. Возможны также корреляции: особенности поведения, связанные с опытом социализации человека, приписываемого к меньшинству, могут накладываться на стереотипы профессиональной или коммуникативной «нормальности»²¹⁰.

Разговоры о нетерпимости и вражде имеют еще одно малозаметное следствие. Люди, в том числе продвинутые авторы, редко вспоминают о том, что разного рода репрессии по этническому признаку вплоть до геноцида — это часто результат не активного проявления массовых фобий, а массовых невмешательства и равнодушия. Группы, которые объявили помехой нормальной жизни, чаще всего подавляет или уничтожает отлаженная и рационально организованная репрессивная машина. Взгляды и настроения как исполнителей, так и прочего населения к делу отношения не имеют, а вопрос о моральной ответственности просто исчезает между отчуждением от жертв и технической ответственностью исполнителей за исполнение отдельных функций в рамках легально установленного порядка.

Буквальное и ограниченное понимание ксенофобии свойственно, разумеется, не всем российским авторам. Более того, можно говорить о значительных достижениях в изучении и описании дискурсов, которые можно обозначить как расистские или, выражаясь мягче, этнически асимметричные. Многие авторы отмечают градуализм того, что обозначается как язык вражды, и потому неполную адекватность термина, поскольку во многих речевых проявлениях нет в буквальном смысле вражды и агрессии. Многие признают ограниченность термина «язык вражды» и вводят расширенное описательное определение процесса формирования стереотипов²¹¹. То, как формируются стереотипы и как те или иные этнические группы начинают описываться как проблема сами

²⁰⁸ Loury G. The Anatomy of Racial Inequality.

²⁰⁹ Стукен Т.Ю. Указ. соч. С. 59–89; Гуриев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 2-е изд., доп. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. С. 132–135.

²¹⁰ Jenkins R. Op. cit. P. 238–241.

²¹¹ Язык мой...

по себе, детально проанализировано на примере научных публикаций²¹². Исследования на эту тему касались также средств массовой информации²¹³; правда, пока в основном обойдена вниманием массовая культура, в особенности беллетристика. Однако внимание к деталям свойственно узкому кругу исследователей. Более широкая публика получает или некритическое толкование понятий «ксенофобия» и «экстремизм», или пропагандистские манипуляции.

При этом даже среди специалистов «рациональная» дискриминация практически не обсуждается, и почти не обсуждаются механизмы производства здравого смысла, ведущего к дискриминационному восприятию. Ресурсы тратятся на риторику против ксенофобии, что не помогает понять, как формируется общественное сознание в целом и что стоит за мотивациями избирательного отношения к людям.

Одним из следствий становится отсутствие интереса к связи между актами речи и действиями, а также действиями и состоянием, точнее, между этими областями заранее постулируется причинно-следственная связь. Нередко те или иные текстуальные конструкции или акты речи, исходящие от государственных органов или их представителей, можно считать дискриминационными по направленности, но по меньшей мере требуется доказывание того, что отраженные в текстах описания, оценки и интенции находят воплощение в действиях и в результатах действий. В частности, значительная часть официальных текстов, выпущенных властями Краснодарского края и упоминающая турок-месхетинцев, не содержала определенных предписаний, и нет признаков, указывающих на то, что это тексты мотивировали чью-либо деятельность²¹⁴. В подобных случаях уместна упоминавшаяся конструкция, используемая в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации — «имеющих целью». Действительно, достаточно часто можно наблюдать акты речи или иные практики, которые составляют дискриминацию, условно говоря, в формальном смысле. Иными словами, они содержат описания и оценки, в том числе оправдывающие то или иное поведение, но не оставляют возможности доказать непосредственную причинно-следственную связь между ними и практической деятельностью²¹⁵.

²¹² Там же; Шнирельман В. Лукавые цифры и обманчивые теории: о некоторых современных подходах к изучению мигрантов // Вестник Евразии. 2008. № 2. 125–150.

²¹³ Малькова В.К. Полиэтническая Москва в начале нового тысячелетия: Как видит и показывает ее столичная пресса. М.: ИЭА РАН, 2007; она же. Не допускается разжигания межнациональной розни. Книга об этнической журналистике. М., 2007.

²¹⁴ Осипов А. Российская Федерация: превратности официального статуса // Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция. СПб.: Алетейя. 2007. С. 296–335.

²¹⁵ Можно привести пример противоположного рода, также демонстрирующий

В итоге, вместе с проявлениями крайнего толка, то есть разными формами агрессии, узнаются и распознаются только крайнего же толка агрессивные мотивации. Иное, то есть избирательное обращение в менее очевидных формах и не основанное на активной неприязни или ксенофобии, а также «мягкие» этнические стереотипы, остаются невидимыми или признаются по умолчанию как допустимые в качестве социальной инженерии под шапкой «управления этническими процессами».

отсутствие прямой связи между официальными дискурсами и поведением властных структур. В Москве во время чрезвычайного положения, введенного после столкновений 3–4 октября 1993 г., милиция вела «проверку паспортного режима» и активно использовала полномочия по депортации из города тех, кто не имел московской регистрации. Сами события и заявления властей не имели этнической подоплеки, но на деле задерживали и высылали из Москвы преимущественно «инаковыглядающих» — выходцев с Кавказа. Размах депортаций был беспрецедентным, и высылке подверглись более девяти тысяч человек (см.: Нарушения прав человека в ходе осуществления режима чрезвычайного положения в Москве в период с середины 4 октября до 18 октября 1993 г. Доклад Правозащитного Центра «Мемориал» // ПЦ «Мемориал». 1994. Апрель (<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/moscow93/index.htm>)). В сентябре-октябре 1999 года, после взрывов двух жилых домов московская власть прямо заявила о принятии чрезвычайных мер против неугодных категорий населения и обозначило эти категории в географических (по сути этнических) терминах (см.: Стельмах В.В. Указ.соч.). Однако размах проверок и репрессивных мер был гораздо скромнее, чем в 1993 году, а депортации реально не проводились (см.: Вахнина Л.В., Ганнушкина С.А., Гефтер В.М., Осипов А.Г., Черепова О.И. Дискриминация по этническому признаку и признаку и признаку места жительства в московском регионе. Август-декабрь 1999 года. М.: Звенья, 2000).

Глава 7. Многонациональность и многокультурность

Если рассмотреть российские научные и околонучные публикации по этническим проблемам (как раньше бы сказали, «по национальному вопросу») в совокупности, то окажется, что чаще всего равенство по этническому признаку упоминается в связи с «многонациональностью» страны. Россия описывается как сообщество наций и этнических групп, которые в принципе равноценны и равны между собой. Такие суждения опираются на признание в Преамбуле Конституции РФ принципа «равноправия и самоопределения народов». Конституции некоторых субъектов Федерации тоже содержат декларации о символическом равенстве и паритетном развитии разных групп²¹⁶. Символическое равенство разных этнических групп подчеркивается также в законодательстве; например, Закон РФ 1991 года «О языках народов Российской Федерации» декларирует «равенство прав всех языков народов РФ», понимая при этом языки как атрибут определенных этнических групп.

Подобное говорение и писание о коллективных общностях и их правах к жизни простых граждан и вообще к практически значимым проблемам прямого отношения не имеет. Производит этот дискурс достаточно специфическая среда. В России существует система подготовки и переподготовки чиновников — Российская академия государственной службы при Президенте РФ и множество той же направленности региональных академий; в этой системе в числе прочих есть специализация по специальности «Государственное и муниципальное управление», а в этих рамках — кафедры управления межэтническими отношениями (названия варьируют, но сути дела это не меняет). Люди, стремящиеся получить в этой системе ученые степени (что несложно), а также преподавательский состав формально обязаны иметь определенное количество научных публикаций. К этой, количественно преобладающей, публике добавляются преподаватели, аспиранты и соискатели из других вузов, специализирующиеся в политических науках и конституционном праве. Комментирование принципа «равноправия и самоопределения народов», записанного в Преамбуле Конституции РФ, а также в этой связи «права народов на самоопределение» является очень простым, необременительным и не требующим ни специальных познаний, ни исследований занятием, поэтому писания на подобные темы выпускаются в промышленных масштабах.

²¹⁶ Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел лететь с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М.: ЦИМО, 2000. С. 165–167.

Современные авторы, пишущие на эти темы, используют разные риторические приемы и обороты речи: чаще всего говорится о равенстве «народов» в самоопределении, которое реализуется в разных формах, иногда — в праве на развитие, иногда — в праве на представительство и участие государственных делах²¹⁷.

«Одной из основ федеративного устройства России, указанной в ч. 3 ст. 5 Конституции, являются равноправие и самоопределение проживающих в ней народов ... Отношение к принципу равноправия народов, проживающих на территории России, долгое время было далеко не однозначным, поскольку народы серьезно различались прежде всего по их принадлежности (или непринадлежности) к титульной нации, т.е. к нации, давшей имя какому-либо конкретному государственному образованию в составе Федерации. Со своей стороны, федеральные государственные органы предприняли ряд мер, направленных на защиту самосознания [sic! — А.О.] народов России. В связи с этим надо отметить Федеральный закон от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии» и Концепцию национальной государственной политики Российской Федерации, одобренную Указом Президента от 15 июня 1996 г. В итоге можно констатировать, что в Российской Федерации все народы имеют равные права на самореализацию и самоопределение. Каждый народ вправе самостоятельно и без чье-либо вмешательства определять пути своего развития в рамках, установленных Конституцией России. Федеральные законы, законы субъектов Федерации создают для этого правовые основания»²¹⁸.

Говорить о том, что такие суждения — продукт исключительно российской современности, не совсем верно; традиция заложена гораздо раньше. Советский официоз всегда любил упражнения на темы самоопределения, а в конце 1940-х годов теоретики-государствоведы придумали концепцию троичности суверенитета и в этих рамках — «национального суверенитета». Точнее было бы назвать это идеей этнического суверенитета, поскольку нация понималась ими в этническом смысле. Суть концепции в том, что суверенитет имеет три ипостаси — государственный, народный и нацио-

²¹⁷ Полный набор типовых клише и речевых оборотов подобной направленности можно найти, например, здесь: Зорин В.Ю. Национальная политика в России: История, проблемы, перспектива. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2003. С. 222–257.

²¹⁸ Медведев Н.П. Политическая регионалистика. Учебное пособие. М.: Альфа-М, 2005. С. 125.

нальный суверенитет. Государственный суверенитет произведен от воли народа, или народного суверенитета, а народный суверенитет поглощает в себе суверенитет «нации» в смысле этнической общности или «наций и народностей», если речь идет о многонациональной стране. Таким образом, каждая этническая группа в своем роде суверенна и реализует свой суверенитет в разных формах самоопределения; в случае СССР — входя в состав многонационального государства и получая (или не получая) те или иные формы государственности или автономии. Идея троичности суверенитета дожила до настоящего времени и периодически встречается в публикациях, посвященных теории федерализма или государства и права вообще²¹⁹.

В начале 1990-х годов получили популярность еще и идеи в духе power-sharing — перехода к «паритету» разных этнических групп на уровне «национальных» республик, чтобы избежать монополизации власти и собственности одной этнической группой²²⁰. Идея «паритета» была даже включена в Послание Президента РФ Федеральному Собранию 1994 года²²¹. Примерно в том же русле лежат периодически озвучиваемые идеи о представительстве всех этнических групп в какой-нибудь специальной палате; самое известное предложение из этого ряда — Ассамблея народов России, упомянутая даже в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 года.

Вся эта демагогия прямых практических последствий не имеет²²², но имеет два косвенных, почему ее приходится здесь упоминать.

Во-первых, признание и утверждение символического равенства всех этнических групп плавно перерастает в выстраивание их символической «справедливой» иерархии. В свою очередь, нарушение равенства в этом контексте понимается как помещение тех или иных этнических групп на неподобающее их рангу место. Все это, как показывает практика, реально

²¹⁹ См.: Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М.: Норма, 2001. С. 227–230; Кормасова К. Конституционные основы Российского Федерализма и общенациональная идея России. Ростов н/Д.: Издательство Института управления, бизнеса и права, 2002. С. 70–71, 102–103, 154, 164–167; Федерализм: Теория. Институты. Отношения (Сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. С. 82; Макеев В.В., Артикуленко Т.А. Российский федерализм в концепции государственной национальной политики Российской Федерации // Философия права. 2005. № 1. С. 37.

²²⁰ Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике, XX в. М.: Московский рабочий, 1993. С. 145–151.

²²¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1994. С. 49–51.

²²² Надо отметить, что «паритет» был закреплен законодательно в Адыгее (до начала 2000-х годов) и в Дагестане (дожил до середины 2000-х); эффекты от таких решений — предмет отдельного разговора.

занимает людей, отнимая у них время и энергию. В России это подтверждается и результатами проводящихся массовых интервью и опросов.

«В одинаковых условиях города или деревни в одном субъекте Федерации русские и народы, дающие название республикам, так же как и в областях, например русские и татары в Оренбуржье, отличаются по своим формальным социальным параметрам несущественно. Но в представлениях о богатстве, доступе к власти, престиже этнической общности, дающие название республикам, выделяются преимуществами в глазах респондентов. Эти преимущества осознаются практически всеми этническими группами как результат изменения их политического положения в результате демократизации и нового статуса республик. Титульными национальностями доминирование в республиканских органах власти интерпретируется как возмещение их недопредставленности в федеральных органах власти, где в результате мажоритарной избирательной системы они никогда не смогут в силу своей численности иметь представительство, достаточное, чтобы влиять на законодательную практику или правительственные решения. В республиках русские при декларированных демократических процедурах выборов не получают достаточного представительства. Политическая сфера — главное поле, где и русские в республиках, и титульные национальности в Федерации ощущают свое неравенство. Для русских это новое неравенство, для титульных национальностей — старое в новом варианте, когда в Федерации ситуация не меняется, но в республике принципиально изменилась»²²³.

Но подобное — не только российский феномен. Практически во всех современных интерпретациях социальное равенство выступает синонимом основанного на учете различий «справедливого», а не одинакового обращения. Требование равного обращения с индивидами в самых разных контекстах теряется на фоне широкой озабоченности распределением символических статусов и ресурсов между группами.

Советская власть на символическом уровне, с одной стороны, давала понять, что, в конечном счете, все этнические общности являются составной частью государственности (и тем самым оказываются условно равными), с другой — выстраивала систему разного уровня статусов с

²²³ Социальное неравенство этнических групп. С. 464–465.

учетом разных параметров и соображений²²⁴. «Лесенка» «национально-государственных» образований — от союзных республик до автономных округов — давала повод критиковать Советскую власть за создание иерархии этнических групп, обладавших государственностью или автономией разных уровней (или таковых вообще не имевших), а значит, якобы имевших разный объем прав и возможностей. Насколько символический статус территориальных единиц реально влиял на права и возможности их жителей — отдельный большой вопрос, но на накале критики вплоть до настоящего времени он не сказывается.

Этот подход прослеживается и в наше время: несколько урезанное «национально-государственное устройство» в России дополнено «национально-культурной автономией». Еще в начале 1990 годов НКА стала комментироваться как средство, позволяющее делать этнические группы, «не имеющие» «своей» государственности, субъектами самоопределения и полноправными участниками национальной политики в стране²²⁵.

Борьба за «справедливый» символический порядок разворачивалась вокруг тех же НКА, а также вокруг идеи меньшинств. И это уже имеет практическое значение, поскольку следствием стало некоторое урезание прав и возможностей «автономий» и людей, желающих такие создать (выше об этом уже говорилось). Идея НКА никак не утверждает иерархию, но следует принимать в расчет сложившие конвенции употребления терминов. В Восточной и Центральной Европе понятия «культурная» или «персональная автономия» уже длительное время ассоциируется с меньшинствами²²⁶. Проще говоря, «коренным нациям» полагается «своя» государственность, а «некоренные» меньшинства должны удовлетворяться культурной автономией без претензий на территорию.

Подобные же представления — что НКА предназначена только для «некоренных» этнических групп, — как оказалось, возникли и в России, и не совсем на пустом месте

²²⁴ Connor W. The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1984. P. 208–220.

²²⁵ Дробужева Л.М. Завоевания демократии и этнонациональные проблемы России (что может и чего не может дать демократизация) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 2. С. 22; Паин Э.А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004. С. 169; Савельев В.В. Национально-культурная автономия как форма этнокультурного самоопределения народов России: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 37–38.

²²⁶ Lapidoth R. *Autonomy: Flexible Solutions to Ethnic Conflicts*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1997. P. 37; Mihalikova S. *The Hungarian Minority in Slovakia: Conflict over Autonomy* // *Managing Diversity in Plural Societies*. Nepean, Ont.: Forum Eastern Europe, 1998. P. 160.

Основы законодательства РФ о культуре 1992 года связывают НКА исключительно, а Концепция государственной национальной политики Российской Федерации 1996 года — преимущественно с меньшинствами и малочисленными народами. В 1995 году первый правительственный проект федерального закона об НКА признавал нетерриториальную автономию только для меньшинств, под которыми понимались группы, не относившиеся к большинству и к «титულным» национальностям. В Думе эта идея была отклонена, и закон об НКА до ноября 2003 года не содержал никаких ограничений круга этнических групп, от имени которых могут создаваться автономии.

Однако с конца 1990-х годов представители власти резко негативно отзывались о появлении местных и региональных НКА, выступавших от имени «титулных» этнических групп в соответствующих субъектах Федерации²²⁷ (таковых было всего две — местная бурятская НКА в Бурятии и отделение федеральной карачаевской НКА в Карачаево-Черкесии). В то же время резкой критике подвергалась идея русских НКА. В РФ было создано несколько региональных и местных НКА от имени русских, причем преимущественно в русских по составу населения регионах, но в 1999–2001 годы власти под произвольным предлогом не допустили регистрации федеральной русской НКА²²⁸.

В 2003 году Правительство РФ добились возврата идеи меньшинств в закон об НКА, и с тех пор НКА могут быть созданы только от имени «*этнических общностей, находящихся в ситуации национального меньшинства*», причем законодательство не определяет признаки такой «ситуации». Обоснование звучало примерно следующим образом: «титулные» этнические группы и группы в ситуации большинства «имеют» «свои собственные» субъекты Федерации или местные органы власти, и параллельное осуществление права на нетерриториальную автономию было бы отступлением от принципов равенства²²⁹. «Титульные» национальности и национальности, находящиеся в большинстве, для этнокультурного развития могут использовать «свою» государственность и «свои» органы власти; поэтому

²²⁷ Зорин В.Ю. *Дневник не для себя*. Кн. 2. Страсти Охотного ряда. М.: Виоланта, 1999. С. 428.

²²⁸ Кузнецов М. Дискриминация // *Независимая газета*. 2001. 8 февраля.

²²⁹ Интервью автора с А.В. Поздняковым, советником Департамента регионального развития аппарата Правительства РФ, в прошлом сотрудника Министерства по делам национальностей РФ. Москва, 16 марта 2004 г. Министр РФ В.Ю. Зорин при обсуждении в Государственной Думе на втором чтении поправок к Закону об НКА 27 сентября 2002 г. подобным же образом изложил доводы Правительства: «Субъектами права на создание НКА становятся не все, а только те этнические группы, которые испытывают объективные трудности в решении своих национально-культурных задач, и этим определяется предмет или сфера действия данного закона» (<http://transcript.duma.gov.ru/node/1640/>).

статус, связанный с НКА, предоставляется только меньшинствам, но не «государствообразующим» народам. И никто не задал вопрос, почему власти решили, что если этническая группа составляет арифметическое большинство на некоей территории или считается «титульной», то это автоматически снимает все проблемы, связанные с языком, культурой и образованием, а также делает ненужной гражданскую самоорганизацию. Правда, большинство уже созданных к тому времени от имени местных большинств «автономий» не было лишено регистрации.

В неприятии идеи русской НКА и НКА «титульных» национальностей с государством были едины активисты меньшинств и эксперты²³⁰, хотя государственное финансирование НКА было несущественным, а русские НКА не получали от государства фактически ничего. Вопрос, от имени каких этнических групп должны, а каких не должны создаваться НКА, и академических экспертов занимает гораздо больше, чем практические проблемы, связанные с функционированием таких организаций²³¹. Сами активисты русских националистических организаций, создававшие НКА, рассматривали это как политическую акцию — как возможность показать, что русские в России находятся, во-первых, фактически на положении меньшинства, во-вторых, ущемлены по сравнению с настоящими меньшинствами, которые могут создавать свои национальные организации и получать на них финансирование. Интересно, что официальные власти, похоже, рассуждали точно так же и принимали эту аргументацию за чистую монету, только стремились такую демонстрацию предотвратить. И подобным же образом рассуждали многие эксперты — о том, например, что создание русских НКА будет началом отчуждения русских от государства²³².

²³⁰ Елеонский В.О. Елеонский В.О. Совершенствование законодательства Российской Федерации о защите национальных меньшинств // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран: Материалы научной конференции. Москва, 27–28 апреля 2000 г. М.: МГУ, 2001. С. 162; Хабриева Т.Я. Проблемы совершенствования законодательства о национально-культурной автономии в Российской Федерации // там же. С. 149; Чурбаков А.В. Национально-территориальное и национально-культурное самоопределение: соотношение понятий // Государственно-правовые основы обеспечения безопасности в Российской Федерации. СПб.: СПб. Академия МВД, 1999. С. 74–75.

²³¹ Обзор приведен в: Осипов А.Г. Национально-культурная... С. 242–249.

²³² Савельев В.В. Указ. соч. С. 43–44.

***

От символического признания этнических групп через проблемы НКА уместно перейти к теме многокультурности и взаимосвязям понятий «культура» и «равенство». В общем плане речь пойдет о культурализации социального — стремлении выдать социальные отношения за феномен, детерминированный культурой, и, соответственно, объяснить эти отношения в терминах культуры и культурных различий и как последствия этого феномена.

Одна из связующих нитей «культуры» и «равенства» — утверждение, что культурализация социального есть предпосылка, инструмент или основа дискриминации, и критика так называемого культурного расизма. Этот термин возник после того, как начиная со второй половины 1960-х годов в западных странах описание различий в терминах биологического происхождения и «расы» стало замещаться или дополняться другой объяснительной моделью, основанной на категории «культура» и стремлении представить неравенство и социальные барьеры как продукты культурных различий и потому как «естественные» феномены.

Как говорилось выше, в России в масс-медийном, обыденном и даже академическом дискурсе можно найти много объяснений, основанных на том, что социальное неравенство на самом деле есть культурный дефицит (неумение или нежелание «вести себя» с соответствии с «традициями окружающих») и что ксенофобия и насилие — это следствие культурного конфликта. В частности, миграция давно обсуждается в терминах культурной адаптации или, наоборот, культурных дистанций²³³. Подобные подходы не остаются незамеченными и чаще всего описываются как мягкие формы языка вражды²³⁴. Только некоторые авторы увязывают (правда, в основном риторически, а не аналитически) культурализацию с дискриминирующими практиками²³⁵.

²³³ Дмитриев А.В. Указ. соч.; Мукомель В.И. Миграционная политика России. С. 216–219.

²³⁴ Петров В.Н. Этнические мигранты и полиэтничная принимающая сторона: проблемы толерантности // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 84–91; Язык мой...

²³⁵ Малахов В. Этнизация феномена миграции; он же. Настоящее и будущее национальной политики в России // Прогнозис. 2006. № 3. С. 144–159; Осипов А.Г. Конструирование этнического конфликта; Шнирельман В. Лукавые цифры...; он же. Ксенофобия, новый расизм и пути их преодоления // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 6–19; он же. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия // Язык вражды против общества. М.: Центр «Сова», 2007. С. 107–149.

Но к области формирования или оправдания дискриминационных практик прилегает и такая проблема, как подмена повестки — вытеснение темы равенства и дискриминации вопросами культуры, межкультурного диалога или культурного развития. Иногда этот процесс носит спонтанный характер, иногда выглядит как осознанная пропагандистская манипуляция.

Использование категории «культура» в познавательном плане часто становится своего рода отмычкой, универсальным способом снять множество содержательных вопросов. Самый простой и очевидный эффект — это использование многими правительствами лозунгов этнокультурного развития меньшинств и иммигрантов для того, чтобы вынести за скобки вопросы доступа к основным правам и участия в социальной и политической жизни.

Культурализация этничности выглядит в первую очередь как средство ее деполитизации, а понятие «культурное» нередко используется как синоним неполитического. Этот прием — отвести меньшинствам такую область деятельности, где они не затрагивали бы основы власти и общественного устройства, — довольно стар, используется властями во многих странах и часто оказывается вполне эффективным. Только такая активность меньшинств, которая связана с культурой (часто в фольклорно-этнографическом понимании), признается и поощряется государством. Политикой и экономикой распоряжаются другие; при этом иные проблемы людей, относимых к меньшинству, такие, как дискриминация и социальная маргинализация, обходятся молчанием или описываются как продукт культурной специфики.

Такие подходы часто отражаются в дискуссиях и практических решениях, маркируемых словом «мультикультурализм», когда проблематика, связанная с этнической или тому подобной неоднородностью населения, артикулируется в терминах культурных различий и по определению подразумевает сосуществование нескольких и разных культур. В подобных видах культурализация социального знака жителям России давно.

Официальная «национальная» политика в СССР была во многом культуроцентричной и направленной не только на социально-экономическое развитие разных территорий и групп и выравнивание условий, в которых они находились, но и на ускоренное формирование «национальных культур» (разумеется, в виде, подходящем для коммунистического строительства)²³⁶. Соответственно, в официальной риторике было много отсылок к культурным особенностям разных национальностей и к ценности национальных культур. Поощрение этнического и культурного

²³⁶ Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. С. 288.

партикуляризма дает основания называть СССР «страной победившего мультикультурализма»²³⁷, как выразился В. Воронков. Хотя в настоящее время в российской публицистике нет отбоя от желающих пнуть чуждый России и якобы обанкротившийся западный мультикультурализм²³⁸, к современной России определение В. Воронкова подходит в еще большей степени. Именно в России кодирование социальных проблем, связанных с этническими различиями, в терминах культуры (в чем и заключается суть мультикультурализма) проходит наиболее успешно, а кроме того, в 2000-е годы советский дискурс многонациональности (то есть признания этнических групп как политических единиц) заметно уступает место «многокультурности» (что отражается, например, в замене выражения «национальная политика» словосочетанием «этнокультурная политика»²³⁹).

Чтобы понять, как этнические проблемы в России признаются и обсуждаются в основном в той части, которую можно изобразить как вопросы культуры, достаточно заглянуть в любую региональную концепцию или программу «совершенствования межэтнических отношений», где обсуждаются почти исключительно контакты между властями и организациями меньшинств и культурно-просветительской деятельности. На практике официальные власти всех уровней реально содействуют в разных формах исключительно активности этнических меньшинств в области культуры (понимаемой в основном в фольклорно-этнографическом ключе), организуют и спонсируют мероприятия, призванные содействовать «межкультурному диалогу», и так или иначе поддерживают организации этнокультурной направленности. Вопрос, имеет ли эта деятельность отношение к повседневной жизни людей и к тем проблемам, с которыми они сталкиваются, носит в значительной степени риторический характер.

Межкультурный диалог — своего рода позитивные предложения в ответ на постановку проблем в терминах межкультурного конфликта. Говорить о какой-либо целостной и последовательной программе не приходится — скорее мы имеем дело с набором риторических приемов. Проблемы воспринимаются как следствие конфликта между группами как таковыми, а конфликт вытекает или из невозможности пользоваться своим культурным капиталом, или из ложного восприятия культурных различий. Поскольку «культура» группы воспринимается как безусловно

²³⁷ Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН, Институт философии РАН, 2002. С. 39.

²³⁸ См. например: Ирина Орлова: «Полный провал концепции мультикультурализма» // Российская Федерация сегодня. 2011. № 4. С. 38–39.

²³⁹ Зорин В.Ю. Национальная политика в России.

позитивная ценность, суть предложений сводится к преодолении сбоев в социальной коммуникации. Отсюда — интерес к фольклорно-просветительской деятельности, улучшающей самочувствие и повышающей лояльность групп к существующему порядку, и стремление содействовать их, групп, положительной репрезентации и диалогу.

«Поддержка этнокультурного развития народов России, наряду с укреплением гражданского единства российской нации, составляет две ключевые цели реализации государственной национальной политики. ... Государственная поддержка этнических традиций и культур народов Российской Федерации является основным фактором устойчивого развития общества в этнокультурной сфере, реализации его духовного потенциала, сохранения и укрепления общероссийской гражданской идентичности»²⁴⁰.

Группоцентристское восприятие подводит к тому, что агентами процесса и участниками диалога выступают «представители» групп, как правило, лидеры формальных, чаще всего культурно-просветительских, организаций. Вопрос о том, как подобное времяпрепровождение лидеров и активистов влияет на повседневность обычных людей, опять-таки не задается и не обсуждается. В какие формы отливается «межкультурный диалог» в российской действительности, хорошо известно и подробно описано²⁴¹. Особенно интересно наблюдать организуемый государством «межкультурный диалог» со спикерами тех групп, которые подвергаются репрессивному давлению. К примеру, демонстративное поощрение властями культурно-просветительской деятельности грузинских активистов в Сочи уже второй десяток лет прекрасно сочетается с тем, что значительная часть грузинского населения города (а это в значительной степени — беженцы из Абхазии) лишена легального статуса и основных гражданских прав²⁴².

²⁴⁰ Доклад Государственного Совета Российской Федерации о мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе // Министерство регионального развития РФ. 2011. 11 февраля (http://minregion.ru/activities/interethnic_relations/national_policy/505/902.html).

²⁴¹ Например: Динамика и современное состояние национальных отношений (информ.-аналит. материал Аналит. Упр. Совета Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации) // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2008. № 5. С. 56–63.

²⁴² Положение беженцев из Абхазии в Краснодарском крае. Декабрь 2000 г. Доклад Правозащитного центра «Мемориал» // ПЦ «Мемориал» (<http://www.memo.ru/hr/discrim/ver1/index.htm>).

«Российские власти принимают необходимые усилия по улучшению положения цыган в Российской Федерации. В настоящее время официально зарегистрировано 17 цыганских общественных объединений и 7 национально-культурных автономий (НКА). В рамках имеющихся возможностей органы исполнительной власти всех уровней оказывают им финансовую, организационную и иную поддержку»²⁴³ (и ни слова не говорится о социальной интеграции или защите прав цыган. — А.О.)».

В этих рамках просто не находится места повестке равенства и недискриминации. Публично в связи с «национальной политикой» обсуждают проблемы «конфликтов», языка вражды и «экстремизма». Концепция национальной политики Российской Федерации 1996 года (формально основной официальный концептуальный документ, относящийся к этничности) несколько раз упоминает в разных формах недопустимость ограничения прав граждан (но не дискриминацию) и никак эти словесные формулы не развивает. Региональные концепции и программы «национальной политики», как правило, воспроизводят клише федеральной Концепции.

Исключения единичны и подтверждают правило. Например, две действовавшие последовательно программы гармонизации межэтнических отношений в Пермской области и в Пермском крае на 2004–2008 годы и в Пермском крае на 2009–2013 годы²⁴⁴ содержат термин «дискриминация», но, несмотря на наличие большого по объему теоретического раздела, эту категорию не разъясняют, а ни одно практическое мероприятие этих программ не имеет прямого отношения к равенству.

Все позитивные предложения по части улучшения «межнациональных отношений», выдвинутые высшими должностными лицами РФ, в том числе В.В. Путиным, сводились все к тому же: к необходимости улучшения межкультурной коммуникации (с акцентом на необходимость «уважения

²⁴³ Зорин В.Ю. Национальная политика в России: История, проблемы, перспектива. М.: РИЦ ИСПИ РАН (МРОО содействия демократическим реформам «Мобилизация и развитие», 2003. С. 267–268.

²⁴⁴ Постановление Законодательного Собрания Пермской области от 17 апреля 2003 г. № 757 «О Концепции Областной целевой комплексной программы развития и гармонизации национальных отношений народов Пермской области на 2004–2008 годы» и Постановление Законодательного Собрания Пермского края от 20 ноября 2008 г. № 1155 «О Концепции Краевой целевой программы развития и гармонизации национальных отношений народов Пермского края на 2009–2013 годы»; тексты получены в Законодательном Собрании Пермского края.

традиций и обычаев местного населения»), изоляции и преследования радикалов, а также почему-то к ужесточению паспортного режима²⁴⁵.

По существу же этнокультурные проекты и позитивная репрезентация «многонациональности», с одной стороны, и дискриминационные практики (или попустительство им, или их поощрение) — с другой, не противоречат друг другу логически, совместимы также политически и организационно, поскольку предполагают разного рода деятельность с разными объектами приложения усилий. Возможно совмещение разных, не противоречащих друг другу стратегий, оправдывающих исключение нежелательных или проблемных групп с одновременной позитивной репрезентацией культурного плюрализма в целом или отдельных групп-фаворитов. В частности, «охранная» стратегия в отношении «коренного населения», противопоставляемого «мигрантам»²⁴⁶, в разных комбинациях может соединяться с этнической категоризацией и «мигрантов», и общества в целом. Впрочем, описанием и критикой того, как повестка равенства подменяется повесткой культурного производства, занимаются только отдельные авторы²⁴⁷.

В России тема равенства по этническому признаку часто возникает в паре с понятием «развитие». Идея «национального» (в этническом смысле) «развития» присутствует в российской Конституции (пункт «е» ст. 71). Практически все региональные «концепции» и «программы» по «межнациональным отношениям», так же как и федеральная Концепция национальной политики 1996 года, основываются на этом понятии и провозглашают необходимость создания подходящих «условий для развития национальностей». Иногда появляется и понятие «равенства в развитии». К примеру, оно провозглашается в ряде региональных «концепций» национальной политики.

При Советской власти последнее обозначало политику инвестиций в географическую и этническую периферию в целях социальной трансформации и для выравнивания экономических условий²⁴⁸; в настоящее время понятие лишилось содержания — в новых условиях у государства нет ни мотивов, ни ресурсов делать то же, что и раньше. Но термин «развитие» часто используется с определениями «культурное» и «этнокультурное» во множестве концепций и программ этнической политики, и можно

²⁴⁵ Уважение или регистрация // Интерфакс. 2010. 21 декабря (<http://interfax.ru/print.asp?sec=1446&id=170269>); Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

²⁴⁶ Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН, Институт философии РАН, 2002. С. 173–191.

²⁴⁷ Малахов В.С. Настоящее и будущее национальной политики.

²⁴⁸ Connor W. Op. cit. P. 208–220.

наткнуться даже на такой курьез, как «создание условий для равного развития этнических общностей»²⁴⁹.

В президентском Послании Федеральному Собранию РФ 1994 года проводилась цепочка суждений следующего содержания: есть проблема неравноправия по этническому признаку — эта проблема возникает там, где отдельные национальности узурпируют доступ к власти и ресурсам, — поэтому нужен этнический плюрализм и паритет групп — для этого нужно создавать условия для самостоятельного развития национальностей — для этого нужно поддерживать их самоорганизацию, создание и деятельность культурных обществ.

«Множество национальных проблем порождено противоречивостью двух изначально заложенных в основу государственного устройства Российской Федерации принципов: национально-территориального и административно-территориального. ... Неконституционно, а потому недопустимо разделение жителей на представителей так называемых “коренных” и “некоренных” национальностей. ... Ни одна этническая группа не может обладать исключительным правом контроля над территорией, институтами власти и ресурсами. Равенство прав обуславливает необходимость принятия согласованных решений, учитывающих интересы различных национальных групп. Целостность государства в значительной мере базируется на поддержании единства гражданского общества и сохранении многообразия его этнических компонентов. Вот почему жизненно необходима демократическая национальная политика. Она должна быть направлена на решение следующих наиболее актуальных вопросов: ...

- защита прав граждан и образуемых ими этнических, религиозных и языковых сообществ;

- национально-культурное развитие народов Российской Федерации;

- предотвращение и урегулирование межнациональных конфликтов. Прежде всего государство обязано создать условия, позволяющие представителям различных национальностей самостоятельно определять и реализовывать свои социальные и культурные цели, образовывать ассоциации, объединения и другие институты граждан-

²⁴⁹ Содержится более чем в десяти региональных «концепциях» национальной политики, например, Республики Саха, Удмуртии, Волгоградской, Свердловской и Челябинской областей, Ямало-Ненецкого автономного округа.

данского общества. В экономике это означает прежде всего свободу предпринимательства, равные права на собственность для граждан всех национальностей. В политике — поддержание разнообразных форм самоуправления национальных групп. Самоорганизация этнических общностей, не имеющих своих национально-территориальных образований на территории Российской Федерации или проживающих за пределами таких образований, возможна в различных формах национально-культурной автономии.

В то же время нельзя отрицать наличия ряда проблем, с которыми сталкиваются русские. ... По отношению к ним применимы те же основные принципы демократической национальной политики:

- национальный паритет с другими народами на территории всех субъектов Федерации, в частности равенство в использовании родного языка в официальных отношениях, общественной и культурной жизни;

- право на этнокультурную самоорганизацию, например путем создания регионально-культурных ассоциаций на территориях, где русские находятся в меньшинстве;

- государственная поддержка программ возрождения регионального многообразия русской национальной культуры и, разумеется, русских переселенцев»²⁵⁰.

В усеченном виде подобные соображения прослеживаются также в Послании 1995 года²⁵¹ и других официальных текстах вплоть до настоящего времени, например, в выступлении заместителя председателя Комитета по делам культуры Государственной Думы РФ С.С. Журовой:

«Сегодня принцип создания равных возможностей и условий для развития всех культур в государственной национальной политике Российской Федерации становится ведущим. Ведь мы должны сделать так, чтобы любой представитель самой малочисленной национальности чувствовал себя в России комфортно и мог бы сказать, что это моя страна, что это мой родной дом. ... В настоящее время национально-культурную автономию можно рассмотреть как одну из форм внутригосударственного само-

²⁵⁰ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1994. С. 49–51.

²⁵¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1995. С. 82.

определения народов России, а также как механизм сохранения целостности государства и позитивный потенциал дальнейшего развития его внутреннего этнического многообразия. ... Очевидно, что в настоящее время национально-культурная автономия выглядит практически единственным способом решения различных, в том числе межнациональных противоречий, накопившихся в российском обществе, причиной которых, конечно, являются экономические и политические факторы. Среди них: нерешенность территориальных споров, дискриминация представителей некоренных национальностей, обострение межрелигиозных отношений, борьба национальных элит за власть, а также и внешнеполитические факторы. ... Всё больше происходит объективная трансформация национального вопроса в культуру...»²⁵²

Не лишены интереса теоретические поиски законодательной власти. В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О национально-культурной автономии» (1996) можно прочесть, что среди целей закона — «создание условий для равноправного развития всех этнических групп»²⁵³. Между тем закон касается только учреждения и функционирования общественных объединений на этнической основе с крайне ограниченными правами.

В 1999–2005 годах в Думе рассматривался законопроект «Об уполномоченном по правам народов в Российской Федерации» (проект № 99037902-2), в котором говорилось о «равенстве народов перед законом» и об их «правах на развитие», а равноправие индивидов было упомянуто несколькими словами. Проекты закона «Об основах национальной политики Российской Федерации» (название основного проекта менялось по ходу), как внесенные (проект № 369190-3), так и не внесенные²⁵⁴ в Думу начиная с 2003 года, тоже не говорили о защите от дискриминации, но среди основных направлений «национальной политики» называли «равноправие народов» и обеспечение условий для их развития.

²⁵² Стенограмма «круглого стола» Комитета Государственной Думы по культуре 23 марта 2009 года // Государственная Дума РФ (http://www.duma.gov.ru/cult-tur/news/23_04_2009.htm).

²⁵³ Архив Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Ф. 10100. Оп. 24п-II. Д. 8. Л. 75.

²⁵⁴ Авторский текст Р.Г. Абдулатипова, не получивший статуса законопроекта, см.: Абдулатипов Р.Г. Этнонациональная политика в Российской Федерации: концепции, практика, реализация, перспективы. Москва: Классикс Стиль, 2007. С. 223–248.

Показателен также проект концепции национальной политики РФ, составленный сотрудником Министерства регионального развития РФ А.М. Журавским в 2005 году²⁵⁵: внимание в нем уделено «межнациональным отношениям», этнокультурному развитию и борьбе с экстремизмом, но равенство и недискриминация не упоминаются вообще. В наиболее пространственных официальных документах последнего времени, посвященных этническим проблемам²⁵⁶, делаются отсылки к плохим межнациональным отношениям, неважному самочувствию русского народа, этнокультурному развитию национальностей и борьбе с экстремизмом, но тема равенства и защиты прав граждан остается только обозначенной в нескольких словах.

Понятие «культурного развития» и равенства в этом развитии не чуждо и большинству экспертов, в том числе причастным в прошлом или в настоящем к выработке государственной этнической политики — таким как бывший министр по делам национальностей и член Совета Федерации Р.Г. Абдулатипов²⁵⁷ или бывший заместитель руководителя аппарата Комитета по делам национальностей Государственной Думы РФ Ю.Д. Дубровин²⁵⁸.

Зонтичная неправительственная организация, которая претендовала на роль лидирующей коалиции этнических объединений, Ассамблея народов России, также использовала эту концепцию в своей Платформе:

*«Приоритетными направлениями своего участия в законотворческой работе в современных условиях Ассамблея считает:
- разработку проектов законодательных актов, гарантирующие свободное и гармоничное развитие народов России; ...*

²⁵⁵ Проект Концепции Федеральной целевой программы «Этнокультурное развитие регионов России (2006–2008 гг.)» / Министерство регионального развития Российской Федерации, 2005. Главный разработчик и куратор — А.В. Журавский // Религиозная безопасность России (<http://www.stolica.narod.ru/vra/zhur/001.htm>).

²⁵⁶ Доклад Государственного Совета Российской Федерации о мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе // Министерство регионального развития РФ. 2011. 11 февраля (http://minregion.ru/activities/interethnic_relations/national_policy/505/902.html); Виктор Басаргин [министр регионального развития РФ] о мерах по гармонизации межнациональных отношений и созданию условий для этнокультурного развития народов Российской Федерации. 6 июля 2011 г. г. Москва // Министерство регионального развития РФ. 2011. 6 июля (http://minregion.ru/press_office/terms/1455.html).

²⁵⁷ Абдулатипов Р.Г. Этнонациональная политика. С. 163–165.

²⁵⁸ Дубровин Ю.Д., Туник Г.А. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовые аспекты. М.: Гос. Дума, 2002; они же. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовые аспекты // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 5. С. 6–7.

- проекты законодательных актов или изменений в конституции республик, уставы областей, обеспечивающие культурный плюрализм, равенство в языковом и культурном развитии, доступ к политической власти всех национальностей, живущих на территории субъектов Федерации...»²⁵⁹

В сумме, идея «равенства в этнокультурном развитии» выглядит как аппендикс уже описанного выше основного компонента российской «национальной политики» — содействия фольклорно-просветительской активности в совокупности с поддержанием «межкультурного диалога».

Россия по части обращения с понятиями «равенство» и «культура» отличается от стран Европы и Северной Америки тем, что в ней остается совершенно невостребованной тема «этнокультурной предвзятости» публичных институтов. Имеются виду представления о том, что никакое государство не является нейтральным в этнокультурном отношении, то есть воспроизводит культуру доминирующей группы и выражает ее интересы, тем самым автоматически ущемляя остальных. Этот тезис, запущенный в обращение политическими философами с коммуитаристскими симпатиями²⁶⁰, приобрел на Западе широкую популярность среди ученых и общественных активистов. Как следствие, появился новый набор аргументов о необходимости создания для меньшинств особо благоприятного режима, призванного компенсировать неравенство. В России тема встречается только в виде изолированных упоминаний в отдельных публикациях²⁶¹. В единичных случаях приводится мнение, что идея гражданской нации и равноправия всех граждан равнозначна доминированию русских и, соответственно, подавлению других народов²⁶². Иногда этот

²⁵⁹ Платформа Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» // Ассамблея народов России. 1999. 8 июля (<http://www.anrorg.ru/Ustav/Platforma.htm>).

²⁶⁰ Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995; Taylor Ch. The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1994. P. 25–73; Young I. Op. cit.

²⁶¹ Кахриманов А.М. Антиномия прав человека и коллективных прав: концептуальный аспект. М., 2008. С. 7–44; Напсо М.Б. Европейский взгляд на проблему защиты этнонациональных интересов и национальной идентичности: к вопросу о продвижении коллективных прав этнических общностей // Современное право. 2009. № 6. С. 122–126; Тэпс Д. Проблемы национального самоопределения в условиях реформирования российского федерализма. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2005. С. 58.

²⁶² Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000. С. 161.

тезис принимает форму суждения о том, что массовое сознание именно подобным образом воспринимает «деэтнизацию» политики в России²⁶³.

В не очень многочисленных научных публикациях, где затрагивается тема культуры и равенства, развивается, в общем, не новый, заимствованный у ряда западных авторов тезис, что защита *культурных* особенностей меньшинства посредством *особого* обращения преследует цель обеспечения его, меньшинства, *фактического* равенства с большинством²⁶⁴. Такое суждение изначально лукаво: доступ на рынок труда, к жилью, образованию и прочим услугам заведомо не может иметь прямого отношения к охране культурных различий, а обеспечение равного положения маргинальных языков и культур по сравнению с языком и культурой большинства является в принципе невыполнимой задачей.

Как и в западных странах, в России, хоть и узком кругу, оказывается популярным подход, который заключается в том, что равенство основных прав индивидов, относящихся к большинству и меньшинству (или к «большим» и «малым» народам), является необходимым, но недостаточным условием истинного равенства. Настоящее равенство возможно только при условии, если люди получают возможность сохранять и развивать свою идентичность в рамках «своей» группы²⁶⁵. Можно даже встретить суждения, что защита идентичности групп — это и есть борьба с дискриминацией²⁶⁶. Соответственно, оказывается, что требуется обеспечивать возможность *«равноправного и гармоничного развития и сосуществования с остальной частью населения»*²⁶⁷, а для этого необходимо наличие у меньшинства собственных институтов²⁶⁸, особые схемы распределения

²⁶³ Цуциев А.А. Указ. соч.

²⁶⁴ Tully J. Introduction // *Multinational Democracies*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2001. P. 1–33; Gagnon A.-G. The moral foundation of asymmetrical federalism: a normative exploration of the case of Quebec and Canada // *Ibid.* P. 319–337; Arshi Khan. Minority Rights and Liberal Neutrality: Identity Consciousness and Marginalisation of the Minority Groups // *Nation and Minorities: India's Plural Society and its Constituents*. New Delhi: Kanishka Publishers Distributors, 2002. P. 30–58.

²⁶⁵ Блищенко И.П., Абашидзе А.Х. Международная защита прав национальных меньшинств. М.: Издательство РУДН, 1993. С. 6, 119–122; Витрук Н. Права национальных меньшинств в Российской Федерации // *Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия*. М.: Юристъ, 2001. С. 71–72; Елеонский В.О. Указ. соч. С. 165–166; Карапетян Л.М. Указ. соч. С. 255.

²⁶⁶ Бжеников Р. Национальный вопрос в эпоху глобализации: правовой аспект // *Философия права*. 2006. № 3. С. 88–91.

²⁶⁷ Андриченко Л.В. Право национальных меньшинств на культурно-национальную автономию // *Расы и народы*. М., 1997. Вып. 24. С. 100.

²⁶⁸ Она же. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных

ресурсов и разное обращение с людьми в связи с их этнической принадлежностью, компенсирующее изначальное неравенство групп²⁶⁹.

***

Было бы ошибкой считать все упражнения на тему символического признания равенства этнических групп как политических единиц, равенства в культурном развитии или межкультурного диалога простой демагогией, не имеющей отношения к жизненным реалиям. Все эти подходы и риторические конструкции, взятые в совокупности с «противодействием экстремизму», «предотвращением конфликтов» и «развитием», во-первых, задают общую рамку обсуждения, позволяющую избежать неудобных вопросов и тем, во-вторых, связывают и ограничивают возможности всех участников обсуждения. Предложенная объяснительная рамка очень гибка и дает много возможностей в зависимости от ситуации. При необходимости «борьбой с экстремизмом» можно оправдать практически любые репрессивные и ограничительные меры. Фокус на индивидуальном мышлении и поведении в антиэкстремистской деятельности и в развитии толерантности позволяет игнорировать все проблемы структурного характера и в опросы о качестве управления. Тема конфликтов позволяет не допускать обсуждения ответственности государства и, опять же, оправдывать репрессивные меры, коль скоро конфликт можно изобразить как спонтанный непреодолимый процесс. Концентрация внимания на вопросах культуры и межкультурном диалоге дает возможность занять этнических активистов и экспертов и хороша еще тем, что не затрагивает чувствительных вопросов и не требует больших затрат. Как показывает практика, и этнические активисты, и эксперты не имеют другого языка и других средств самовыражения и всегда следуют предложенной повестке и предложенному протоколу коммуникации. В любом случае в этой повестке нет места неудобным вопросам, касающимся проблем, с которыми сталкиваются члены тех или иных этнических групп в обычной жизни, и вопросам о полноценном участии этих людей в жизни общества.

малочисленных народов в Российской Федерации : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.02 / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. Москва, 2005. С. 26.

²⁶⁹ Мнацаканян М.О. Национализм и глобализм: национальная жизнь в современном мире. Изд. 2-е, стер. М.: Анкил, 2009. С. 305–307; Смирнова С.К. Права народов в мультиэтничном государстве: путь России. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 4–31.

Глава 8. Структурные неравенства

Прекращение организованной и явной дискриминации не ведет автоматически к прекращению воспроизводства и к исчезновению диспропорций между этническими группами, но именно эти диспропорции часто рассматриваются или как индикатор дискриминации, или сами по себе как проблема, которую допустимо обозначать словом «дискриминация». Вместе с тем при исчезновении открытых, массовых и тем более организованных практик дискриминации действует соблазн распространить старые представления и объяснительные схемы на новую реальность. Социальные диспропорции между расовыми или этническими группами нередко оказываются устойчивыми, воспроизводятся на протяжении поколений — и требуются приемлемые объяснения этого. Предположение, что дискриминация является причиной неравенств, перетекает в приравнивание неравенств к дискриминации. Тогда появляются категории «институционального», «системного» или «структурного»²⁷⁰ «расизма», охватывающие все процессы и практики, сохраняющие неравенство независимо от целей и мотивов людей, участвующих в этих отношениях. В конечном счете, по этой логике, расистскими можно считать любые практики, независимо от форм и стоящих за ними субъективных мотивов, поскольку все они так или иначе воспроизводят сложившиеся отношения и могут быть определены как неспособность и нежелание общества преодолеть «расизм». Между спонтанной стратификацией и диспропорциями, фиксируемыми внешним наблюдателем, и осознанным поведением ставится знак равенства. В качестве неправомерного оценивается неспособность (или нежелание) общества обратиться к проблеме структурных неравенств, и это состояние описывается с помощью термина «пассивная дискриминация»²⁷¹.

Проявляется ли в России интерпретация (не)равенств как «баланса» этнических групп, их «прав» и доступных им ресурсов? Для предположения, что такой подход должен пользоваться популярностью, есть веские основания. Прежде всего, общим местом стало признание того,

²⁷⁰ Эти три термина, хотя часто используются как полные и взаимозаменяемые синонимы, не вполне тождественны по истории возникновения, значению и контекстам употребления; однако в данном случае эти различия несущественны и не нуждаются в комментировании.

²⁷¹ Arnard ttir O.M. Op. cit. P. 95–121.

что эссенциалистское понимание этничности доминирует не только в российских социальных науках, но и в обществе в целом. Иными словами, этничность видится как сущностная и неизменная характеристика индивида и человеческих коллективов. В коллективных образованиях и в статистических категориях видят социальные субъекты, в частности, субъекты конфликта. Действиям разных агентов и их мотивации, спонтанным социальным процессам произвольно приписывается «этнический» смысл — смысл «свойства этноса», фактора или детерминанты «этнических процессов», объекта «этнических интересов». Самые разные культурные феномены или общественные институты и в обыденном сознании, и в научном дискурсе наделяются этническими чертами: «национальные» культуры в целом и их компоненты, особенности хозяйства, черты психики и так далее. К области (меж)этнических отношений, этнических процессов или этнического развития причисляют отношения между разными эшелонами государственного аппарата в федеративном государстве²⁷², отношения различных групп населения с окружающей природной средой²⁷³, систему образования²⁷⁴. Внешние наблюдатели, в том числе представители науки, проделывают подобные операции вне зависимости от того, присутствуют ли этнические категории в языке самих участников описываемых отношений.

Точнее было бы говорить не об осознанном и теоретически обоснованном эссенциализме, но скорее о «группизме» в терминах Р. Брубейкера²⁷⁵, о нерелексируемых мыслительных клише, в соответствии с которыми этнические группы воспринимаются как самоочевидные структурные единицы общества и субъекты общественных отношений. Поскольку этничность устойчиво институционализована, формально и неформально, в постсоветском пространстве, как следствие, социальные различия могут быть без особых трудностей отражены и посчитаны в этническом измерении. Этничность может становиться базой для выражения групповых требований и истолкования статус-кво в терминах «(не)справедливости», а возможно, «(не)равенства».

²⁷² Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 231–235; Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. С. 160–203.

²⁷³ Методы этноэкологической экспертизы. М: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.

²⁷⁴ Сусоколов А.А. Устойчивость этноса и концепции национальных школ России. М.: ИНПО, 1994.

²⁷⁵ Brubaker R. Op. cit. P. 163.

Истолкование социальных (статистических или символических) различий в этнических терминах получило широкое распространение среди чиновников, политиков, включая этнических активистов, и экспертов перед распадом Советского Союза²⁷⁶. Экономические, социальные, экологические проблемы территорий описывались как проблемы их «титულных» национальностей. Иерархия «национально-государственных образований» (союзная республика — автономная республика — автономная область и т.д.) истолковывалась как субординация и, следовательно, неравноправие «народов»²⁷⁷. Даже то обстоятельство, что Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика не имела своей Коммунистической партии и своей Академии наук, интерпретировалось как социальное и политическое ущемление русского народа²⁷⁸.

Что изменилось к настоящему времени?

Для начала еще раз отметим экспертные и активистские публикации, где термин «дискриминация» используется в нечетком значении, открытом для интерпретаций. Например, С. Пистрякова в своей брошюре, изданной Московским бюро по правам человека, широко использует понятия «дискриминация» и «дискриминационная практика», но не разъясняет их значение:

«Дискриминации в первую очередь подвергаются самые бесправные представители этнических мигрантов; отсутствие гражданства, регистрации, плохое знание русского языка, недостаточная квалификация и проблемы в образовании делают их неконкурентоспособными во всех сферах социально-экономической жизни принимающего общества. При этом важен уровень толерантности к данному конкретному меньшинству: неприятие меньшинства провоцирует дискриминацию его представителей. Интолерантность принимающего населения — значимый фактор напряженности между мигрантами и местным населением. В меньшей степени провоцирует эту напряженность слабая включенность

²⁷⁶ См., например: Бромлей Ю.В. Национальные проблемы в свете принципа равноправия // Национальные процессы в СССР. М.: Наука, 1991. С. 43–64. Подробный обзор таких суждений приведен в: Чешко С.В. Распад Советского Союза. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996.

²⁷⁷ См., например: Бромлей Ю.В. Указ. соч.; Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М.: АН СССР, 1989; Bremmer I. Introduction // Nation and Politics in the Soviet Successor States. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. P. 3–28.

²⁷⁸ Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Указ. соч.

этнических мигрантов в повседневный культурный контекст принимающей стороны; незнание общепринятых образцов и традиций (часто принимаемое местными жителями за нежелание следовать им) ... Имеются некоторые признаки того, что в сфере занятости идет процесс стратификации этнических групп (по крайней мере, в строительстве, торговле, общественном питании, общественном транспорте), выстраивания их иерархии, как и иных социальных групп, когда представителям меньшинства отведена вполне определенная социальная ниша. Ни большинство, ни другие меньшинства, ни власти не приветствуют попытки покинуть эту нишу»²⁷⁹.

Остается не до конца понятным, о чем, собственно, идет речь: о стратификации, об осознанных действиях, о конфликтах и проявлениях индивидуальной агрессии? Можно найти и другие подобные примеры смысловой неопределенности.

«В то же время не тематизируются узловые проблемы социальной коммуникации — в частности, явная и неявная дискриминация граждан по этническому (языковому, конфессиональному) признаку. Хотя именно дискриминация, т. е. неравный доступ разных групп населения к власти и ресурсам, является основным источником напряжений в обществе, и именно с дискриминацией следует бороться для того, чтобы эти напряжения устранить или смягчить, участники российских публичных дискуссий предпочитают правовому языку недискриминации моралистический язык толерантности»²⁸⁰.

«Хотя, прибывая в страну, иммигранты и готовы согласиться на любые условия, но по прошествии некоторого времени они начинают ощущать себя представителями дискриминируемого меньшинства, для которого закрыты многие возможности»²⁸¹.

«К сожалению, в этническом поле определение неравенства лишь в небольшой степени зависит от экономических показателей, в основном оно базируется на культурно-ценностных представлениях, распространенных в обществе. Именно эти представления

²⁷⁹ Пистрякова С.А. Указ. соч. С. 21–22.

²⁸⁰ Малахов В.С. Настоящее и будущее национальной политики. С. 149.

²⁸¹ Вишневский А.Г. Альтернативы миграционной стратегии для России и политика идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 313.

лежат в основе формирования социальных барьеров, ограничивающих доступ индивида к ресурсам общества и затрудняющих реализацию “равенства стартовых возможностей”. Как показали исследования по проекту “Социальное неравенство этнических групп”, наиболее остро в российском обществе воспринимается ограничение в доступе к властным ресурсам, выраженное в недопредставленности в органах власти представителей тех или иных этнических групп. Важность именно этого аспекта неравенства в России, на мой взгляд, подчеркивается тем, что именно власть формирует те правила, по которым развивается и бизнес, и вся экономика. Другими словами, ущемленность в доступе к властному ресурсу почти всегда в России ведет к неравенству в других сферах общественной жизни»²⁸².

Суждения о том, что статистические диспропорции между группами сами по себе представляют нарушение равноправия, встречаются достаточно редко. Из этого ряда, например — мнение Р.Г. Абдулатипова о том, что недостаточное представительство российских национальностей в органах власти само по себе означает их дискриминацию²⁸³. Но в некоторых публикациях правоведов, посвященных равенству и недискриминации, структурное неравенство уже прямо приравнивается к дискриминации²⁸⁴.

Основные российские организации коренных народов и меньшинств не делают отсылку к понятию равенства, когда описывают социальные проблемы, с которыми сталкиваются их группы²⁸⁵. Подобным же образом, когда государство обращается к проблемам уязвимых групп, оно воздерживается от того, чтобы затрагивать вопросы равенства или равных прав. Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов» 1999 года и Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2011 г.» (утвержденная Постановлением Правительства РФ № 564 от 27 июля 2001 г.) не содержат указаний на необходимость обеспечения равенства и

²⁸² Из выступления О.В. Щединой на дискуссии в Горбачев-Фонде // Горбачев-фонд (http://www.gorby.ru/activity/conference/show_574/view_24956/).

²⁸³ Основы национальных и федеративных отношений. М.: Изд. РАГС, 2001. С. 100–101.

²⁸⁴ Бондарь Н.С., Капанова Ю.В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов: РГУ, 2002. С. 90–91; Мазин А. Трудовая дискриминация: болезнь, которую нужно лечить // Человек и труд. 2003. № 4. С. 28.

²⁸⁵ Например, на вебсайте Российской ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (www.rairon.info) вообще не присутствуют слова «дискриминация», «равенство» и «равноправие».

говорят только о социальной поддержке и развитии коренного населения. Правозащитные организации в целом далеки от того, чтобы сравнивать разные этнические группы в структурном или статистическом отношении.

По контрасту, описание диспропорций между этническими группами в терминах равенства стало важным элементом русского националистического дискурса. Точнее, проблематизируется предполагаемое неравенство русских как социальной категории, но по смыслу высказанных суждений равенство ни в каком виде не выдвигается в качестве искомого идеала. Русский национализм представляет собой неоднородное и идеологически размытое движение; его основная часть может быть охарактеризована как «националистический популизм»²⁸⁶. В этих рамках общие социальные проблемы страны часто перетолковываются как проблемы «русского народа», понимаемого в качестве этнической категории. Соответственно, националисты апеллируют к «правам» и «интересам» русских, якобы нарушаемым государством, которое враждебно русским, и нерусскими, извлекающими выгоду из ущемленного положения русских.

Этот общий подход обнаруживается в широком круге идей, лиц и организаций. Традиционно он присутствует в риторике Коммунистической партии РФ²⁸⁷ и развивается другими политиками левопопулистского толка²⁸⁸. В довольно широком спектре авторов муссируется мнение, что русские ущемлены законодательно (не признан особый статус и чуть ли не само существование русского народа), институционально (не имеют своей государственности) и политически (специально не учитываются интересы и самочувствие русских)²⁸⁹.

Детали общей конструкции уточняются и прорисовываются в публицистике в основном националистически-консервативного плана. Некоторые авторы утверждают, что российское правительство проводит «антирусскую» политику в области иммиграции²⁹⁰. Некоторые настаивают

²⁸⁶ Верховский А. Идеинная эволюция русского национализма // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 17–32.

²⁸⁷ Зюганов Г.А. И вечный бой! Отстоим русскую культуру — спасем Россию. М.: ИТРК, 2007; Он же. О русских и России. М.: Молодая гвардия, 2004.

²⁸⁸ Делягин М.Г. Россия для россиян. М.: Алгоритм, 2007; Михаил Делягин: «Трудовой мигрант — камень на шее российской экономики?» // Комсомольская правда. 2009. 30 сентября.

²⁸⁹ Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. 2-е изд. Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007; Фомиченко М.П. Защита прав народов в Российской Федерации (конституц.-правовые аспекты). М.: Российский государственный социальный университет, 2005. С. 175–203.

²⁹⁰ Аверьянов В. Пострусские грядут? // Литературная газета. 2006. № 33; Варьханов С. Фашистский синдром // Новая политика. 2006. 17 апреля (<http://www.novopol.ru/text/7391.html>).

на том, что защита меньшинств и (воображаемые. — А.О.) меры против дискриминации усиливают позиции меньшинств в ущерб русским²⁹¹. Не только убежденные националисты, но уже и обыватели утверждают, что преследование экстремизма и языка вражды касается исключительно русских, в то время как правоохранительные органы закрывают глаза на «этнические преступные группы» и нерусских радикалов²⁹². Существование НПО этнических меньшинств и сопротивление властей созданию «национально-культурных автономий» русских также оценивается как дискриминация и как «антирусский характер» государства²⁹³.

Отдельные националистические идеологи и симпатизирующие им журналисты объясняют якобы имеющее место ущемление русских с помощью концепции «дискриминации по результату», или косвенной дискриминации. Выстраивается следующая цепочка рассуждений: внешне нейтральные правила некорректно сформулированы, не могут применяться надлежащим образом и потому оказываются вредными для русских; национальности, более мобильные, активные и склонные к противоправному поведению, легко обходят все ограничения и преуспевают, при этом страдают пассивные и законопослушные русские²⁹⁴.

Упражнения идейных националистов сочетаются с усилиями экспертов, обслуживающих власть, которые используют риторические конструкции, где социальные проблемы представляются как проблемы «этнического развития». Еще в 2000 году Эмиль Паин, приглашенный в качестве эксперта в аналитический центр Г. Грефа по разработке программы реформ, писал, что «русский вопрос» является одним из вызовов в области «национальной политики» и что не следует уходить от обсуждения проблем русского народа²⁹⁵. Похожая позиция была представлена

²⁹¹ Святенков П. Призрак национализма // Взгляд. 2006. 24 апреля (<http://www.vz.ru/columns/2006/4/24/31218.html>).

²⁹² Гольшев В. Разжигание // Агентство политических новостей. 2006. 4 апреля. (<http://www.apn.ru/publications/article1856.htm>); Храмов С. Россия ради русских // Агентство политических новостей. 2006. 16 мая (<http://www.apn.ru/opinions/article9693.htm>); Михаил Делягин: «Трудовой мигрант...»

²⁹³ Мысливцев В.Г. Этнокультурная автономия как специфическая форма взаимодействия народов, групп в Российском государстве. Саратов, 2008. С. 237, 277; Кузнецов М. Дискриминация // Независимая газета. 2001. 8 февраля; Салагаев А.Л. Неопределенность положения русских в России — источник экстремизма: мнение социолога // ИА REGNUM. 2010. 18 октября (<http://www.regnum.ru/news/1337042.html>).

²⁹⁴ Калинина Ю. Мир, дружба, жвачка. Кто и как у нас занимается «кавказской проблемой»? // Московский комсомолец. 2001. 1 ноября; Калинина Ю. Покорение Кавказом-2 // Московский комсомолец. 2001. 9 августа.

²⁹⁵ Андрусенко Л. Русский вопрос для президента // Независимая газета. 2000.

на одной из конференций Центра «Стратегия»; она сводилась к тому, что многие социальные явления должны рассматриваться как проблемы русского народа и что права большинства должны уважаться не менее, чем права меньшинств²⁹⁶. Интересно, что такая постановка вопроса сама по себе не вызвала принципиальных возражений аудитории и сопровождалась весьма сочувственным обсуждением²⁹⁷.

Считать популистский национализм политической силой пока нет оснований, но мнения о «неравноправном» положении русских и «засилье» меньшинств стали частью массового сознания, а незатейливые суждения такого рода заполняют многие ток-шоу, интернет и таблоиды. Сходные по сути рассуждения можно встретить и в официозных публикациях²⁹⁸. Наконец, проблемы русского народа начинают упоминаться в правительственных текстах²⁹⁹ и заявлениях высших должностных лиц³⁰⁰, а тема защиты русских прошла рефреном через предвыборную кампанию осени 2011 года³⁰¹. Но следует отметить, что В.В. Путин критически высказался о возможности «паразитировать на теме “национального угнетения русских”»³⁰².

8 апреля; Паин Э. Этнические проблемы в полиэтничном обществе // Профессионалы за сотрудничество. Вып. 4. М.: РОО «Кеннан», 2000. С. 55–56.

²⁹⁶ Бабуркин С.А. Права этнических меньшинств и права этнического большинства в современной России // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8–9 июля 2004 г. СПб.: Норма, 2005. С. 214–224.

²⁹⁷ Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8–9 июля 2004 г. СПб.: Норма, 2005. С. 224–225.

²⁹⁸ Бугай Н.Ф. Положение русских в Российской Федерации // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Южнороссийское обозрение. Вып. 10. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2002. С. 9–27; Трофимов Е.Н. Актуальные проблемы национальной политики в Российской Федерации // Государственная национальная политика: проблемы и перспективы: Материалы междунар. конф., 25 мая 2005 г. М.: Изд. Гос. Думы, 2006. С. 20–21; Печенев В.А. О правовых основах статуса и развития русского народа // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 114–121.

²⁹⁹ См., например: Раздел 1.8. «Проблема этнокультурного развития и самочувствия русского народа» в Докладе Государственного Совета Российской Федерации о мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе // Министерство регионального развития РФ. 2011. 11 февраля (http://minregion.ru/activities/interethnic_relations/national_policy/505/902.html).

³⁰⁰ Рогозин Д.О. Русский ответ Владимиру Путину // Известия. 2012. 31 января.

³⁰¹ Дорман В. «Россия для русских»: рефрен избирательной кампании // InoPressa. 2011. 5 декабря (http://www.inopressa.ru/article/05Dec2011/liberation/russia_aux_russes.html).

³⁰² Путин В.В. Россия: национальный вопрос.

Масс-медиа, чиновники и эксперты тиражируют представления об «общинах», о том, что общинная «солидарность» является важным социальным ресурсом для членов этнических групп и — одновременно — фактором, парализующим официальные и легитимные механизмы социальной регуляции³⁰³. Говоря бытовым языком, идет экспансия «мигрантов» и меньшинств и, наоборот, вытеснение и подчинение «русских».

На подобную же логику в духе идеи структурного неравенства опираются любимые прессой и руководителями МВД подсчеты «баланса» правонарушений, совершенных «россиянами» против иностранцев и иностранцами против «россиян». Вопрос о преступлении по мотивам ненависти подменяется надуманной проблемой «счета» в «игре» между «нашими» и «не нашими». Этот же прием освоен и националистами. Тех, кто выражает озабоченность расистскими нападениями, обвиняют в том, что они по умолчанию определяют в качестве «расистского» любое преступление против нерусского и игнорируют преступления нерусских против русских³⁰⁴. Игорь Свиначенко в эссе, посвященном книге Дмитрия Соколова-Митрича «Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики»³⁰⁵ (которая представляет собой подборку публикаций и свидетельств о преступлениях нерусских против русских), приводит слова составителя, который объясняет, что, выпуская книгу, он не стремился разжечь рознь, а хотел лишь, чтобы люди *выслушивали не одну сторону, а обе*³⁰⁶. Ключевое слово здесь *сторону*.

Помимо этого, в России есть область общественных отношений, где неравенство социальных показателей между этническими группами привлекает некоторый общественный интерес и, в принципе, открывает возможность для изучения и обсуждения механизмов производства неравенств, измеряемых в этническом отношении. Речь здесь идет о «национальной» (то есть этнической) государственности республик в составе Российской Федерации и о ее критике. С одной стороны, эта область перспективна, потому что характер российского федерализма вроде бы является одной из ключевых проблем государственного устройства и развития правовой системы РФ. С другой стороны, неравномерная социальная стратификация в республиках позволяет строить разные гипотезы

и объяснять подобное расслоение (если оно имеет место) разными способами — через законодательные установления, организованную политику этнических преференций, идеологические мотивации этническим национализмом, социальную конкуренцию, спонтанные процессы стратификации. Однако приходится констатировать отсутствие и исследований, и сколько-нибудь широкой и осмысленной общественной и экспертной дискуссии.

Общим местом для многих российских и зарубежных публикаций, да и для обыденного дискурса стали суждения о том, что Россия как федерация строится по «национальному» и территориальному принципам. Почти все авторы оперируют последней категорией и аналогичными выражениями так, как будто по поводу их значения достигнуто всеобщее согласие или хотя бы пришла интуитивная ясность; но и то, и другое весьма сомнительно.

Идея «национальной» в этническом смысле государственности несет в себе коллизию даже в обыденном смысле. Если определенный субъект Федерации «принадлежит» «титულიной национальности», то следует ли из этого, что он не является «своим» для остальных живущих там граждан? Как тогда интерпретировать то, что они платят налоги, участвуют в выборах и пользуются всей полнотой прав гражданина и человека? Если государственность является для них также «своей», то зачем нужны заявления о ее этнической «принадлежности»? Если такие заявления имеют не только символическое значение, то в чем, в каких институтах и отношениях находит выражение эта связь между этничностью и территорией?

Суждения, что расселение той или иной этнической группы учитывалось при проведении административных границ, само по себе не имеет отношения к сущностной характеристике территориального образования, а также к доктрине и режиму власти. При установлении территории любого административного образования учитываются различные факторы, но никто не утверждает, что физико-географические особенности или особенности экономических отношений определяют правовую специфику территории. Если же речь идет о «принадлежности» определенной этнической группе территории и институтов власти, то ее в современном мире крайне проблематично закрепить правовой нормой.

В принципе, из этнизации территории и государственности в любой форме и на любом уровне может следовать риторическое и символическое (в определенных ситуациях — институциональное) исключение из политики определенной части населения. Коль скоро нация определена как этнонация (политическое сообщество — как этнокультурное сообщество), членство в этом сообществе обусловлено этнической принадлежностью.

³⁰³ Михаил Делягин: «Трудовой мигрант...»; Туровский Р. Указ. соч.

³⁰⁴ Гольшев В. Указ. соч.; Делягин М. Предостережь от соучастия // Агентство политических новостей. 2006. 18 апреля (<http://www.apn.ru/publications/article1888.htm>).

³⁰⁵ Соколов-Митрич Д. Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики. М.: Эксмо-пресс, 2007.

³⁰⁶ Свиначенко И. Гастарбайтер против русичей: 100000 против 5000 // Газета.ру. 2007. 21 июня (<http://www.gazeta.ru/column/svinarenko/1831787.shtml>).

Вопрос в том, наступают ли подобные последствия, в чем они проявляются и можно ли говорить о наблюдаемых неравенствах как последствиях «этнизации» закона, государственного устройства и территории.

Юридический смысл суждений о «национально-территориальной организации» остается неясным. Федеральное законодательство содержит только двусмысленные формулировки и не утверждает прямо, что то или иное образование является «владением» или формой организации той или иной этнической группы. Концепцию «этнической» государственности, хотя и в опосредованном виде, впервые юридически закрепил формально действующий до настоящего времени Закон СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» 1990 года, что однозначно следует из формулировки «*граждане, проживающие за пределами своих национально-государственных образований или не имеющие их*». Федеральный закон «О национально-культурной автономии» 1996 года содержит понятие «этнические общности, имеющие соответствующие республику или автономный округ, автономную область» (ч. 6 ст. 5). Закон РСФСР «О языках народов Российской Федерации» 1991 года содержит понятие «население, не имеющее своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущее за их пределами» (п. 4 ст. 3, п. 5 ст. 9). Таким образом, в этих случаях подразумевается особая связь определенных этнических общностей с определенными территориальными образованиями, но никак не разъясняются правовая природа и содержание этой связи.

Региональные конституции и законы содержат компромиссные положения и избегают прямого декларирования того, что определенная территория «принадлежит» определенной группе. Обычно «титulyные» группы либо не упоминаются вообще, либо одновременно говорится о «самоопределении» «титulyной» нации и о том, что источником власти является все население, либо каким-то образом подчеркивается особая роль «титulyной» группы без отсылок к политической власти. Например, согласно Преамбуле Конституции Республики Татарстан 1994 года Конституция выражает «*волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа*», а согласно ч. 1 ст. 1, «*носителем суверенитета и единственным источником власти в Республике Татарстан является ее многонациональный народ*»³⁰⁷ (выделения мои. — А.О.).

³⁰⁷ Конституция Республики Татарстан (<http://portal.tatarstan.ru/documents/constitution.htm>).

В ст. 2 Конституции Республики Коми 1994 года говорится, что «*источником власти Республики Коми является ее многонациональный народ*», ст. 3 оговаривает, что «*образование Республики Коми и ее название связаны с исконным проживанием на ее территории коми народа*»³⁰⁸. Конституция Республики Карелия 1978 года (с изменениями и дополнениями), действовавшая до февраля 2001 года, не содержала никаких упоминаний связи между этничностью и государственностью Карелии, за исключением того, что область, населенная вепсами (одно из автохтонных меньшинств региона), образует отдельный избирательный округ. Новая Конституция Карелии 2001 года содержит следующие положения: согласно ч. 5 ст. 1, «*исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов*», а по ст. 21, «*в Республике Карелия осуществляются меры по возрождению, сохранению и свободному развитию карелов, вепсов и финнов, проживающих на ее территории*»³⁰⁹ (выделения мои. — А.О.).

В любом случае, нигде не закреплены особый статус титульной этнической группы и особые права лиц, к ней относящихся. Соответственно, не приходится говорить о дискриминации «нетитульного» населения на уровне закона. Единичные нормы региональных конституций и законов, прямо устанавливавших преимущества граждан по этническому признаку (законы о репатриации в Адыгее, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, конституционный принцип «паритета» при формировании органов государственной власти в Адыгее, положение об отдельном учете мнения граждан бурятской национальности при проведении референдума в Республике Бурятия³¹⁰) были отменены в начале 2000-х годов, но и когда они действовали, было затруднительно утверждать, что они влияют на формирование системы власти и на социальную стратификацию.

Проблематично говорить и об особых гарантиях идентичности групп. Нормы многих конституций и уставов республик и автономных округов в составе РФ, обязывающие органы власти принимать особые меры по отношению к тем или иным этническим группам, не являются специфическим признаком этих видов субъектов федерации. Во-первых, такие нормы содержатся не во всех конституциях и уставах «национальных образований», во-вторых, в ряде случаев конкретные этнические общности не упоминаются вообще (как в Республике Саха-Якутия или Чукотском автономном округе). Последнее делает эти образования неотличимыми

³⁰⁸ Конституция Республики Коми (http://constitution.garant.ru/region/cons_komi/).

³⁰⁹ Конституция Республики Карелия (<http://gov.karelia.ru/gov/Constitution>).

³¹⁰ Обзор см.: Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М.: Пробел, 1999. С. 110–143.

от большинства краев и областей, использующих похожие формулировки, основанные на идее групповых прав и «развития» этнических общностей. В-третьих, некоторые уставы краев и областей также упоминают государственную поддержку конкретных этнических групп (как сету в Псковской области), в том числе русских (как Краснодарский край).

Наиболее заметным признаком того, что регионы имеют этническую специфику, является возможность провозглашения иных, кроме русского, языков, официальными. Но рассматривать это обстоятельство в качестве признака «этнической государственности» можно при далеком от корректности допущении, что язык является атрибутом определенной этнической группы. Кроме того, в ходе общей централизации и, в частности, отмены выборности губернаторов языковые требования, в том числе при занятии государственных должностей, утратили практическое значение.

В политическом смысле «национальная государственность» и «национально-территориальная автономия» выглядят не бесспорными категориями. Прежде всего, в разных республиках и автономных округах сложились очень разные ситуации и разные модели обращения с «титультными» этническими группами. Далеко не везде можно говорить о статистических преимуществах «титультных» национальностей или об особом внимании к ним республиканского руководства. Основная проблема заключается в том, что равенство разных этнических групп обсуждается в основном спекулятивно, а не на основании специальных исследований. В лучшем случае в литературе можно найти фрагментарные наблюдения, например, о дисбалансе в составе региональных органов власти³¹¹.

Суждения об «этнократии» и «ущемлении прав нетитульного населения» встречаются в российских масс-медиа³¹², а также в политических декларациях и научной литературе³¹³, но на деле не подкрепляются сколько-нибудь серьезными доказательствами. «Этнический» характер

³¹¹ Воробьев Д.В., Грушкин Д.В. Идея национальной государственности и проблемы этнической дискриминации в Республике Башкортостан. М.: Звенья, 1999; Сергеев С. Республика Татарстан в 2005 г. // Московский Центр Карнеги. 2005 (<http://monitoring.carnegie.ru/2005/12/tatarstan/sergeev-sergej-respublika-tatarstan-v-2005-g/>); Сидоренко А. Политическая власть в этнических регионах // Федерализм и этническое разнообразие в России. М.: РОССПЭН, 2010. С. 94–110.

³¹² Трифионов Е. Париж — забытая станица // Газета.ру. 2009. 29 апреля (http://www.gazeta.ru/comments/2009/04/29_a_2980821.shtml).

³¹³ Валентей С. Три вызова России // Федерализм. 2000. № 4. С. 17–32; Тезисы по российской национальной политике. М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2004. С. 14–15; Тошенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003. С. 296–303; Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003.

государственных образований почти никогда не становится предметом анализа, оставаясь чаще своеобразной фигурой умолчания. Представление о том, что «территориальное образование» или «государственность» могут создаваться и создаются на этнической основе, как форма организации или «владение» этнической группы, выглядит как «общее», обыденное знание, как априорное суждение, мыслительное клише, не нуждающееся в анализе и рациональном доказывании.

Сложность понимания ситуации в республиках заключается еще и в том, что почти нет общественных групп, которые выступали бы за этническое равенство в этих регионах. Исключений единицы, например, Союз славян Адыгеи, борющийся за права русского населения, некоторые татарские и русские организации в Башкортостане и балкарские организации, находящиеся в оппозиции к руководству Кабардино-Балкарской Республики. Во всех случаях эти движения, при том что они формулируют и выражают узкоэтнические интересы, собирают информацию о процессах в своих регионах, анализируют ее и пытаются использовать выводы для воздействия на общественное мнение³¹⁴. Однако эти попытки не получают сколько-нибудь широкого общественного или исследовательского резонанса.

Социальные диспропорции, которые выражаются в структуре занятости и представленности разных этнических групп в сфере государственного управления, допускают разные интерпретации³¹⁵. Вопрос о конкретных формах и способах институционализации этничности в праве, системе административного управления, политике и публичных дискурсах остается открытым. Открытым остается вопрос о механизмах производства эмпирически измеряемых социальных неравенств, поскольку количественные исследования отражают лишь мнение респондентов, зафиксированное в момент опроса.

Приходится говорить о том, что в академических публикациях можно встретить пока только более или менее корректно сформулированные гипотезы относительно механизмов этнической стратификации в респу-

³¹⁴ Аналитическая справка. Положение балкарского народа...; Коновалова Н. Социально-политическое положение русских в Адыгее // Закубанье. 2005. № 23; Бондаренко М. Демократия по-адыгейски. Русские имеют преимущества только в смертности, полагает руководитель Союза славян общины республики // Независимая газета. 2000. 22 января; Шаров В. Адыгейский «паритет». Почему русскоязычное население чувствует себя чужим на родной земле // Независимая газета. 2000. 11 января.

³¹⁵ Тишков В. Pro et Contra этнического федерализма в России // Федерализм в России. Казань: Институт истории АН Татарстана, Казанский институт федерализма, 2001. С. 29–41; Социальное неравенство. С. 14–118.

бликах. Внимания заслуживают, например, рассуждения Г.С. Денисовой и В.П. Уланова о причинах формирования разделенного общества на Северном Кавказе: разных путях вхождения пришлого русского и местного горского населения в советскую экономику, сохранения многих неформальных институтов у горского населения при советской власти и потому создания разных структур повседневности и разных условий социализации для разных групп³¹⁶. Интересны также наблюдения Р.Р. Галлямова и Л.Ф. Зайнетдиновой³¹⁷, О.М. Цветкова³¹⁸ и А.А. Цуциева³¹⁹ о наложении разных условий социализации, в силу этого неравного распределения социального капитала между выходцами из разных сообществ, потому разницы в восприятии окружающей реальности и выборе поведенческих стратегий.

Еще реже можно встретить конкретные исследования, например, анализ из перспективы политической науки механизмов формирования региональной элиты в Татарстане. С.А. Сергеев и А.Л. Салагаев приходят к выводу, что преобладание этнических татар в татарстанской элите может быть объяснено не стратегией руководства республики по проведению в жизнь националистической доктрины, но рекрутированием во власть и в бизнес на основе вхождения в социальные сети, которые начали формироваться еще в советское время из партийных и хозяйственных руководителей сельской местности Татарстана, а затем целиком овладели аппаратом власти в регионе после распада СССР³²⁰. Похожий вывод были сделаны и в упоминавшейся монографии Института социологии РАН, но к нему

³¹⁶ Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д.: Ростовский государственный педагогический университет, 2003.

³¹⁷ Галлямов Р.Р., Зайнетдинова Л.Ф. Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития. Уфа: Здравсохранение Башкортостана, 2004.

³¹⁸ Цветков О.М. Русский вопрос в титульных республиках // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Южнороссийское обозрение. Вып. 10. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2002. С. 81–99.

³¹⁹ Цуциев А.А. Указ. соч.

³²⁰ Сергеев С.А., Салагаев А.Л. Внутриэлитные конфликты в Татарстане // Конфликтология. 2006. № 4. С. 160–169; Сергеев С.А., Салагаев А.Л. Комментарий по результатам экспертного опроса «Самые влиятельные люди России — 2003» в Республике Татарстан // Самые влиятельные люди России — 2003. М.: Институт ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ), 2004. С. 164–183; они же. Новые маски, старые роли: трансформация провинциальной номенклатуры // ПОЛИТЭКС. 2010. № 2 (<http://www.politex.info/content/view/694/30/>).

добавлено еще и суждение об «инерции коренизации», которая проявилась при либерализации политического режима после распада СССР³²¹.

Отсутствие конкретных исследований характерно и для других ситуаций, где возможно обсуждение этнических неравенств. Так, качественными методами почти не изучались процессы формирования социальных сетей мигрантов или старожильческих меньшинств (известных в публицистике как «общины»). В принципе интересные рассуждения о роли социального капитала, приобретаемого с помощью социальных сетей, значений неформальных норм взаимодействия с окружающими, о стратегиях адаптации к имеющимся репрессивным механизмам и об использовании механизмов различных механизмов сегрегации и солидарности, остаются чисто умозрительными. Одним из немногих исключений остается опыт изучения сообщества турок-месхетинцев с помощью включенного наблюдения и неструктурированных интервью³²². Остальные же академические публикации, касающиеся «этнических общин» и их «экспансии» или наоборот, «угнетения» со стороны окружающих, опираются на обыденное знание, тот или иной вариант обывательского здравого смысла, легитимизируемого статусом авторов. Подобные обыденные, официальные и научные объяснения окружающей реальности строятся на вере в разделенность общества по этническим линиям и в роль этничности/культуры для человеческого поведения.

Резюмируя, можно сказать, что в России (точнее, бывшем СССР) в общественном сознании господствует эссенциалистское и группоцентричное восприятие «культуры» и «этничности»; соответственно, оправдывается ожидание, что вопросы, связанные с дискриминацией или равенством по этническому признаку, будут в первую очередь восприниматься как проблемы равенства между группами и культурами. Малое число текстов и вообще суждений о равенстве или неравенстве между этническими группами отражает не структуру представлений, а то, что вопросы равенства по этим основаниям пока остаются на периферии общественного внимания.

³²¹ Социальное неравенство этнических групп. С. 324–326.

³²² Кузнецов И. Российская Федерация: конструирование идентичности.

Заключение

Ответ на основной вопрос, поставленный в начале книги — включена ли Россия в общемировой контекст обсуждений этнического и расового равенства и «политики равенства» — может звучать так: и да, и нет. Точнее, нет и да.

Прямое сравнение России с западными странами хромает; различия в размахе, сложности, глубине и динамике дискуссий, масштабе и качестве исследований, числе вовлеченных в них людей, количестве и действенности правовых норм, обеспечивающих равенство, в объеме судебной и административной практики столь велики, что не дают даже повода для серьезного обсуждения. Многие идеи, широко признанные в настоящее время за пределами России, сомнительны, предложенные оценки существующих в мире проблем зачастую вызывают критику и отторжение, применяемые рецепты противоречивы и т.д. — но даже в своих заблуждениях и противоречиях западная общественная мысль на несколько голов выше — богаче, глубже, динамичнее и разнообразнее — чем российская (или в целом постсоветская). В практическом плане, при всей глубине социальных неравенств и ограниченной эффективности правовых и политических механизмов, человек, который считает себя пострадавшим от дискриминации, знает, куда обратиться, чтобы попытаться решить свою проблему, и знает, что сколько-нибудь существенное нарушение равноправия вызовет быструю и заметную общественную реакцию.

Почему ничего подобного нет в России, объяснить, в общем, легко. Во-первых, само общественное устройство таково, что при всем абстрактном недовольстве классовым расслоением и фактически сословным характером социума в стране просто нет сил, которые могли бы обеспечить серьезной спрос на гарантии равноправия и недискриминации. Общество разделено множеством барьеров и перегородок на группы интересов, конкурирующих на неправомерной основе, в рамках, заданных неформальными правилами, за доступ к административной ренте. Там, где культивируются соответствующие идеи и ценности, едва ли следует ожидать гражданской солидарности — в лучшем случае может встретиться корпоративная лояльность. Неравное обращение с людьми в зависимости от того, к какой социальной (профессиональной, территориальной, этнической или иной) категории они относятся, является нормой и основой этого устройства, а не отклонением от нормы. Системой, а не системным нарушением является стремление видеть в «других» конкурентов за ограниченные ресурсы и извлекать по возможности выгоду из

их, «других» («мигрантов», «иногородних», «иностранцев»), уязвимо или ущемленного положения. Этничность может выступать скорее не причиной агрессии или дискриминации, а маркером или признаком принадлежности к проблемной или конкурирующей категории. Подобная селекция людей в обыденной жизни не распознается и потому не проблематизируется с помощью привычной социальной оптики. В этом контексте игнорирование темы этнического равенства можно представить как частность, осложненную только массовыми и элитными фобиями.

Понятны и политические причины — государство самодостаточно и бесконтрольно со стороны общества, а разрыв между управленческими притязаниями и возможностями государства заведомо означает избирательное применение формальных норм³²³, а значит, и дискриминацию или попустительство ей. Можно и не добавлять, что в стране нет площадок и прочих условий для заявления протестов и обсуждения общественно значимых, но неудобных для государства тем. Кроме того, не приходится говорить всерьез о возможности общественных дискуссий как таковых, поскольку интеллектуальное пространство разбито на множество изолированных, не связанных друг с другом и ни на что не влияющих ячеек.

Есть и серьезные идеологические причины того, почему повестка равенства и недискриминации, в особенности этнического равенства, по сути, отторгается всеми профессиональными средами и группами.

Защита личности не относится к приоритетам ни для бюрократии, ни для, условно говоря, общественности; тема прав и достоинства человека, несмотря на эпизодические ритуальные заверения в почтении, вызывает настороженность как что-то импортное извне и не служит отправной точкой при обсуждении общественных проблем. Господствует государственноцентрированный взгляд на вещи; соответственно, удостоиваются внимания вопросы, относящиеся к политической стабильности и поддержанию общественного порядка. Это демонстрирует, в частности, преимущественный интерес к крайним проявлениям ксенофобии и агрессии. Внимание к вопросам культуры и равенства культурных групп отражает одновременно государственно- и этническицентрированное мировосприятие. Несмотря на появившуюся в 2000-е годы официальную и официозную риторику «интеграции» и «гражданской нации», отношение к этнической группе как базовой структурной единице общества и самоочевидному социальному актору никуда не исчезает. Отсюда следует пред-

³²³ Гудков Л. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения. 2009. № 2.

ставление о том, что этничность есть социально значимая характеристика индивидов и групп. Подобные идеи сосуществуют с убежденностью, что государство должно в том или ином виде «управлять» своим этническим разнообразием. Полученная комбинация оправдывает по меньшей мере пропагандистские манипуляции с этничностью и избирательный подход к людям в зависимости от их групповой принадлежности.

Почему тема равенства и в особенности равенства по этническому признаку остается невостребованной в России, тоже, в общем, можно объяснить относительно просто. Гораздо интереснее и важнее вопрос, почему равенство вообще и равенство по расовому и этническому признаку в частности обсуждаются на Западе совершенно по-другому и с другим результатом. Все общества конкурентны, везде имеются глубокие классовые и статусные деления, везде есть этнические предубеждения, везде проще уклониться от обсуждения и принятия мер, которые призваны нарушить статус-кво, — тем не менее, положение дел в разных обществах оказывается разным. Общий ответ о роли частной собственности как основе автономии личности, верховенства права и гражданского общества звучит слишком абстрактно и ничего не объясняет. Этические и социальные основы равенства как общезначимой фундаментальной ценности и причины появления институциональных гарантий этой ценности требуют отдельного рассмотрения.

Возможна другая перспектива рассмотрения поставленного в начале вопроса и, соответственно, другой, в принципе не противоречащий первому, ответ.

Равенство или, наоборот, нарушение равенства в интересующем нас отношении — по расовому или этническому признаку — не есть что-то данное или существующее объективно. Это не социальное условие, а договоренность по поводу того, что считать нормой, а что отступлением от нормы и на основании каких признаков отличать первое от второго. Различное обращение с людьми в зависимости от приписываемой им расовой или этнической принадлежности чаще всего проводится скрытно, а эмпирически фиксируемые различия в социальном положении людей, относимых к разным этническим или расовым категориям, могут иметь разные объяснения. Наконец, этнические общности — или те, кого называют меньшинствами и большинствами, — принципиально находятся в разном и несопоставимом положении хотя бы в том смысле, что языки, которые они используют, выполняют совершенно разный объем социальных функций. И эмпирическая основа, и критерии оценок оказываются крайне проблематичными. Выход оказывается в установлении системы фикций и допущений, что позволяет делать оценки и отделять норму от нарушения на основе минимального набора признаков. Установление этой системы фикций особенно важно для

того, чтобы разрешать споры о равенстве правовыми средствами, но оно востребовано также и в более широких рамках — в общественной деятельности, политическом анализе, мобилизации общественного мнения и так далее.

Развитая система фикций и допущений (а на этой основе — механизмы разрешения споров и затем социальных реформ) была создана в Соединенных Штатах. Система отражала специфику и контекст этой страны — особую правовую культуру, особую роль судебной системы и острую необходимость трансформировать и сделать более открытым и мобильным фактически кастовое общество. Поставленные задачи отчасти были решены, отчасти — нет, а отчасти попытки решения породили новые проблемы. Попытки импорта американских подходов в других частях мира в какой-то (большей) степени были успешными, в какой-то — нет. В Канаде и Австралии аналогичная модель стала работать относительно эффективно, а в Западной Европе оказалась менее результативной — но там она была дополнена другими подходами, такими как защита меньшинств и разные версии мультикультурализма. Еще менее успешным оказался опыт внедрения этой модели через директивы Совета Европейского Союза в новых членах ЕС³²⁴. В бывших социалистических странах действуют антидискриминационные механизмы, есть конституционные нормы и законодательство о защите меньшинств, но судебная и административная практика по вопросам равенства ограничена, а проблемы наиболее крупных меньшинств — цыган, венгров и русских — остаются неразрешенными.

Важно то, что каждый большой регион и каждая страна вырабатывают свои объяснительные рамки для определения и обращения с тем, что можно считать равенством и неравенством. И в этом отношении Россия ничем не выделяется — свой нарратив о равенстве и своя система фикций выработаны и здесь. Разница в том, что российская объяснительная модель построена на подмене повестки и вынесении потенциально сложных и неудобных вопросы за границы рассмотрения. И при этом российская модель оказывается в чем-то более успешной, чем западные. Последние порождают споры, недовольство и возражения с разных сторон, а российская развивается в условиях всеобщего согласия с тем, что обсуждается и как обсуждается; во всяком случае, возражающих принципиально, а не по частным вопросам, не видно и не слышно.

На этом фоне два применяемых в России симулякра — «экстремизм» и «этнокультурное развитие» — позволяют решать определенные задачи

³²⁴ Обзоры развития национальных законодательств в странах ЕС приведены в: Migration Policy Group; см.: Anti-discrimination Country Reports (http://www.migpolgroup.org/publications_info.php?id=18).

государственного управления. «Борьба с экстремизмом» есть способ манипуляции представлениями о «норме» и «крайности» и попутно — подавления неугодных. «Этнокультурное развитие», или символическая культурализация социального — это в первую очередь элемент общепринятого протокола, возможность обращаться к этническим вопросам, не провоцируя протесты и не беря на себя никаких обязательств. При этом речевые конструкции, включающие в себя «равноправие» и тому подобные понятия, появляются по случаю — как вспомогательные и необязательные элементы.

Использование идей «экстремизма» и «этнокультурного развития» можно рассматривать как технологию власти. «Власть» здесь следует воспринимать в значениях, предложенных М. Фуко, как «знание-власть» и как *gouvernementalité/governmentality*³²⁵ — не столько как внешнее принуждение, сколько как общее согласие по поводу установившегося «естественного» порядка. Вера в возможность и необходимость «справедливой» формулы сосуществования этнических групп остается неотъемлемой частью мировоззрения советского человека. По всем признакам, консенсус по поводу «многонациональности» и необходимости социальной инженерии государства для поддержания некоей упорядоченности в «межэтнических отношениях» воспроизводится вполне успешно. Соответственно, любое обращение к теме этнического равенства признается в России, если и только если оно соответствует повестке «национальной политики», «национальной безопасности» и «социальной стабильности».

Между объяснительными схемами и даже риторическими конструкциями, применяемыми в России и на Западе, есть общее — и эта общность говорит скорее не в пользу западных подходов, точнее, их перспектив.

Говоря предельно кратко, все подходы к обеспечению равенства, основанные на группистском восприятии реальности, противоречивы с точки зрения целей и средств. Формальное равенство индивидов или равенство в обращении — неплохой способ закрепить и воспроизводить социальные асимметрии, в том числе такие, которые пересчитываются по этнической шкале. Если выравнивать социальные условия разных этнических общностей, то придется ограничивать индивидуальную мобильность и жестко регулировать многие стороны жизни, забывая про права и свободы и согласившись с тем, что отношения государства и человека определяются его, человека, происхождением. Борьбаться только с радикальными идеологиями

³²⁵ Foucault M. Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.

и преследовать ксенофобские выходки — упускать из вида неагрессивную, привычную, повседневную и дискриминационную рутину. Попытки регулировать поведение людей воспитанием или запретами слабо и очень медленно влияют на социальную динамику в целом. Если же бороться с дискриминацией, игнорируя индивидуальные мотивы, предрасположенности и вину дискриминируемых, то разговор неизбежно будет вестись в категориях противостояний угнетенных и угнетающих «наций» или «расовых групп». Консервация и воспроизводство культурной мозаики ограничивают социальную мобильность и требуют перераспределения ресурсов, а значит, провоцируют недовольство со всех сторон; выравнивание социальных компетентностей, а значит, и возможностей выходцев из разных групп заставляет вспомнить страшное слово «ассимиляция». На практике применяются компромиссные и смешанные подходы, в результате тоже получается смесь из желаемых и нежелательных последствий.

***

Так или иначе, основные подходы к определению и описанию этнического (не)равенства — недискриминация, защита меньшинств, участие и разделение власти, даже толерантность — скатываются к оценкам положения групп как таковых и привносят в обсуждение тему защиты культуры и идентичности. Похожее наблюдается и в России. Но подобные эволюции почти неизбежно приводят к следующим следствиям:

людей приглашают к тому, чтобы осмысливать проблемы как отношения доминирования и подчинения между группами как таковыми, а тем, кого не относят к доминирующим, предлагают считать себя жертвами несправедливого социального порядка;

в общественном мнении утверждается представление, что решение проблем — в установлении разных режимов для разных групп; критика подобных подходов и отстаивание единых институтов и равенства в обращении отвергается как защита существующих отношений неравенства, тем самым подрывается сама основа общественного диалога.

Как эти тенденции проявляются в практической плоскости вне России? Мы наблюдаем, в-первых, растущее и все более острое недовольство избирателя, представляющего большинство, «позитивными мерами» и мерами по защите меньшинств, которые постепенно воспринимаются им как угроза стабильности и его правам; во-вторых, формирование

социальных групп, которые считают себя жертвами несправедливого и принципиально чуждого им порядка и из среды которых рекрутируются участники радикальных движений; в-третьих, безрезультатную, движущуюся по кругу общественную и научную дискуссию. Все осложняется стремлением описывать глобальные социально-экономические диспропорции между «развитым» и «развивающимся» миром, а также международные миграции в терминах отношений между «расами» и «культурами». Изменения накапливаются и проявляются медленно, подчас незаметно и непосредственного практического эффекта не дают. Однако в отдаленной перспективе они могут провоцировать пересмотр всех сложившихся представлений о равенстве как ценности и о способах его защиты. Впрочем, объем интеллектуальных ресурсов, вкладываемых в обсуждение проблем равенства, позволяет думать, что решение возникающих противоречий может быть найдено на качественно ином, более высоком, уровне (правда, не в России).

Для России особо важно то, что тема равенства по этническому признаку, трансформированная в «справедливое» распределение статусов и ресурсов между группами, очень хорошо подходит для выдвижения и обоснования коллективных требований и претензий. Подобное, собственно, уже показала история постсоветских националистических движений. В России при изменении социальной и политической ситуации тема равенства по этническому признаку в этом смысле может стать действительно важной частью публичной повестки и даже послужить средством мобилизации — оппозиционной существующему режиму или охранительной. Предсказывать, у кого в этом отношении больше возможностей — у официальных властей, у националистов, выступающих от имени большинства, или у лидеров меньшинств, — в данный момент вряд ли имеет смысл.

Государство может поддаться соблазну защищать «социальную справедливость» и начать перераспределять блага между этническими группами под лозунгами «равенства». Официальная риторика относительно «защиты коренного населения» и «русские проекты» подтверждают, что такое возможно. С другой стороны, при ослаблении режима активисты меньшинств или лидеры республик могут выдвинуть требования в духе борьбы с дискриминацией и с использованием риторики, позаимствованной на Западе.

И здесь возникает очень непростой вопрос: что же в России (или вообще на постсоветском пространстве) можно делать по отношению к этническим неравенствам?

В любом случае следует помнить, что все подходы к осмыслению и преодолению неравенств, будь то противодействие дискриминации, защита меньшинств, воспитание толерантности — это инструменты огра-

ниченного действия, которые позволяют решать только определенные задачи только в определенных и достаточно узких рамках.

Проще представить осмысленные исследовательские перспективы. Можно назвать три общие исследовательские рамки, заслуживающие внимания, в которых могут соединяться вопросы равенства и этничности. Первая — это собственно механизмы стратификации и социальной мобильности. При их изучении внимание может уделяться исключительному поведению и его мотивациям. Вторая рамка — изучение того, как социальные (в том числе этнические) категории (вос)производятся в практиках и как они, в свою очередь, влияют на практики. В любом обществе есть различия, которые могут описываться и проблематизироваться как неравенства; в свою очередь, во многих обществах существуют институционализированные, в том числе этнические, категоризации, и важно понять, как пересекаются и взаимодействуют эти две области. Принципиальной новизны и особых трудностей в исследованиях такого рода нет; примером могут служить, например, теории расиализации³²⁶ — производства расовых смыслов и представлений о расовом (или этническом) делении. Третьей рамкой может быть изучение того, как в академической науке происходит освоение категорий практики (вроде «меньшинств», «дискриминации» или «мультикультурализма») как категорий анализа.

В этих рамках категория дискриминации является многообещающим и в то же время опасным инструментом. Это пространство, где одновременно присутствуют противоположные по характеру риски: суженных и расширительных толкований. Сама по себе идея создает множество ловушек, и то, что люди и организации соскальзывают в эти ловушки, оказывается объяснимым и даже неизбежным. Понятие дискриминации имеет описательную и нормативную составляющую, и это открывает возможности для критических теорий, ориентированных скорее на социальное изменение, чем на описание социальной реальности; следствием становится выбор в пользу социальной приемлемости теоретических построений в ущерб достоверности.

Представляется, что термин «дискриминация» в социальных науках может иметь три разные области корректного употребления и соответственно три значения.

1. Дискриминация может признаваться и рассматриваться как практическая категория, как элемент объяснительных моделей, используемых на практике. В частности, «дискриминация» имеет смысл и значение для

³²⁶ Omi M., Winant H. Racial Formation in the United States: from the 1960s to the 1990s. 2nd ed. N.Y., 1994.

юриспруденции: она обозначает определенную правовую конструкцию; дискриминация, доказанная в суде или специальном независимом органе, есть определенное правовое состояние, но не социологический факт, и не приходится говорить о переносе этих пониманий в другие дисциплины. В другом контексте дискриминация может рассматриваться как принятый в данном обществе риторический прием для критики, например, социальной или миграционной политики государства.

2. Дискриминация как идеальный тип (в веберовском смысле) включающих идей, дискурсов и практик, субъективная мотивация которых основана на этнической категоризации. Эта конструкция может использоваться как абстрактная модель, как инструмент понимания тех или иных процессов с точки зрения социолога, антрополога или экономиста.

3. Описательная модель для исключаящих идей, дискурсов и практик представляется самой сложной. При неизбежном отсутствии четких критериев и произвольно проведенных разграничительных линий выстраивание и применение таких моделей было и будет очень проблематичным. В любом случае, имеет смысл не использовать понятие «дискриминация» до тех пор, пока без него невозможно обойтись.

Сложнее говорить о какой-то практически значимой деятельности в защиту этнического равенства или о критике его нарушений. Нет уверенности, что постановка вопроса вообще имеет смысл в отсутствие вменяемого и способного к осмысленным действиям государства, а также сколько-нибудь влиятельного и дееспособного общества и хоть каких-то общих моральных ориентиров и авторитетов. Поэтому непонятно, кому в принципе могут быть адресованы советы и рекомендации. Даже если допустить, что такие адресаты есть, сложно сформулировать реалистичные системные задачи и предложить какие-либо системные изменения, а не отдельные частные решения.

Если исходить из допущения, что есть активные люди, в том числе эксперты и участники способных на что-либо влиять гражданских организаций, то проще указать на то, чего им *не следует делать*.

Во-первых, опрометчиво инициировать и лоббировать какие-либо новое законодательство и какие-либо радикальные меры со стороны государства. Раньше мне приходилось выступать с предложениями относительно внесения норм о противодействии дискриминации в российское законодательство и писать о том, что эти изменения принципиально совместимы с действующим законодательством³²⁷. Чисто технически в них нет ничего

³²⁷ Осипов А.Г. Дискриминация по признаку этнической принадлежности // Создание правовой среды для защиты от дискриминации по признакам этнической

невозможного — при допущении, что они также реальны политически и что они будут адекватно проводиться в жизнь системой правоприменения.

Если исключить эти допущения, то выполнение такой задачи представляется малореальным. Сомнительно, что меры против дискриминации, предложенные ныне существующим режимом, будут иметь хоть какую-то легитимность, если, конечно, в такие выражения не будет упаковано создание преимуществ для этнического большинства — русских. Исполнение антидискриминационных норм требует высокого уровня подготовки и добросовестности исполнителей, в том числе сотрудников судебной и правоохранительной системы, — а ожидать подобного в настоящее время не приходится. Что еще важнее, на деле такие инициативы могут вылиться в лучшем случае в имитацию, в худшем — в очередную «пожарную инспекцию», еще один инструмент давления на предпринимателей или же приведут к бессмысленному увеличению бюрократической нагрузки. Вполне реально, что желание исключить дискриминацию при приеме на работу или на учебу приведет к трудновыполнимым требованиям, вводящим сложные процедуры объявления о вакансиях, отбора и учета. Результат вполне предсказуем: рост объема бессмысленного бумагооборота и возможность привлечения неугодных руководителей или бизнесменов к уголовной или административной ответственности.

Во-вторых, не очень разумно включаться в игры вокруг понятий «экстремизм», «межкультурный диалог» или «толерантность». Повестку необходимо менять; если понятие дискриминации слишком проблематично, то можно говорить об участии людей в жизни общества и о барьерах, мешающих такому участию. Вопрос, можно ли трансформировать в реальных российских условиях дискуссии вокруг «гражданской нации», федерализма, многонациональности, культурной автономии и т.п., ведущиеся с подачи государства, в осмысленные и практически значимые дебаты об интеграции и социальном участии, пока остается открытым.

В-третьих (и это, пожалуй, главное), следует учитывать риск расширенного понимания неравенства и недискриминации — как классовой борьбы, как отношений между «угнетающими» и «угнетенными» группами, кого бы в этих ролях ни усматривать, и избегать поддержки таких толкований.

В-четвертых, важно учесть, что суженное понимание дискриминации тоже создает риски. Дискриминация в смысле различного обращения обычно латентна, а конкретные спорные ситуации чаще всего допускают

принадлежности, пола и возраста. Концепции развития российского законодательства. М.: РИО «Новая юстиция», 2011. С. 17.

разные объяснения; протесты против дискриминации и оспаривание дискриминации строятся на достаточно вольных в своей основе допущениях, чаще всего на презумпции дискриминационного обращения, если предположительно пострадавшее лицо относится к меньшинству. При этом борцы с дискриминацией своей логикой и аргументами иногда начинают уподобляться тем, кто дискриминацию практикует или оправдывает. Обвинять правозащитников и антирасистов, как, например, делает Е. Хабенская³²⁸, в том, что они провоцируют и раздувают расизм, усматривая его в самых разных инцидентах, будет, пожалуй, перебором хотя бы ввиду малочисленности и малозаметности правозащитников в России. Но, действительно, параллели между расизмом и антирасизмом прослеживаются, и это, как правило, не вина антирасистов, а беда — они просто попадают в ловушки, которые создает та теория, в рамках которой вынуждены работать. Это проблема, которая в данном списке идет под номером три — расширенное толкование дискриминации, ведущее к идее противостояния групп.

В ответ может возникнуть соблазн подходить ко всем спорным или по-разному трактуемым ситуациям максимально строго и толковать все сомнения не в пользу существования дискриминации. Тогда тема дискриминации и неравенства по этническому признаку вообще становится ненужной и подлежит сдаче в архив, потому что немногие случаи, когда она лежит на поверхности, что называется, не делают погоды.

Между тем такое развитие и вообще игнорирование вопросов этнического неравенства тоже нежелательно. Едва ли не во всех случаях притеснений и преследований людей из-за их этнической принадлежности государство, которое это делает, отрицает дискриминационную подоплеку и утверждает, что речь идет о борьбе с теми или иными незаконными действиями — с нарушением паспортных правил или порядка пользования имуществом. Кроме того, всегда есть и будут люди, которые имеют вполне весомые основания считать, что их ограничивают в возможности вести нормальную жизнь из-за их этнической принадлежности. Они необязательно правы в каждом конкретном случае по существу, но их озабоченность должна приниматься всерьез.

Какие возможны позитивные стратегии и решения? Прежде всего, разумно сосредоточить внимание на первичных, а не вторичных проблемах. То, что можно считать дискриминацией по этническому признаку, в российских условиях возникает как следствие или побочное

³²⁸ Хабенская Е.О. Ксенофобия, национализм, расизм в реальном и виртуальном пространствах // Институт Африки РАН (http://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/Ксенофобия_национализм_расизм.pdf).

обстоятельство других проблем — возможности нарушать права трудовых мигрантов, милицейского (с некоторых пор полицейского) произвола, неурегулированности порядка признания и защиты прав собственности, отсутствия цивилизованного рынка жилищных услуг, коррумпированности системы образования и так далее. Занимаясь основными проблемами, можно привлекать внимание и к теме дискриминации — даже если дискриминация подается как вероятный сценарий или возможное побочное следствие или усиливает основные аргументы в защиту людей, которые страдают от основных пороков системы.

Для практиков, занимающихся защитой прав или помощью социально уязвимым людям, большим достижением станет, если они научатся распознавать и адекватно реагировать на хотя бы простые индивидуальные случаи, в которых можно проследить дискриминацию — в трудовых отношениях, в системе образования (например, при попытках сортировать учащихся на классы в зависимости от их национальности), при общении с государственными чиновниками. Реальная возможность решения таких проблем через суд, а также прокуратуру или административные органы пока неочевидна, но повторение попыток может дать полезный опыт и даже в чем-то изменить моральную ситуацию. Признание возможности дискриминации в определенных ситуациях как скрытого, неафишируемого исключения людей из-за их этнической принадлежности может стимулировать пересмотр норм и правил, создающих предпосылки и возможности для такого исключения. Наконец, нельзя отрицать и возможные позитивные эффекты от некоторых законодательных изменений — в первую очередь, от более четкого законодательного запрета дискриминации, введения понятия «экстремизм» в узкие рамки, уточнения процессуальных основ оспаривания дискриминации и т.п.

Появление хоть какой-то осмысленной дискуссии на темы этнического равенства и даже малые практические сдвиги в перспективе могут оказаться важными и полезными. Если хотя бы продвинутая часть публики и государственного аппарата четко усвоит, что дискриминация вызывается не только ксенофобией и «экстремизмом» и что любые действия и меры, ставящие людей одной этнической принадлежности в худшее положение по сравнению с другими, чем бы они ни обосновались, неприемлемы, то в российских условиях можно будет говорить о большом успехе.

Литература

Абашидзе А.Х. В чем суть проблем меньшинств // Международное право. 1998. № 1. С. 55–65.

Абдулатипов Р.Г. Манифест этнонациональной политики Российской Федерации. М.: Классик Стиль, 2007.

Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000.

Абдулатипов Р.Г. Этнонациональная политика в Российской Федерации: концепции, практика, реализация, перспективы. Москва: Классик Стиль, 2007.

Ачкасов В.А. и др. Ксенофобия в современном мире. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008.

Аверьянов В. Пострусские грядут? // Литературная газета. 2006. № 33.

Альтернативный доклад НПО «О соблюдении Российской Федерацией Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации», ноябрь 2007 г. (с обновлениями и дополнениями марта 2008 г.) // Центр «Сова». 2008. 12 августа (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2008/08/d13900/>).

Аналитическая справка. Положение балкарского народа в Кабардино-Балкарской Республике: источники проблем и пути их преодоления. Подготовлено аналитической группой Совета Старейшин балкарского народа КБР. Ноябрь 2006 г. (<http://www.balkaria.info/public/ssbn/2006-11-20.htm>). Сайт [balkaria.info](http://www.balkaria.info) заблокирован. Сейчас доступно по адресу: <http://web.archive.org/web/20080628232748/http://www.balkaria.info/public/ssbn/2006-11-20.htm>.

Андриченко Л.В. Право национальных меньшинств на культурно-национальную автономию // Расы и народы. Вып. 24. М., 1997. С. 98–107.

Андриченко Л.В. Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.02 / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. Москва, 2005.

Андрусенко Л. Русский вопрос для президента // Независимая газета. 2000. 8 апреля.

Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации. Формирование и управление. Северо-Кавказский регион. Ростов н/Д., Пятигорск: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2002.

Бабуркин С.А. Права этнических меньшинств и права этнического большинства в современной России // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8–9 июля 2004 г. СПб.: Норма, 2005. С. 214–224.

Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике, XX век. М.: Московский рабочий, 1993.

Бачинин В.А. Геноцид, дискриминация и ксенофобия в религиозной сфере // Российский криминологический взгляд. 2008. № 1. С. 162–169.

Бережной В.А. Судебная защита конституционных прав в сфере труда в случае дискриминации // Трудовое право. 2005. № 10. С. 41–47.

Бженников Р. Национальный вопрос в эпоху глобализации: правовой аспект // Философия права. 2006. № 3. С. 88–91.

Блищенко И.П., Абашидзе А.Х. Международная защита прав национальных меньшинств. М.: Издательство РУДН, 1993.

Бобков В.Н. Каким быть региональному неравенству качества и уровня жизни? // Мир России. 2009. № 3. С. 61–84.

Бондаренко М. Демократия по-адыгейски. Русские имеют преимущества только в смертности, полагает руководитель Союза славян общины республики // Независимая газета. 2000. 22 января.

Бондарь Н.С., Капранова Ю.В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов н/Д.: РГУ, 2002.

Борьба с дискриминацией в России: основные направления деятельности для юристов и активистов правозащитного движения. М.: Юристъ, 2004.

Бромлей Ю.В. Национальные проблемы в свете принципа равноправия // Национальные процессы в СССР. М.: Наука, 1991. С. 43–64.

Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...» М.: АИРО-XX, 1995.

Бугай Н.Ф. Положение русских в Российской Федерации // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века Южнороссийское обозрение. Вып. 10. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2002. С. 9–27.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 53–97.

Валентей С. Три вызова России // Федерализм. 2000. № 4. С. 17–32.

Варыханов С. Фашистский синдром // Новая политика. 2006. 17 апреля. (<http://www.novopol.ru/text7391.html>).

Вахнина Л.В., Ганнушкина С.А., Гефтер В.М., Осипов А.Г., Черепова О.И. Дискриминация по этническому признаку и признаку и признаку места жительства в московском регионе. Август — декабрь 1999 года. М.: Звенья, 2000.

Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. 2-е изд. Кунгур: Кунгурский печатный двор ПГФ, 2007.

Вендина О.И. Культурное разнообразие и «побочные эффекты» этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2009. С. 45–147.

Верховский А. Антиэкстремистское законодательство и его применение // Центр «Сова». 2007. 10 сентября (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/9CCB151>).

Верховский А. Идейная эволюция русского национализма // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 6–32.

Верховский А. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2011 году // Центр «Сова». 2012. 29 марта (<http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2012/03/d24014/>).

Верховский А., Кожевникова Г. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2008 году // Центр «Сова». 2009. 28 марта (<http://xeno.sova-center.ru/29481C8/CB5956B>).

Верховский А., Кожевникова Г. Призрак Манежной площади: Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2010 году // Центр «Сова». 2011. 11 марта (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2011/03/d21140/>).

Витрук Н. Права национальных меньшинств в Российской Федерации // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия. М.: Юристь, 2001. С. 264–297.

Вишневский А.Г. Альтернативы миграционной стратегии для России и политика идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 305–321.

Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика: Учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во РАГС, 2003.

Воробьев Д.В., Грушкин Д.В. Идея национальной государственности и проблемы этнической дискриминации в Республике Башкортостан. М.: Звенья, 1999.

Вынужденные мигранты на Северном Кавказе. М.: ООО «Фирма Инфограф», 1997.

Гайдаш В., Гладковская Е., Омаров Р. Положение граждан бывшего СССР на территории Краснодарского края // Положение граждан бывшего СССР в Краснодарском крае. Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. С. 9–26.

Галлямов Р.Р., Зайнетдинова Л.Ф. Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2004.

Ганнушкина С. «За нашего летчика ответишь!» // Блог Правозащитного центра «Мемориал». 2011. 25 ноября (<http://hrsmemorial.livejournal.com/70279.html>).

Ганнушкина С. Охота на таджиков // Грани.ру. 2011. 21 ноября (<http://grani.ru/blogs/free/entries/193268.html>).

Ганнушкина С. Правовое пространство беженцев // Правовые аспекты чеченского кризиса. М.: Мемориал, 1995. С. 122–135.

Гвоздицких А.В. Дискриминация в трудовых отношениях: Рекомендации по процессуальной работе представителя в делах о дискриминации в трудовых отношениях. М.: ЦСТП, 2008.

Гвоздицких А.В. Что именно «скрывает» скрытая дискриминация в сфере труда? (Сравнительно-правовой аспект косвенной дискриминации в праве Европейского Союза) // Трудовое право. 2010. № 10. С. 75–85.

Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Голдстон Д. Данные о национальности и этнической принадлежности: Нужный ресурс для борьбы с дискриминацией // Государственное управление в переходных экономиках. 2002. Зима. С. 19–32.

Голдстон Дж.Э. Отсутствие статистических данных о расовой и этнической принадлежности как препятствие для борьбы с дискриминацией // Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности. Судебная практика и методология доказывания. М.: Юристь, 2005.

Голышев В. Разжигание // Агентство политических новостей. 2006. 4 апреля (<http://www.apn.ru/publications/article1856.htm>).

Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М.: Экономика, Научный эксперт, 2007.

Гофман А.Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 23–26.

Градировский С. Есть ли у России миграционная политика? // Полит.ру. 2010. 28 января (<http://www.polit.ru/analytics/2010/01/28/migrationpolicy.html>).

Градировский С. Миграционная политика исторического поражения // Полит.ру. 2007. 16 февраля (<http://www.polit.ru/author/2007/02/16/migr.html>).

Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел лететь с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М.: ЦИМО, 2000.

Гудков Л.Д. Негативная идентичность: статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, ВЦИОМ-А, 2004.

Гудков Л.Д. О ценностных основаниях и внутренних ориентирах социальных наук // Пути России: проблемы социального познания. М.: МВШСЭН, 2006.

Гудков Л. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения. 2009. № 2.

Гулина О.Р. Дискриминация и право: практика международных организаций. Борьба с дискриминацией в рамках директив европейского сообщества // Правовое государство: теория и практика. 2008. № 1. С. 51–65.

Гулина О.Р. Право на равенство: Российское законодательство и международные стандарты // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 1. С. 129–140.

Гуриев С. Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. 2-е изд., доп. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

Гусейнов А.А. Справедливость // Новая философская энциклопедия. Т. III. С. 622–624.

Девиации и дискриминация // Трудовое право. 2007. № 4. С. 73–82.

Делягин М. Предостережение от соучастия // Агентство политических новостей. 2006. 18 апреля (<http://www.apn.ru/publications/article1888.htm>).

Делягин М.Г. Россия для россиян. М.: Алгоритм, 2007.

Деменева Н.А. Дискриминация при трудоустройстве: Социально-правовой аспект // Юрист. 2007. № 5. С. 25–29.

Демина Н. Москва слезам не верит: межэтнические проблемы мегаполиса // Полит.ру. 2006. 10 ноября (<http://www.polit.ru/science/2006/11/10/etnos.html>).

Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д.: Ростовский государственный педагогический университет, 2003.

Динамика и современное состояние национальных отношений (информ.-аналит. материал Аналит. Упр. Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации) // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2008. № 5. С. 56–63.

Дискриминация в сфере труда: теория и практика. Научно-практический сборник. М.: ЦСТП, 2008.

Дискриминация по признаку расы и национальной принадлежности: судебная практика и методология доказывания. М.: Юрист, 2005.

Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. М.: Альфа-М, 2006.

Добрынина Е.П. Свобода. Неравенство. Братство: социологический портрет современной России. М.: Российская газета, 2007.

Доклад Государственного Совета Российской Федерации о мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе. 11 февраля 2011 // Министерство регионального развития Российской Федерации. 2011. 29 марта (http://minregion.ru/activities/interethnic_relations/national_policy/505/902.html).

Дробижина Л.М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // Мир России. 2001. № 2. С. 167–180.

Дробижина Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.

Дубровин Ю.Д. О государственном регулировании межнациональных отношений в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 2. С. 3–4.

Дубровин Ю.Д., Туник Г.А. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовые аспекты. М.: Гос. Дума, 2002.

Дубровин Ю.Д., Туник Г.А. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовые аспекты // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 5. С. 6–7.

Дубровина М., Денисова А., Костенко Э. Правовое положение езидов в Краснодарском крае // Положение граждан бывшего СССР в Краснодарском крае. Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. С. 27–59.

Елеонский В.О. Совершенствование законодательства Российской Федерации о защите национальных меньшинств // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран: Материалы научной конференции. Москва, 27–28 апреля 2000 г. М.: МГУ, 2001. С. 161–168.

Жигунова Г. Толерантность как ценность гражданского общества // Власть. 2010. № 1. С. 60–63.

Журавский А.В. Тезисы выступления на Всероссийском совещании по вопросам реализации государственной национальной политики и этнокультурного развития регионов России (г. Москва, 1 декабря 2010 г.) // Министерство регионального развития Российской Федерации. 2010. Декабрь (<http://minregion.ru/upload/documents/2010/12/zhuravskiy-tezisy.doc>).

Защита личности от дискриминации (в трех томах). Хрестоматия. М.: РИО «Новая юстиция», 2009.

Защита личности от дискриминации, методические рекомендации для преподавателя. М.: РИО «Новая юстиция», 2009.

Защита личности от дискриминации. Программа учебного курса. М.: РИО «Новая юстиция», 2008.

Зайончковская Ж., Мкртчян Н., Тюрюканова Е. Россия перед вызовами иммиграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М.: АдамантЪ, 2009. С. 9–62.

Зайков Д.Е. Равенство: новое содержание и значение для современного общества и государства // Государство и право. 2011. № 2. С. 101–106.

Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и состава населения Москвы // Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2009. С. 18–44.

Заклучный А.Г. Правовые гарантии противодействия экстремистской деятельности в политической, религиозной и других сферах общественной жизни // Закон и право. 2002. № 9. С. 29–32.

Заковряшина Е. Принцип недискриминации в праве Совета Европы // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2002. № 2. С. 113–134.

Здравомыслов А.Г., Цуциев А.А. Этничность и этническое насилие // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 20–50.

Золотарева М.В. Федерация в России: проблемы и перспективы. М.: Пробел, 1999.

Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России и современность. Сер. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 225. М.: ИЭА РАН, 2011.

Зорин В.Ю. Дневник не для себя. Кн. 2. Страсти Охотного ряда. М.: Виоланта, 1999.

Зорин В.Ю. Национальная политика в России. История, проблемы, перспектива. М.: РИЦ ИСПИ РАН, МРОО содействия демократическим реформам «Мобилизация и развитие», 2003.

Зубаревич Н.В. Мифы и реальности пространственного неравенства // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 38–53.

Зюганов Г.А. И вечный бой! Отстоим русскую культуру — спасем Россию. М.: ИТРК, 2007.

Зюганов Г.А. О русских и России. М.: Молодая гвардия, 2004.

Иванова Т.Д. Афганцы в Москве: интеграционный потенциал // Иммигранты в Москве. С. 209–236.

Иванова Т.Д. Таджики в московском социуме // Иммигранты в Москве. С. 176–208.

Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2009.

Инструкция о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений и действиях, направленных на ликвидацию их последствий. Приложение к приказу Министра от 29 июня 2007 г. № 57 // Министерство регионального развития Российской Федерации (<http://www.minregion.ru/OpenFile.ashx/instrukciya.doc?AttachID=1167>).

Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М.: Наука, 2000.

Калинина Ю. Мир, дружба, жвачка. Кто и как у нас занимается «кавказской проблемой»? // Московский комсомолец. 2001. 1 ноября.

Калинина Ю. Покорение Кавказом-2 // Московский комсомолец. 2001. 9 августа.

Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М.: Норма, 2001.

Карпенко О. Языковые игры с «гостями с юга»: «кавказцы» в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН, Институт философии РАН, 2002.

Карсанова Е.С. Регулирование трудовой миграции как фактор этнополитической стабильности в регионе // Управление мегаполисом. 2010. № 4. С. 67–72.

Кожевникова Г. Лето 2008: Антиэкстремизм: Реальность и имитация // Центр «Сова». 2008. 21 октября (<http://xepo.sova-center.ru/29481C8/BE56FF0>).

Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему // Верхи и низы русского национализма. М.: Центр «Сова», 2007. С. 33–120.

Козюк М.Н. Правовое равенство и механизм правового регулирования: Учебное пособие. Волгоград: ВЮИ, 1998.

Комкова Г.Н. Запрет дискриминации в российском и международном праве. Саратов: Поволж. акад. гос. службы, 2003.

Комкова Г. Защита от дискриминации: российские и европейские механизмы // Государственная служба. 2002. № 6. С. 115–121.

Комкова Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002.

Комкова Г.Н. Равенство и неравенство: Теоретическая и конституционно-правовая основы соотношения // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 3. С. 50–56.

Комкова Г.Н. Реализация принципа равноправия в национальной политике Российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 3. С. 16–23.

Коновалова Н. Социально-политическое положение русских в Адыгее // Закубанье. 2005. № 23.

Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России // Мир России. 2008. № 3. С. 37–66; № 4. С. 3–35.

Коркмасова К. Конституционные основы Российского Федерализма и общенациональная идея России. Ростов н/Д.: Изд-во Ин-та управления, бизнеса и права, 2002.

Костюков Л. Свидетель черных лет // Полит.ру. 2009. 30 июля (<http://www.polit.ru/author/2009/07/30/mehmat.html>).

Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие. М.: Проспект, 2007.

Крицкий Е.В., Савва М.В. Краснодарский край. Модель этнологического мониторинга. М.: ИЭА РАН, 1998.

Кроз М., Ратинова Н. Социально-психологические и правовые аспекты ксенофобии. М.: Academia, 2005.

- Крусс В.И. Дискриминация и дифференцированный подход к обладателям конституционных прав и свобод // Государство и право. 2005. № 12. С. 30–42.
- Крылов Б.С. Проблемы равноправия и равенства в российском конституционном праве // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 13–24.
- Кузнецов И. Российская Федерация: конструирование идентичности и социальные сети // Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция. СПб.: Алетейя. 2007. С. 147–177.
- Кузнецов М. Дискриминация // Независимая газета. 2001. 8 февраля.
- Ларинбаева И.И. Диалектика равноправия и дискриминации: теоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2006. № 1. С. 10–18.
- Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008.
- Мазин А. Трудовая дискриминация: болезнь, которую нужно лечить // Человек и труд. 2003. № 4. С. 28–32.
- Макеев В.В., Артикуленко Т.А. Российский федерализм в концепции государственной национальной политики Российской Федерации // Философия права. 2005. № 1. С. 35–38.
- Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 48–60.
- Малахов В. Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002. С. 9–19.
- Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах // Космополис. 2004. № 1. С. 56–69.
- Малахов В.С. Настоящее и будущее национальной политики в России // Прогнозис. 2006. № 3. С. 144–159.
- Малькова В.К. Не допускается разжигания межнациональной розни. Книга об этнической журналистике. М., 2007.
- Малькова В.К. Полиэтничная Москва в начале нового тысячелетия. Как видит и показывает ее столичная пресса. М.: ИЭА РАН, 2007.
- Маркедонов С. 2005. Дагестанская Ичкерия // АПН.ру. 2005. 17 июня. (<http://www.apn.ru/publications/article1440.htm>).
- Медведев Н.П. Политическая регионалистика. Учебное пособие. М.: Альфа-М, 2005.
- Межкультурный диалог: Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003.

- Межэтническая нетерпимость: причины и факторы распространения. Аналитический доклад. 22 апреля 2009 года // Общественная палата РФ. 2009 (<http://www.oprf.ru/files/researchsvanidze.doc>).
- Методы этноэкологической экспертизы. М: ИЭА РАН, 1999.
- Миграция и безопасность в России. М.: Московский Центр Карнеги. М.: Интердиалект+, 2000.
- Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия. СПб.: Алетейя, 2011.
- Михаил Делягин: «Трудовой мигрант — камень на шее российской экономики?» // Комсомольская правда. 2009. 30 сентября.
- Михайлов А.В. Нетипичные формы дискриминации в трудовой деятельности // Трудовое право. 2007. № 5. С. 75–79.
- Мнацаканян М.О. Национализм и глобализм: национальная жизнь в современном мире. М.: Анкил, 2009.
- Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. М.: Фонд «За гражданское общество», 2006.
- Мукомель В. Национальные меньшинства в федеральном законодательстве и законодательство субъектов Федерации // Новые диаспоры. Государственная политика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам. М., 2002. С. 158–199.
- Мукомель В. Российские дискурсы о миграции // ДемоскопWeekly. 2004. 30 ноября (<http://demoscope.ru/weekly/2004/0179/tema01.php>).
- Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 56–66.
- Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005.
- Мысливцев В.Г. Этнокультурная автономия как специфическая форма взаимодействия народов, групп в Российском государстве. Саратов, 2008.
- Нарушения прав человека в ходе осуществления режима чрезвычайного положения в Москве в период с середины 4 октября до 18 октября 1993 г. Доклад Правозащитного Центра «Мемориал». Апрель 1994 г. // ПЦ «Мемориал» (<http://www.memo.ru/hr/hotpoints/moscow93/index.htm>).
- Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС). Принята Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 г. // Правда. 1989. 24 сентября.
- Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в субъектах юга Российской Федерации. М.: Центр этнополитических и региональных исследований, 2003.

Нистен-Хаарала С., Фурман Д. Право на отделение // Бьюкенен А. Сецессия. М.: Рудомино, 2001. С. 204–222.

Новичкова Ю. В. Дискриминация в трудовых отношениях // Трудовые споры. 2006. № 11. С. 33–39.

О положении жителей Чечни в Российской Федерации. Август 2006 г. — октябрь 2007 г. // ПЦ «Мемориал». 2007 ([http://refugee.memo.ru/C325678F00668DC3/\\$ID/6AE81AEE666DB64BC32573AA00016555](http://refugee.memo.ru/C325678F00668DC3/$ID/6AE81AEE666DB64BC32573AA00016555)).

О положении жителей Чечни в Российской Федерации. Октябрь 2007 г. — апрель 2009 г. // ПЦ «Мемориал». 2009 ([http://refugee.memo.ru/_c325678f00668dc3.nsf/\\$ID/285e0dd1bd7c85ecc32575c30055042d!OpenDocument&ExpandSection=5#_Section5](http://refugee.memo.ru/_c325678f00668dc3.nsf/$ID/285e0dd1bd7c85ecc32575c30055042d!OpenDocument&ExpandSection=5#_Section5)).

О положении жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию // ПЦ «Мемориал». 2002 (http://refugee.memo.ru/For_ALL/RUPOR.NSF/839ac874eb0b559cc3256a4a003bb69f/b00db7c7b26f7226c3256bb4002d6d3!OpenDocument&ExpandSection=8.2,8.1,3#_Section8.2).

О практике изъятия российских паспортов у бывших граждан СССР, переселившихся в Российскую Федерацию из стран СНГ. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 26 января (доступно также по адресу: <http://www.rg.ru/2008/01/26/pasporta-doklad.html>).

О толерантности и противодействии нетерпимости и экстремизму в российском обществе. Рекомендации Общественной палаты Российской Федерации // Общественная палата РФ. 2006. 14 июня (<http://www.oprf.ru/publications/documents/resolutions/1572>).

Общественное мнение — 2011. М.: Левада-Центр, 2012.

Орлова И. «Полный провал концепции мультикультурализма» // Российская Федерация сегодня. 2011. № 4. С. 38–39.

Осетино-ингушский конфликт 1992 г.: истоки и развитие (по май 2005 года) // ПЦ «Мемориал». 2005 (<http://kavkaz-uzel.ru/analyticstext/analytic/id/860361.html>).

Осипов А. Российская Федерация: превратности официального статуса // Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция. СПб.: Алетейя, 2007. С. 296–335.

Осипов А.Г. Дискриминация по признаку этнической принадлежности // Создание правовой среды для защиты от дискриминации по признакам этнической принадлежности, пола и возраста. Концепции развития российского законодательства. М.: РИО «Новая юстиция», 2011. С. 17–47.

Осипов А.Г. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002. С. 45–69.

Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб: ЦНСИ, 2004.

Осипов А.Г. Положение турок-месхетинцев // Национализм, нетерпимость и ксенофобия в современной России. М.: Московская Хельсинкская группа, 2002. С. 306–332.

Осипов А.Г. Российский опыт этнической дискриминации. Месхетинцы в Краснодарском крае. М: Звенья, 1999.

Осипов А.Г. Что в России означает понятие «регулирование миграции»? // Миграция и национальное государство. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 15–45.

Осипов А., Еременко В. Проблемы курдов в станице Платнировской Кореновского района Краснодарского края // Положение граждан бывшего СССР в Краснодарском крае. Краснодар: Просвещение-Юг, 2009. С. 60–93.

Осипов А.Г., Черепова О.И. Нарушение прав вынужденных мигрантов и этническая дискриминация в Краснодарском крае. Положение месхетинских турок. М.: Мемориал, 1996.

Основы национальных и федеративных отношений. М.: Изд. РАГС, 2001.

Паин Э. Этнические проблемы в полиэтничном обществе // Профессионалы за сотрудничество. Вып. 4. М.: РОО «Кеннан», 2000. С. 51–60.

Перепелкин Л.В. Социальные предпосылки современных межэтнических конфликтов в Российской Федерации. М.: Институт востоковедения РАН и Российский центр стратегических и международных исследований, 1997.

Петров В.Н. Этнические мигранты и полиэтничная принимающая сторона: проблемы толерантности // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 84–91.

Петухов В.В., Пахомова Е.И., Седова Н.Н. Права человека и дискриминационные практики в современной России // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 40–48.

Петухов В.В., Пахомова Е.И., Седова Н.Н. Права человека и проблемы дискриминации в современной России // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М.: Референдум, 2003. С. 193–208.

Печенев В.А. О правовых основах статуса и развития русского народа // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 114–121.

Пистрякова С.А. Проблемы иммиграции: толерантность против ксенофобий и дискриминации. М.: Московское бюро по правам человека, Academia, 2008.

Поленина С.В. Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Государство и право. 2005. № 5. С. 66–77.

Полян П.М. Депортации и этничность // Сталинские депортации 1928–1953. М.: МФД: Материк, 2005. С. 5–19.

Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, Мемориал, 2001.

Попов С.И. Ставропольский край в системе федеративных отношений на Северном Кавказе // Федерализм: система государственных органов и практический опыт их деятельности. М.: МОНФ, 1998.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1994.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1995.

Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8–9 июля 2004 г. СПб.: Норма, 2005.

Право цыган на жилье и проблема насильственных выселений в России (совместный отчет АДЦ «Мемориал» и FIDH). СПб.: АДЦ «Мемориал», 2008.

Петров Н. Преступный характер сталинского режима: юридические основания // Полит.ру. 2009. 19 ноября (<http://www.polit.ru/lectures/2009/11/19/stalin.html>).

Проблема дискриминации и несоблюдения прав цыганских детей в российских школах. СПб.: АДЦ «Мемориал», 2009.

Прокофьев А.В. Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия // ИФ РАН (<http://iph.ras.ru/page53519131.htm>).

Пути мира на Северном Кавказе. М.: Центр по изучению и урегулированию конфликтов ИЭА РАН, 1999.

Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.

Пучкова М. Соответствие Конституции и текущего законодательства Российской Федерации международным обязательствам страны в области предотвращения и ликвидации расовой и этнической дискриминации // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации. М.: Немецко-русский обмен, 2004. С. 24–79.

Радтке Ф.-О. Между дерегуляцией и дискриминацией. Дилемма немецкого социального государства в обращении с иммиграцией // Миграция и национальное государство. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 174–200.

Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002.

Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997.

Рогозин Д.О. Русский ответ Владимиру Путину // Известия. 2012. 31 января.

Розальская М. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2010 году. // Центр «Сова». 2011. 25 марта (<http://www.sova-center.ru/misuse/publications/2011/03/d21249/>).

Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века // Южнороссийское обозрение. Вып. 10. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.

Савва М. Краснодарский край // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2003. М.: ИЭА РАН, 2004.

Савва М. Интеграция мигрантов в южно-российском регионе // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2003. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 61–74.

Савва М.В. Новые диаспоры Краснодарского края (права, интересы, динамика интеграции и восприятие местным сообществом). Краснодар: ЮРПЦ, 2005.

Савва М.В. Турки-месхетинцы в Краснодарском крае. Исследования. Сборник информационно-методических материалов. Краснодар: ЮРПЦ, 2007.

Савельев В.В. Национально-культурная автономия как форма этнокультурного самоопределения народов России: учебно-методическое пособие. М.: Изд-во РАГС, 2008.

Салагаев А.Л. Неопределенность положения русских в России — источник экстремизма: мнение социолога // ИА REGNUM. 2010. 18 октября (<http://www.regnum.ru/news/1337042.html>)

Свинаренко И. Гастарбайтер против русичей: 100000 против 5000 // Газета.ру. 2007. 21 июня. (<http://www.gazeta.ru/column/svinarenko/1831787.shtml>).

Святенков П. Призрак национализма // Взгляд. 2006. 24 апреля (<http://www.vz.ru/columns/2006/4/24/31218.html>).

Семинар: «Права человека и феномен дискриминации в современном российском обществе». Московский Центр Карнеги (доступно по адресу: http://opencity.redu.ru/articles/human_liberties/).

Сергеев С. Республика Татарстан в 2005 г. // Московский Центр Карнеги (<http://monitoring.carnegie.ru/2005/12/tatarstan/sergeev-sergej-respublika-tatarstan-v-2005-g/>).

Сергеев С. Республика Татарстан в 2006-м году // Московский Центр Карнеги. (<http://monitoring.carnegie.ru/wp-content/uploads/2007/08/2006-december-tatarstan-sergeev-sergey.doc>).

Сергеев С.А., Салагаев А.Л. Внутриэлитные конфликты в Татарстане // Конфликтология. 2006. № 4. С. 160–169.

Сергеев С.А., Салагаев А.Л. Комментарий по результатам экспертного опроса «Самые влиятельные люди России — 2003» в Республике Татарстан // Самые влиятельные люди России — 2003. М.: ИСАНТ, 2004. С. 164–183.

Сергеев С.А., Салагаев А.Л. Новые маски, старые роли: трансформация провинциальной номенклатуры // ПОЛИТЭКС. 2010. № 2 (<http://www.politex.info/content/view/694/30/>).

Сидоренко А. Политическая власть в этнических регионах // Федерализм и этническое разнообразие в России. М.: РОССПЭН, 2010. С. 94–110.

Смирнова С.К. Права народов в мультиэтничном государстве: путь России. М.: ИЭА РАН, 2002.

Создание правовой среды для защиты от дискриминации по признакам этнической принадлежности, пола и возраста. Концепции развития российского законодательства. М.: РИО «Новая юстиция», 2011.

Соколов-Митрич Д. Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики. М.: Эксмо-пресс, 2007.

Соколовский С.В. Права меньшинств. Антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. М.: МОНФ, 1997.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

Социальное неравенство и публичная политика. М.: Культурная революция, 2007.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia, 2002.

Социальное согласие и толерантность в современном мире. Вып. 1–2. М.: Центр общечеловеческих ценностей. 2002.

Социальные неравенства и социальная политика в современной России = Social inequalities and social policy in modern Russia. М.: ИС РАН, 2007.

Социология межэтнической толерантности. М.: ИС РАН, 2003.

Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России. М.: Референдум, 2003.

Стельмах В. Москва: «маленький» Кавказ — большие проблемы // Конфликт-Диалог-Сотрудничество. М.: МОО Центр стратегических и политических исследований, 1999. № 1 (<http://demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit05.php>).

Стенограмма «круглого стола» Комитета Государственной Думы по культуре 23 марта 2009 года // Государственная Дума РФ. 2009 (http://www.duma.gov.ru/cult-tur/news/23_04_2009.htm).

Стукен Т.Ю. Дискриминация в социально-трудовых отношениях. Экономический аспект. М.: Информ-Знание, 2007.

Сусоколов А.А. Устойчивость этноса и концепции национальных школ России. М.: ИНПО, 1994.

Таджикистан: Экспорт рабочей силы — какова цена? Доклад наблюдательной миссии FIDH // АДЦ «Мемориал». 2001. Сентябрь (<http://memorial.spb.ru/wp-content/uploads/571r-FIDH-Rapport-Tadj-WEB1.pdf>)

Тарусин М. Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества. М.: Ин-т общественного проектирования, 2006.

Тезисы по российской национальной политике. М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2004.

Тэпс Д. Проблемы национального самоопределения в условиях реформирования российского федерализма. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2005

Тихонова Н. Модель социальной стратификации российского общества: эвристические возможности различных теоретических подходов. — Россия реформирующаяся. Вып. 6. М.: ИС РАН, 2007.

Тишков В. Pro et Contra этнического федерализма в России // Федерализм в России. Казань: Институт истории АН Татарстана, Казанский институт федерализма, 2001. С. 29–41.

Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001.

Ткаченко А.А. История депортации народов России // Российский демографический журнал. 2002. № 1. С. 58–65.

Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.

Трифонов Е. Париж — забытая станица // Газета.ру. 2009. 29 апреля (http://www.gazeta.ru/comments/2009/04/29_a_2980821.shtml).

Трофимов Е.Н. Актуальные проблемы национальной политики в Российской Федерации // Государственная национальная политика: проблемы и перспективы: Материалы международной конференции, 25 мая 2005 г. М.: Изд. Гос. Думы, 2006. С. 17–23.

Тупикин В. Массовка исполнителей // Грани.ру. 2011. 23 ноября (<http://grani.ru/opinion/m.193326.html>).

Турки-месхетинцы: Интеграция. Репатриация. Эмиграция. СПб.: Алетейя. 2007.

Туровский Р. Принесенные ветром // Политический журнал. 2005. № 29.

Тюрюканова Е.В. Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество // Иммигранты в Москве. М.: Три квадрата, 2009. С. 148–175.

Федерализм: Теория. Институты. Отношения (сравнительно-правовое исследование). М.: Юристъ, 2001.

Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2003.

Хабенская Е.О. Ксенофобия, национализм, расизм в реальном и виртуальном пространствах // Институт Африки РАН (http://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/Ксенофобия_национализм_расизм.pdf).

Хабриева Т.Я. Проблемы совершенствования законодательства о национально-культурной автономии в Российской Федерации // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран: Материалы научной конференции. Москва, 27–28 апреля 2000 г. М., 2001. С. 145–155.

Хоперская Л. Регулирование миграционных процессов на Северном Кавказе // Вынужденные мигранты и государство. М. ИЭА РАН, 1998.

Храмов С. Россия ради русских // Агентство политических новостей. 2006. 16 мая (<http://www.apn.ru/opinions/article9693.htm>).

Цветков О.М. Русский вопрос в титульных республиках // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Вып. 10. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2002. С. 81–99.

Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт (1992 —...), его предыстория и факторы развития. М.: РОССПЭН, 1998.

«Черное 20-летие» мехмата МГУ. Интервью с математиком, ректором Независимого московского университета Юлием Ильяшенко // Полит.ру. 2009. 28 июля (<http://www.polit.ru/science/2009/07/28/ilyashenko2.html>).

Чешко С.В. Распад Советского Союза. М.: ИЭА РАН, 1996.

Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР. М.: АН СССР, 1989.

Чурбаков А.В. Национально-территориальное и национально-культурное самоопределение: соотношение понятий // Государственно-правовые основы обеспечения безопасности в Российской Федерации. СПб.: СПб. Академия МВД, 1999. С. 62–75.

Шаров В. Адыгейский «паритет». Почему русскоязычное население чувствует себя чужим на родной земле // Независимая газета. 2000. 11 января.

Шкаратан О.И., Инясевский С.А., Красилова А.Н., Крельберг Ю.М., Смыслов Д.А., Ястребов Г.А. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА МЕДИА ГРУПП, 2009.

Шнирельман В.А. Лица ненависти (антисемиты и расисты на марше). М.: Academia, 2005.

Шнирельман В. Лукавые цифры и обманчивые теории: о некоторых современных подходах к изучению мигрантов // Вестник Евразии. 2008. № 2. 125–150.

Шнирельман В.А. Ксенофобия, новый расизм и пути их преодоления // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 6–19.

Шнирельман В. СМИ, «этническая преступность» и мигрантофобия // Язык вражды против общества. М.: Центр «Сова», 2007. С. 107–149.

Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М., 1999. С. 118–147.

Шнирельман В.А. Очерки современного расизма. Петрозаводск: Скандинавия, 2006.

Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма. В 2-х томах. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2007.

Щедрина О.В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 67–75.

Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. М.: Новая юстиция, 2006.

Юрасов И.А. Истоки и причины дискриминации в сфере трудовых отношений // Трудовое право. 2007. № 4. С. 13–15.

Юсуповский А.М. Стратегические проблемы национального развития: к сравнительному анализу приоритетов государственной национальной политики // Аналитический вестник. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Аналитическое управление аппарата Совета Федерации. 2007. № 22. С. 22–34.

Язык мой...: Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: РОО «Центр «Панорама», 2002.

Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. и др. Правовое противодействие расовой, национальной, религиозной дискриминации. М.: Научный эксперт, 2009.

Affirmative Action: the Answer to Discrimination? A AEI Round Table Held on May 28, 1975, at the American Enterprise Institute for Public Policy Research, Washington, D.C. / Ralph K. Winter, Jr., moderator; Owen Fiss ... [et al.]. Washington, D.C.: The Institute, 1976.

The Affirmative Action Debate. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 2002.

Aristotle. Nicomachean Ethics, book 5 // The Internet Classics Archive (<http://classics.mit.edu/Aristotle/nicomachaen.5.v.html>).

Arnardóttir O.M. Equality and Non-discrimination under the European Convention on Human Rights. The Hague; L.; N.Y.: Martinus Nijhoff Publishers, 2003.

Arshi Khan. Minority Rights and Liberal Neutrality: Identity Consciousness and Marginalisation of the Minority Groups // Nation and Minorities: India's Plural Society and its Constituents. New Delhi: Kanishka Publishers Distributors, 2002. P. 30–58.

Autonomy, Self-governance and Conflict Resolution. Innovative approaches to institutional design in divided societies. / Ed. by Marc Weller and Stefan Wolff. L. and N.Y.: Routledge, 2005.

Baldus D. C., Cole J. Statistical Proof of Discrimination. Colorado Springs, Colo., 1980.

Banton M. The Idea of Race. L.: Tavistock Publications, 1977.

Banton M. The International Politics of Race. Cambridge, UK: Polity; Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2002.

- Barry B. *Culture and Equality. An Egalitarian Critique of Multiculturalism*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2001.
- Bell D. *Race, Racism, and American Law*. 4th ed. Gaithersburg, MD, 2000.
- Bell M. *Racism and Equality in the European Union*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.
- Bernstein D.E. *You Can't Say That! The Growing Threat to Civil Liberties from Antidiscrimination Laws*. Washington, DC: Cato Institute, 2003.
- Bonilla-Silva E. *Racism without Racists*. 2nd ed. N.Y., Toronto, Oxford: Rowman and Littlefield, 2006.
- Bourdieu P. *On Symbolic Power* // Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1991.
- Bremmer I. *Introduction* // *Nation and Politics in the Soviet Successor States*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. P. 3–28.
- Brooks R. *Integration or Separation? A Strategy for Racial Equality*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1996.
- Brooks R., Carrasco G., Selmi M. *Civil Rights Litigation: Cases and Materials*. 2nd ed. Durham, N.C.: Carolina Academic Press, 2000.
- Brubaker R. *Ethnicity without groups* // *Archive Européenne de Sociologie*. Vol. XLIII. 2002. No. 2. P. 163–189.
- Capotorti F. *Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities*. N.Y.: United Nations, 1979.
- Connor W. *The National Question in Marxist-Leninist Theory and Strategy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984.
- De Schutter O. *Three models of equality and European anti-discrimination law* // *Northern Ireland Legal Quarterly*. Vol. 57. 2006. No. 1. P. 1–56.
- De Vos M. *Beyond Formal Equality. Positive Action under Directives 2000/43/EC and 2000/78/EC*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 2007.
- The Development of Legal Instruments to Combat Racism in a Diverse Europe*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2004.
- Discussion Paper on a UNDP Policy Note on Minorities*. Prepared by Minority Rights Group International. October 2003. L.: MRG(I), 2003.
- D'Souza D. *The End of Racism: Principles for a Multiracial Society*. N.Y.: Free Press, 1995.
- Dworkin R. M. *A Matter of Principle*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1985.
- Essed P. *Understanding Everyday Racism: an Interdisciplinary Theory*. L., Newbury Park, CA: Sage Publications, 1991.
- Feagin J.R. *Racist America. Roots, Current Realities, & Future Reparations*. N.Y., 2001.

- Feagin J.R., Feagin C.B. *Racial and Ethnic Relations*. 7th ed. Upper Saddle River, N.J., 2003.
- Feagin J. R., Hernan V. *White Racism: the Basics*. N.Y.: Routledge, 1995.
- The Fight against Discrimination and the Promotion of Equality. How to Measure Progress Done*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008.
- Foucault M. *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.
- Fraser N. *Rethinking Recognition* // *New Left Review*. 2000. No. 3. May June. P. 107–120.
- Fredman S. *Discrimination Law*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
- Fredrickson G. *Racism: a Short History*. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 2002.
- Gagnon A.-G. *The moral foundation of asymmetrical federalism: a normative exploration of the case of Quebec and Canada* // *Multinational Democracies*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2001. P. 319–337.
- Greenawalt K. *Discrimination and Reverse Discrimination*. N.Y.: Knopf, 1983.
- Henrard K. *Participation, 'Representation' and 'Autonomy' in the Lund Recommendations and their Reflections in the Supervision of the FCNM and Several Human Rights Conventions* // *International Journal on Minority and Group Rights*. 2005. Vol. 12. No. 2-3. P. 133–168.
- Hepple B. *Work, Empowerment and Equality*. International Institute for Labour Studies Public Lecture. Geneva, November 2000 (<http://ilo-mirror.library.cornell.edu/public/english/bureau/inst/papers/publects/hepple/index.htm>).
- Inglis Ch. *Multiculturalism: New Policy Responses to Diversity*. Paris: UNESCO, 1996.
- International Perspectives on Positive Action Measures. A comparative analysis in the European Union, Canada, the United States and South Africa*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Commission, 2009.
- Jenkins R. *Racism and Recruitment. Managers, Organisations and Equal Opportunity in the Labour Market*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.
- Joppke C. *Minority Rights for Immigrants? Multiculturalism Versus Antidiscrimination* // *Israel Law Review*. Vol. 43. No. 1. P. 49–66.
- Kallen E. *Ethnicity and Human Rights in Canada: a Human Rights Perspective on Ethnicity, Racism and Systemic Inequality*. 3rd ed. Don Mills, Ont.: Oxford Univ. Press, 2003.
- Klarman, M.J. *From Jim Crow to Civil Rights: the Supreme Court and the Struggle for Racial Equality*. Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, 2004.
- Kornblum W., Joseph J., Smith C. *Social Problems* 12th ed. Upper Saddle River, N.J.: Pearson Prentice Hall, 2007.

Kumar Singh A. *Language, Nation and Minorities: Implication of the Official // Nation and Minorities: India's Plural Society and its Constituents* New Delhi: Kanishka Publishers Distributors, 2002. P. 148–170.

Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford, 1995.

Lawrence III Ch. *The Id, the Ego, and Equal Protection: Reckoning with Unconscious Racism // Stanford Law Review*. Vol. 39. 1987. No. 2. P. 322–344.

Lapidoth R. *Autonomy: Flexible Solutions to Ethnic Conflicts*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1997.

Layton-Henry Z. *The Politics of Race in Britain*. L.; Boston: Allen & Unwin, 1984.

Lentin A. *Racism and Anti-racism in Europe*. L., Ann Arbor, MI: Pluto Press, 2004.

Lijphart A. *Democracy and Plural Societies*. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press, 1977.

Lopes T., Thomas B. *Dancing on Live Embers: Challenging Racism in Organizations*. Toronto: Between the Lines, 2006.

Loseke D.R. *Thinking about Social Problems: An Introduction to Constructionist Perspectives*. 2nd ed. N.Y.: Aldine de Gruyter, 2003.

Loury G. *The Anatomy of Racial Inequality*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2002.

Loury G. *Race, inequality, and justice in the USA: some social-philosophic reflections // Ethnicity, Social Mobility, and Public Policy*. Cambridge and N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2005. P. 573–601.

MacEwen M. *Tackling Racism in Europe. An Examination of Anti-Discrimination Law in Practice*. Oxford, Washington D.C.: Berg, 1995.

Marable M. *The Great Wells of Democracy: the Meaning of Race in American Life*. N.Y., 2002.

Massey D. *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass // The American Journal of Sociology*. Vol. 96. No. 2. P. 329–357.

Massey D., Denton N. *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1993.

McGarry J., O'Leary B. *Introduction: the macro-political regulation of ethnic conflict // The Politics of Ethnic Conflict Regulation. Case Studies of Protracted Ethnic Conflicts*. L. and N.Y.: Routledge, 1996. P. 1–40.

McCrudden C. *The new concept of equality // ERA-Forum*. Vol. 4. 2003. No. 3. P. 9–29.

Mihalikova S. *The Hungarian Minority in Slovakia: Conflict over Autonomy // Managing Diversity in Plural Societies*. Nepean, Ont.: Forum Eastern Europe, 1998. P. 148–164.

The Multiculturalism Backlash. European discourses, policies and practices. L. and N.Y.: Routledge, 2010.

Mustard D. *Racial Justice in America: a Reference Handbook*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2003.

Neil G. *A Critique of "Our Constitution is Color-Blind" // Stanford Law Review*. 1991. Vol. 44. No. 1. P. 1–68.

Non-Discrimination in International Law. A Handbook for Practitioners. L.: Interrights, 2011.

Omi M., Winant H. *Racial Formation in the United States: from the 1960s to the 1990s*. 2nd ed. N.Y., 1994.

Payson K.E. *Check One Box. Reconsidering Directive No. 15 and the Classification of Mixed Race People // California Law Review*. 1996. Vol. 84. No. 4. P. 1233–1291.

Pincus F. *From Individual to Structural Discrimination // Race and Ethnic Conflict: Contending Views on Prejudice, Discrimination, and Ethnoviolence*. 2nd ed. Boulder, Colo.: Westview Press, 1999. P. 1–24.

Pincus F. *Reverse Discrimination: Dismantling the Myth*. Boulder, Colo., 2003.

Political Participation of Minorities: A Commentary on International Standards and Practice. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.

Race, Religion and Ethnicity Discrimination: Using International Human Rights Law. L.: Justice, 2003.

Reed D.S. *On Equal Terms. The Constitutional Politics of Educational Opportunity*. Oxford, Eng., Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 2001.

Rex J. *The problematic of multinational and multicultural societies // Ethnic and Racial Studies*. 1997. Vol. 20. No. 3. P. 455–473.

Sisk T.D. *Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 1996.

Sowell T. *Affirmative Action around the World: an Empirical Study*. New Haven, 2004.

Sowell T. *Equality, Inequality and Fate // Human Events*. 2004. No. 10. 23 February.

Spector M., Kitsuse J. *Constructing Social Problems*. Menlo Park, CA: Cummings, 1977.

Spiliopoulou Åkermark A. *Justifications of Minority Protection in International Law*. L.; Boston: Kluwer Law International, 1996.

Swerdlow S. *Understanding Post-Soviet Ethnic Discrimination and the Effective Use of U.S. Refugee Resettlement: The Case of the Meskhetian Turks of Krasnodar Krai // 94(6) California Law Review*. Vol. 94. 2006. No. 6. P. 1827–1878.

Taylor Ch. *The Politics of Recognition // Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition*. 2nd. ed. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994. P. 25–73.

Thernstrom S., Thernstrom A. *America in Black and White: One Nation, Indivisible*. New York, 1997.

Tully J. Introduction // *Multinational Democracies*. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2001. P. 1–33.

Van Dijk T. *Communicating Racism. Ethnic Prejudice in Thought and Talk*. L., Newbury Park, CA: Sage Publications, 1987.

Van Dijk T. *Elite Discourse and Racism*. L., Newbury Park, CA: Sage Publications, 1993.

deVarenes F. *Language, Minorities and Human Rights*. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1996.

Verstichel A. *Participation, Representation and Identity: The Right of Persons Belonging to Minorities to Effective Participation in Public Affairs: Content, Justification and Limits*. Antwerp: Intersentia, 2009.

Vertovec S. Multiculturalism, racialism and public incorporation // *Ethnic and Racial Studies*. 1996. Vol. 19. No. 1. P. 49–69.

Weiner B.A. *Sins of the Parents: the Politics of National Apologies in the United States*. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2005.

Wheatley S. *Deliberative Democracy and Minorities* // *European Journal of International Law*. Vol. 14. 2003. No. 3. P. 507–527.

Wrench J. *Managing diversity, fighting racism or combating discrimination? A critical exploration* // *Resituating Culture*. Strasbourg: Council of Europe, 2004. P. 113–123.

Wu E. *Reparations to African-Americans: the Only Remedy for the U.S. Government's Failure to Enforce the 13th, 14th, and 15th Amendments* // *Connecticut Public Interest Law Journal*. 2004. Vol. 3. No. 2. P. 403–429.

Xantaki A. *Multiculturalism and International Law: Discussing Universal Standards* // *Human Rights Quarterly*. 2010. Vol. 32. No. 1. P. 21–48.

Young I. *Justice and the Politics of Difference*. Princeton, N.J., 1990.